

Шумные соседи

Андрей Евдокимов

Андрей Евдокимов

Шумные соседи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11821499

Аннотация

Самуилыч повздорил с соседом Афоней, дошло до пальбы из ружья в воздух. Афоня пообещал Самуилыча пристрелить. Обещание Афони слышал весь двор. В тот же вечер Самуилыч со своей квартиры съехал, перебрался в малогабаритку – в ту, что метр на два да на высоту гроба. Под подозрением только Афоня. Однако частный сыщик Ян Янов – сосед Самуилыча и Афони – считает иначе.

С улицы донесся крик: “Убью, урод!”. Кричал Афоня, мой сосед по площадке. Кричал с балкона. Кричал Самуилычу, что жил на втором этаже, над Афоней. Почему Самуилыч “жил”? Потому что Самуилыч со своей квартиры съехал, перебрался в малогабаритку – в ту, что метр на два да на высоту гроба. Но о грустном позже.

Через минуту после того, как Афоня пообещал Самуилыча убить, на улице грохнул выстрел. Эхо отразилось от трёх этажей, ушло гулять по району. Дворовой гомон летнего воскресного вечера оборвался. Двор накрыла тишина. Даже воробьи, что чирикают весь день без умолку, и те заткнулись, словно прислушивались: бабахнет или нет ещё разок. Бабахнуло.

Второй выстрел показался намного громче первого, ведь разорвал тишину. Двор заголосил, запричитал мамашами, что звали детишек явиться пред родительские очи: мол, живы ли?

Я отлепил себя от кресла, потащил на балкон.

Я осмотрел двор. Детишки скучковались под родными подъездами, мамы отпрысков пересчитали, справились о здоровье. Детишки отрапортовали как один, чуть не хором: “Мам, со мной всё тип-топ. Это старый Самуилыч. Опять строит Афоню”. Мамашы успокоились, дали чадам добро на продолжение веселья.

Через пару минут дворовой гомон набрал прежнюю силу. Я вернул себя в кресло. Хоть часы и показывали шесть ве-

вчера, а на балконе вечерней свежестью не пахло. Заходящее солнце светило прямо в мой балкон, и прохладными лучи ближайшей звезды я бы не назвал. В квартире жара и духота доставали поменьше. Потому я балкон покинул, спрятался в комнате. Тем более что интересного во дворе я не увидел. Ни трупа с дыркой, ни человека с ружьём я во дворе я так и не разглядел, как ни старался.

Да и стараться-то, по большому счёту, смысла не имело. К крику Афони и стрельбе Самуилыча я мог бы и привыкнуть. Всё же не в первый раз Самуилыч пакостил Афоне, а Афоня в ответ обещал Самуилыча прибить. Причём обещания Афони слышал весь двор. В ответ на обещания Афони Самуилыч лупил дуплетом из двустволки в воздух. Зачем? Острастки ради. Мол, ты, соседка, обещай, да не заговаривайся, потому как ружьишко-то не у тебя, а у меня, да за всегда заряжено.

Потому искать трупы во дворе было бы глупо. Самуилыч всегда палил в небо.

После добрососедской перебранки-перепалки Афони и Самуилыча я вернулся к бесцельному брожению по новостным сайтам.

Если до стычки соседей я сидел в относительной тишине, то после стрельбы я бродил по сети под звуковое сопровождение, что доносилось с афониного балкона. Я сидел в комнате, и тем не менее слышал, как Афоня минут пятнадцать бродил по кухонному балкону, шуршал, гремел вед-

ром, плескал водой, матерился. Слышимость в моём доме и без того расчудесная, так для полного счастья у меня с Афонею общая стена.

Среди матерных слов в монологе Афони попадались и обычные. Когда я выудил редкие нормальные слова из потока афониного мата, я понял, что Афоня поминал незлым тихим словом рыбью требуху на балконной решётке и чешую на стёклах. Вот из-за них-то – чешуи да требухи – спокойным воскресным вечером Афоня и пообещал Самуилыча убить, а Самуилыч в ответ решил пострелять.

Зри в корень, как говорил некто Козьма. Причина стычки Афони и Самуилыча корнями уходила не в чешую да требуху, а в рыбалку, с которой Самуилыч прибыл за час до стрельбы дуплетом. Не будь той рыбалки, и Самуилыч мог бы ещё грешну землю потоптать. Хотя, если уж положить руку на сердце, то рыбалка была ни при чём.

Если начинать от корня, от рыбалки, то за час до пальбы по ясному небу дуплетом, около пяти вечера я увидел, как к подъезду подкатил “Запорожец” Самуилыча, тархтящий на весь двор наш и три соседних. Пока Самуилыч извлекал из салона снасти, клеенные-переклеенные рыбацкие сапоги, плащ-палатку, рюкзак, раскладной стул, прочую рыбацкую дребедень, в числе которой садок с нехилым – килограммов восемь-десять отборных карасей – уловом, я предложил, что вечернее шоу с пальбой из обоих стволов двору обеспечено. Предположение моё строилось не на пустом месте, а

на истории.

Самуилыч возвращался с рыбалки всегда с уловом. Чтобы Самуилыч вернулся без рыбы... такого я не помню. Ну а раз возвращался с уловом, то Самуилычу нужно было рыбку почистить. Что Самуилыч и делал. Рыбьи кишки, хвосты, плавники, чешую нормальные люди выбрасывают в мусорный бак, что смердит перед подъездом, или хотя бы в мусоропровод. Но не таков Самуилыч, чтобы жить как все. Самуилыч выбрасывал требуху да чешую с балкона. Так кормил подвальных котов. Мол, коты ловят в подвале крыс, за то мы должны их кормить.

Самуилыч, когда выбрасывал с балкона хоть что-нибудь, вниз не смотрел. Выбрасывал ли Самуилыч пустой спичечный коробок, выплёскивал ли полкастрюли скисшего борща, а куда кидал-выплёскивал, не смотрел из принципа: мол, двор общий, что хочу, то и делаю.

Всё, или почти всё, что выбрасывал с балкона Самуилыч, повисало на балконной решётке соседа снизу – Афони. Что могло отлететь от прутьев решётки и размазаться по стёклам афониного балкона, отлетало и размазывалось.

Вернусь к чешуе на балконных стёклах Афони.

После афониных громогласных обещаний убить верхнего соседа, ответной стрельбы Самуилыча, и незлых тихих матов Афони, когда тот возился на балконе, я понял, что Самуилыч приехал с рыбалки, почистил рыбу, и опять выплеснул из тазика требуху. Причём не вышел во двор, как нормаль-

ные люди, и не накормил котов в отведённом для этого месте, а выплеснул требуху с помоями с балкона, и рыбы кишки повисли на решётке Афони, а чешуя налипла на стёкла балконных окон.

Наверное, за такое я бы тоже пообещать прибить.

Когда минут через пятнадцать после стрельбы Самуилыча Афоня угомонился, и плескать водой на балконе под звучный матерок перестал, я решил, что Афоня окна да решётку вымыл, и отправился в комнату.

Я угадал. В половине седьмого у Афони заработал телевизор. Шла передача “Громкие преступления” типа бибисишных передач ни о чём, но подробных до зубной боли. Благодаря проектировщикам бетонных девятиэтажек слышимость в моём доме хорошая. Я слышал каждое слово, что вылетало из динамиков афониного телека, только в приглушённом виде.

С половины восьмого до девяти из квартиры Афони доносилась тишина. В девять Афоня закопошился на кухне. Наверное, готовил ужин. Такова она, жизнь холостяцкая: и не накормят тебя голодного, и не напоят томимого жаждой. Всё, как говорится, своими руками.

В половине десятого я услышал скрип петель, на которых висела входная дверь Афони. Миг спустя до меня донёсся щелчок автоматического замка, что запер афонину дверь. В завершение я услышал быстрые шаги Афони по лестничной клетке.

Через минуту в квартире Самуилыча начался ор. Самуилыч орал на Афоню, Афоня орал на Самуилыча. Затем грохнул выстрел. Как бы мне ни хотелось написать по-книжному, по-детективному, а звук, что донёсся из квартиры Самуилыча, не походил на хлопок, что издаёт упавшая книга. Да и новогодняя хлопушка хлопает куда тише. Такой тугой и мощный “бабах” издаёт только нечто огнестрельное, имеющее как минимум ствол и патрон с зарядом.

Я посмотрел на часы. Будильник показывал тридцать две минуты десятого.

В тридцать две минуты и десять секунд я уже запер свою дверь на верхний замок. Впопыхах о нижнем замке не подумал, да и верхний закрыл только на один оборот ключа вместо привычных трёх.

Пока я бежал по лестнице на второй этаж, пока перепрыгивал через три ступеньки, я слышал, как Афоня орал Самуилычу: “Ещё раз – и я тебя, урода, пристрелю!”. Причём в начало, конец, и середину фразы Афоня умудрился вставить по дюжине матов.

*

*

Картина, что развернулась передо мной, когда я распахнул дверь Самуилыча, сразила наповал.

В коридоре вполоборота ко мне Афоня с ружьём на изготовку и взглядом бешеной селёдки держал на прицеле Самуилыча. Владелец ружья – Самуилыч – стоял в двух шагах от

Афони. Под глазом Самуилыча красовался синячище. Самуилыч стоял с выпяченной грудью и с головой, задранной подбородком кверху в стиле синьора Муссолини. Вид Самуилыча вопил: “Стреляй, гад! Что, струхнул?”. Самуилыч разве что не рвал на груди тельняшку.

Афоня отлепил взгляд от Самуилыча, перевёл на меня. Безумные глаза Афони да взгляд бешеной селёдки говорили, что Самуилыч Афоню до белого каления таки довёл.

Я сварганил серьёзное лицо, потому как понял, что ещё миг – и расхохочусь. Афоня и Самуилыч в качестве противников не смотрелись аж до коликов в животе.

Афоня – здоровенный амбал тридцати лет от роду, два метра ростом, косая сажень в плечах, и кулачище размером с трёхлитровую бутылку. Самуилыч – щупленький старикашка ростом в полтора метра, начал считать восьмой десяток, но бодрячок такой, то даст фору иному полстолетнему.

Малыш Самуилыч, причём безоружный, всем своим героическим видом вызывал на смертный бой громилу Афоню, у которого в руках ружьё.

Я предположил, что Самуилыч схватку с Афоней проиграет всухую. Потому я решил, что если не вмешаюсь, то Самуилычу жить долго не придётся.

Я попросил Афоню отдать ружьё мне. Афоня отказался. В выражениях Афоня не стеснялся. Я просьбу повторил. Афоня повторил отказ. Чтобы придать словам весомости, Афоня пальнул в потолок. Заряд дроби рикошетом отлетел от по-

толка, отразился от стены, застучал по полу коридора дробинками. Затем Афоня направил ствол на меня.

Мне очень-очень захотелось жить.

Мой взгляд привлекла выбоина в штукатурке потолка, что осталась после выстрела Афони. Рядом с выбоиной, что появилась при мне, я заметил ещё одну. Я сложил один и один, получил два. Два ствола, два выстрела. Я решил, что в ружье остались только пустые гильзы.

Я улыбнулся той улыбкой, которую дарят дураку.

– Афоня, положи ружьё на пол. И пошёл отсюда к монахам! Захотел на нары?

– Что ты сказал?! Ян, мне показалось, или ты меня послал?

– Афоня, я не посмотрю, что ты такой здоровый. Дам промеж глаз, и считать звёздочки забодаешься.

– Много тексту.

Нашу милую беседу я передал не дословно. Как бы я каждое слово упомянул? Чай память у меня не резиновая.

Когда говорильня закончилась, Афоня сжал ружьё так, что кожей ладоней скрипнул по полированному прикладу. Афоня пошёл на меня.

Я позволил Афоне послать приклад навстречу моему носу. Затем я Афоню стукнул. Афоня упал на колени, принялся хватать ртом воздух. Афонины пальцы разжались. Ружьё грохнулось на пол. Самуилыч подобрал ружьё, матернулся, начал чихвостить Афоню. Я взглядом приказал Самуилычу

заткнуться.

Афоня очухался, поднялся, посмотрел на меня.

– Ян, ты меня чуть не...

– В следующий раз прибью, не сомневайся. Иди.

Афоня сплюнул под ноги, прошёл мимо меня, на пороге остановился, матернул Самуилыча, затем хлопнул дверью так, что отлетел наличник. Самуилыч послал Афоне вдогонку матерную тираду длиной в полминуты.

Когда Самуилыч материться закончил, я посоветовал спрятать ружьё в сейф. Самуилыч сказал, что пока стволы не выдраит да не смажет, ружьё в сейф не покладёт. Я заметил, что в следующий раз меня может рядом не оказаться, тогда Афоня может пальнуть не в потолок, а в живот Самуилыча. Потому будет лучше, если Самуилыч пугать Афоню ружьём перестанет.

Самуилыч матернулся.

– Ян, это мне решать, кого и чем пугать!

– Может, отдадите ружьё мне? Полежит у меня, пока у вас обоих нервишки шалить не перестанут.

Самуилыч перешёл на крик.

– Ян! Ты думай, что говоришь! А если этот козёл придёт опять? Чем мне защищаться, а?!

– Только не надо брать меня на глотку. Будете орать когда уйду. Вопите в своё удовольствие, чешите гландами зубы.

– Ладно, сорвался. Ну ты ж понимаешь...

– А если вы Афоню убьёте? Если вместо защиты...

Самуилыч тряхнул головой.

– Ну и ладно! Значит, так тому и быть. Наверное, этого козла я когда-нибудь таки пристрелю. Мне терять нечего. Я своё уже отжил. А если этот урод подойдет, то людям будет жить полегче, а?

Самуилыч притащил из комнаты патронташ, зарядил ружьё. Пока заряжал, бубнил: “Дробь я ему, уроду, заряду покрупнее”. Ружьё Самуилыч повесил на вешалку в коридоре. Под панамкой, над сандалиями, рядом с летней рубашкой ружьё смотрелось как нельзя к месту.

Самуилыч посмотрел на меня.

– Вот так, Ян. Пусть этот козёл только сунется, так у меня теперь ружьё наготове. Я теперь не дурак, открывать дверь без ружья не стану. Застрелю к монахам.

– Вы же хотели ружьё смазать и спрятать в сейф.

– Смажу завтра, когда этот петух успокоится.

Я улыбнулся, подумал: “Что взять с дурака?”, потопал вон. Своё дело я сделал, добрососедскую потасовку-перепалку прекратил.

*

*

Я спустился на первый этаж, постоял на площадке, посмотрел на дверь Афони, подумал, надо ли спросить Афоню о том, по какому поводу стреляли. Лезть к Афоне с расспросами я так и не надумал, пошёл к себе.

Отечественные замки на моей стальной двери открывают-

ся с лязгом гаубичных затворов. Потому я не удивился, что мой сосед услышал, как я вернулся домой.

Не успел я отгрохотать замком, как дверь соседней квартиры отворилась, и на площадку выглянул Афоня.

Афонин взгляд бешеной селёдки чуть поубавил сочности, но всё ещё остался. Так бывает у тех, кто заводится за секунду, а останавливается через день. И ещё Афоня выглядел чуток виноватым.

Афоня посмотрел на меня, перевёл взгляд на пол.

– Ян, зайди. Есть дело.

Я закрыл свою дверь, прошёл к Афоне.

Афоня провёл меня на кухню, засуетился возле холодильника. Через минуту на столе расцвела поляна из нарезки, огурчиков, помидорчиков, грибочков, и, само собой, водки.

Афоня открыл бутылку, наполнил рюмку. Когда потянулся бутылкой ко второй рюмке, я покачал головой.

– Афоня, я не пью.

– Да ну?! Больной, что ли?

– Больным будешь ты, когда допьёшься. Лей себе.

Афоня поставил бутылку на стол, посмотрел на наполненную до краёв рюмку, сглотнул.

– Ян, я ж не алкаш. Я один не пью.

– Вот и хорошо. Здоровее будешь. Зачем звал?

– Ну так это... Хотел извиниться. Не знаю, что мне стукнуло в башку...

– Проехали. Всё обошлось, все живы. Ты на меня покати

бочку, я тебя стукнул. Мы квиты.

– Мда... Что мне с ним делать, Ян? Этот урод меня когда-нибудь достанет по-взрослому.

– Продай квартиру. Другого тут не дано.

– Из-за какого-то козлина съезжать из классного двора?

Да я искал такой двор пять лет! А теперь...

Афоня цветистыми матами расписал картину “Вот в какие нервы мне вылилось проживание под квартирой Самуилыча”. Под конец монолога Афоня сказал, что нервы уже закончились.

Я сказал, что Афоне лучше бы держать свои срывы под контролем. Самуилычу терять так много, что раз два и обчёлся. Как бы в следующий раз старик не пальнул Афоне в лоб.

Вместо того чтобы подумать о будущем, Афоня решил прояснить мне свой взгляд на недавнее прошлое.

Афоня вкратце рассказал про собачье дерьмо на балконных стёклах.

К слову сказать, у Самуилыча жил охотничий пёс, по возрасту чуть младше Самуилыча. Кликуху собаченция носила знатную – Туз. Пёсик был весь в хозяина: такой же вредный. Целыми днями скрёб пол и лаял на каждую муху. Даже я иногда заезжал мозгами от постоянного лая и скрежета, при этом моя квартира не под Самуилычем, а по диагонали, то есть мне легче. Я даже не хотел представлять, как раздражает пёсик Афоню.

Туз скрёб пол и лаял. Лаял и скрёб пол. И так зачастую с утра до вечера. Вдобавок пёсик гадил прямо на пол. Самуилыч выводил пса во двор по расписанию, а Туз гадил в доме когда хотелось. Самуилыч собачье дерьмо собирал на газетку, и сбрасывал дерьмо-газетный подарок с балкона, метя в оконную решётку Афони. Самуилыч – малый меткий: газетка падала точнёхонько на решётку Афони. И прилипла. Связующим звеном между стальной решёткой и газетой выступало дерьмо. Добрососедский жест Самуилыча Афоня оценивал диким ором с балкона. В ответ Самуилыч палил из ружья.

В общем, когда в шесть вечера Самуилыч выбросил рыбью требуху, и та повисла на решётке Афони, то Афоня только поматерился, но таки стерпел. Да и побоялся. Как-никак в ответ на афонины недовольства Самуилыч пальнул дуллетом. Но когда в половине десятого Самуилыч выбросил с балкона собачье дерьмо... и оно размазалось по всей решётке, да заодно отразилось от прутьев решётки и заляпало пол-окна... Тогда афонино терпение лопнуло.

Афоня указал на балконное окно, предложил мне взглянуть и оценить моральный ущерб, который Афоне нанёс Самуилыч. Рассматривать окно полчаса мне не пришлось. Хоть на улице уже и хозяйничали густые сумерки, я без труда разглядел изгаженное стекло и ошмётки дерьма на прутьях решётки.

Со слов Афони, “дерьмо по окну стекало, как... ну как

дерьмо, как что же ещё, мать бы его, старого уroda!”. Затем Афоня с минуту матерился. Когда успокоился, сказал, что только-только вымыл окна и решётку от рыбьей требухи, как через час на решётку и стекло налипло собачье дерьмо.

Я подумал, что у бедного Афони три часа уже пошли за час. Ведь с момента шестичасовых выстрелов по поводу рыбьей требухи прошло три с половиной часа. Для несчастного Афони три часа без подлянок Самуилыча пролетели как один.

Когда Афоня поужинал, а Самуилыч в качестве “Приятного аппетита!” изгадил Афоне стекло, терпение у Афони лопнуло: он решил научить Самуилыча уму-разуму.

Если Афоне верить, то Афоня поднялся к Самуилычу и в вежливых выражениях попросил впредь выбрасывать собачье дерьмо в унитаз. Насчёт вежливых выражений я не поверил. Ну да бог с ним, с моим неверием. Важнее то, что на афонину просьбу Самуилыч заявил: “Оно земле полезно. Кидал и кидать буду. А ты, сопляк, мне не указ!”. Тогда Афоня и зарядил Самуилычу в глаз.

Самуилыч не растерялся, метнулся к оружейному сейфу. Афоня подождал, пока Самуилыч ружьё зарядит, да и треснул старика по лбу. Самуилыч свалился, ружьё выронил. Афоня ружьё подобрал, пальнул в потолок: мол, вставай, старый хрыч, хорош прикидываться!

Когда Самуилыч поднялся, Афоня хотел было поставить старика под ствол да взять с вредного соседа слово чести,

мол, никогда-никогда чтоб больше не пакостил, да тут явился я, герой-спасатель, и всю малину Афоне испоганил.

Под конец исповеди Афоня спросил, считаю ли я до сих пор виновным в потасовке-перепалке Афоню, и имел ли я моральное право разнимать бойцов на самом интересном месте.

Я сказал, что Самуилыч, конечно, не подарок, но баловство с ружьём всегда заканчивается трупом. Что бы там Афоня ни говорил о моральном праве, а хвататься за пушку – дело последнее. Если Самуилыч и дурак, раз полез за стволом, то это не значит, что Афоня ангелочек, раз инициативу перехватил. Надо было не давать старику в глаз. Кто первым руки распустил, тот и виновен.

Афоня меня выслушал, опустил голову, пробурчал: “Поди тут разберись!”.

Затем Афоня встрепенулся, вышел на балкон, сказал, что если ещё раз увидит на своих стёклах дерьмо... Дальше шло перечисление всяческих видов умерщвления, из которых “привяжу за шею и уроню с балкона” выглядело детской шалостью.

Когда стоял на балконе, Афоня обращался вроде бы и ко мне, но так, чтобы услышал и Самуилыч. Перестарался. На мой взгляд, Афонины угрозы слышал весь двор. Афонин зычный голос да в вечерней-то тишине...

После гневной тирады Афоня вернулся в кухню, и таки выпил ту рюмку, что налил, да запил ещё одной. Закусил

грибочком, посмотрел на меня.

– Ян, я тебя выслушал. Ты говоришь, что виноват я. А я считаю, что тот старый урод. В общем так: если ещё раз старый козёл будет меня своей пушкой пугать, то я его, падлу, его же пушкой и замочу. Будет как самооборона.

Афоня говорил чуть потише мегафона на первомайском параде. Я решил, что речь предназначалась опять не мне, а Самуилычу, который мог стоять на балконе и в вечерней тишине слышать каждое слово Афони.

На мой вопрос: “Как с трупом на руках будешь жить?” – Афоня не ответил.

Я встал.

– Мне пора в душ. Я с вами, бойцовские вы орлы, аж вспотел.

– Ян, так ты это... На меня не злись, ладно?

– Проехали. Причём давно. Мы же соседи. Ты только с пушками больше не балуйся, ладушки?

Афоня изваял неопределённый жест, который можно было расценить и как “Хорош поучать-то!”, и как “Виноват, учту”. Я выбрал последнее.

Я двинулся к выходу. Афоня меня провёл, на прощание ещё раз извинился.

Дома я без промедления влез в душ. Когда в квартире Самуилыча Афоня пошёл на меня с ружьём наперевес, по моему позвоночнику сошла лавина холодного пота. Следы животного страха пришло время смыть.

Я открыл воду на полную. На показания водомера и разбойничьи расценки “Горводоканала” на куб воды мне не наплевать, вовсе нет. Но и душ, больше похожий на весеннюю капель вместо того, чтобы мощными струями воды напоминать душ Шарко, меня не радует.

Пока душ массировал мне плечи, я разминал память: ни с того ни с сего в голову полезли подянки Самуилыча, за каждую из которых можно схлопотать не только в глаз.

*

*

За те десять минут, что я проторчал в ванной, я вспомнил лишь малую толику того, за что двор желал Самуилычу всего наихудшего. Если Самуилыч умудрился настроить против себя весь двор, то что уж говорить о несчастном Афоне, которого угораздило жить под Самуилычем, этим исчадием ада дворового масштаба. Не мудрено, что Афоня взъелся на Самуилыча до такой степени, что докатился до рукоприкладства.

Итак, за что Афоня взъелся на Самуилыча? Тут двумя словами не ответишь.

Афоня в мой дом въехал в марте, а уже к июню общался с Самуилычем только на ножах. Оно и понятно, ведь фразами “Убью, урод!”, “Замочу падлу!”, “Чтоб ты сдох!” и им подобными Афоня разговаривал с Самуилычем не первый. Те, кто жил в квартире номер три до Афони, потому и съехали, что лишь идиот сможет жить под такими орлами как Самуилыч

и его внучок.

Когда Афоня квартиру номер три ещё только смотрел с маклером, я не поленился, вышел, да Афоне рассказал, что Самуилыч не из тех, кого называют подарком. Я Афоне открытым текстом вдалбливал: покупай не дом, а соседа, особенно того, что сверху. Афоня тогда отмахнулся, сказал: “Строил и не таких!”. На моё возражение, мол, построить человека с ружьём не так-то просто, Афоня лишь улыбнулся.

Откуда у Самуилыча ружьё? Наш Самуилыч слыл охотником. Похвалялся: мол, белке в глаз, и всё такое. Только где наш снайпер в окрестных лесах находил белку, не знаю. Хорошо бы хоть одного завалившего кролика встретить, да и тот наверняка сбежал с ближайшей фермы. Ну да ладно, бог с ней, с белкой. Тем более что Самуилыча я чаще видел с удочками да карасями.

Словом, у Самуилыча имелось ружьишко. Ствол законный, зарегистрирован, всё чин-чинарём. Вот из него-то Самуилыч и постреливал в небо, когда ему казалось, что Афоня со своими дебильными требованиями перегибает палку. Стрелял Самуилыч для острастки: мол, если не угомонишься, то я тебе когда-нибудь дырок в животе-то понаделаю, вредный соседка.

Афоня обещал Самуилыча убить, размазать по стенке, уложить под трамвай, уронить с балкона, и ещё много чего обещал Афоня. Чего не наговоришь в сердцах. После первого выстрела самуилычевой двустволки Афоня ещё продол-

жал бузить, орать, обещать. Второй выстрел Афоню успокаивал. После второго выстрела озвучивать требования Самуилычу Афоня прекращал, взамен начинал материться на балконе вполголоса.

Чего от Самуилыча требовал Афоня? Самую малость. Чтоб Афоне угодить, Самуилычу пришлось бы перестроить весь уклад своей жизни. Понятно, что такое под силу лишь редким подвижникам-альтруистам, а не рядовым самуилычам.

Как Самуилыч мог вот так, вдруг, в излюбленных занятиях себе отказать? К примеру, как Самуилыч смог бы не выбрасывать остатки борща с балкона? Капуста из борща повисла на балконной решётке Афони? Так это проблема Афони, не Самуилыча. Нечего покупать такую решётку, за которую цепляются объедки. А если так уж хочется решётку только такую и никакую другую, то нечего жить под Самуилычем.

Борщ на решётке Афони в сравнении с остальными заскоками Самуилыча смотрелся сущей ерундой.

Самуилыч считал своим долгом в четыре утра развести под домом костерок, да сжечь весь тот мусор, что рассыпал ночной мусоровоз, когда опрокидывал контейнер в кузов. Афоня от дыма задыхается, не может спать? Так что, из-за этого недотроги Самуилыч должен целый день смотреть, как ветер гоняет по двору бумажки да пакеты?

Да и чем же ещё заняться Самуилычу на заслуженной пен-

сии, как не подогнать под дом автомобилюс, в далёкие семидесятые сработанный в славном Запорожье, да не начать греть мотор? Глушитель пробитый, грохот от выхлопа такой, что даст фору взлетающему вертолёту? Так на то он и мотор, чтобы дырчать. А кому звук из выхлопной трубы не нравился, Самуилыч врубал в авто радиоприёмник на полную. Ладно бы днём, а то ведь в три утра, когда отчаливал на рыбалку.

Дым, что по полчаса валил из выхлопной трубы автомобилюса Самуилыча, травил не только Афоню. Да, Афоне перепадало больше других, потому как Самуилыч не прогрел движок раньше, чем прицелится выхлопной трубой в балкон Афони. Но дышать было нечем не одному Афоне. Все, кому посчастливилось жить на первом-втором этаже, вонь горелого моторного масла нюхали в принудительном порядке. А уж когда наступала осень, и Самуилыч принимался жечь опавшую листву... Я тоже посылал Самуилычу проклятья, каюсь.

Железный гараж, полученный за невесть какие заслуги перед партией, Самуилыч сдавал. Какая-никакая, а к пенсии прибавка. “Запорожец” Самуилыча хранился под окнами Афони. Однажды Афоня не выдержал, да задул выхлопную трубу автомобилюса монтажной пеной. Задувал глубокой ночью, чтоб не засекли соседи. Мне в ту ночь не спалось. Сидел на балконе. Самуилыч выковыривал пену полдня. Матерился на весь двор. Афоня весь тот день светился от счастья как пацан, которому купили первый велик.

Ко всему прочему Самуилыч жил не один. С Самуилычем жил внучок. Вадик. Не пойму, почему Минздрав до сих пор не запретил таких вадиков рожать? Или хотя бы выделяли таким орлам жильё в горах да в пустынях, чтобы народ о них слыхом не слыхивал.

Вадик включал музон, где только “бум-бум-бум” и дюжина припевов, выставлял колонки в окно, выкручивал громкость на полную, а сам шёл пылесосить. Каково, а?

Подвигов во вред двору и соседям Вадик совершил не меньше чем Самуилыч. Оно и понятно. Нормального родительского воспитания Вадик не получил, потому как папаша Вадика – сын Самуилыча – склеил ласты от водки, мамаша откинула копыта от шприца с передозом. Оба родителя отправились в мир иной, когда Вадiku стукнуло три. А вскорости из бабушек-дедушек у Вадика остался один Самуилыч. Потому Вадик с Самуилычем жил с раннего детства, а с кем поведёшься...

Как таких соседей любить? Ладно, с Вадика спрос был невелик, потому как пацану только-только стукнуло восемнадцать. А вот Самуилыч виделся мне и всему двору злодеем матёрым. А уж кем виделся Самуилыч Афоне, лучше умолчу.

В той или иной форме Афоня обещал Самуилыча лишиться жизни чуть не через день. Об угрозах Афони знал весь дом. Да что там дом! Афонины угрозы слышал весь двор.

Поначалу двор будоражило каждое афонино выступле-

ние. Ещё бы! Такие стоэтажные маты, такие изошрённые пожелания скорейшей смерти услышишь не каждый день. Затем народ привык. Даже научился извлекать из афонных концертов пользу: учился ругаться с витиеватостями да ажурностями, на которые Афоня мастак. Уже через пару месяцев дворовые алкоголики матерились на качественно более высоком уровне.

Когда воспоминания полились рекой, я закрыл на смесителе кран. Имитация душа Шарко закончилась, а вместе с ней потускнели мемуары. Через миг я отогнал думы о Самуилыче и Афоне, послал похвалу своему умению управлять мыслями, потянулся за полотенцем.

Сверху донёсся вой. Я прислушался. Думал, что показалось. Вой повторился. Я решил, что или у меня со слухом проблемы, или выл Туз, охотничий пёс Самуилыча. Мне стало жутковато. Где-то я слышал, что когда собака воет, то это к покойнику.

Туз повыл с полминуты, умолк. Я таки дотянулся до полотенца, вытерся. Пока натягивал трусы, и не заметил, как мыслями вновь очутился рядом с Самуилычем, Афоней, ружьём, да воющим Тузом в придачу.

Я глянул на часы, отнял пару минут на последушевое вытирание-одевание, получил время, когда завыл Туз: пять минут одиннадцатого. Когда происходит нечто из ряда вон, я смотрю на часы. Рефлекс.

Десять минут спустя я расправился со снотворным – ста-

каном молока с мёдом. Заснуть в дикую жару, что стояла в те дни, без снотворного я не мог. Ворочаться с боку на бок до полуночи мне, жаворонку, не улыбается.

Не успел я завалиться на боковую, как затрезвонил телефон. Я снял трубку. Звонил Вадик, внук Самуилыча.

Вадик попросил проведать деда, потому как дед на звонки не отвечает. Вадик звонил деду три раза, и держал трубку по пятнадцать гудков.

Голос Вадика я бы назвал взволнованным.

– Ян, я, конечно, понимаю, что уже поздно, и вы, наверное, уже собирались спать, но я сейчас далековато, приехать сразу не смогу. Может, деду плохо? Он ведь сегодня опять перенервничал с этим Афоней. Слышали, как дед стрелял часов в шесть?

– Слышал. Но прошло уже четыре часа. Уже мог бы и успокоиться. Может, дед спит? Почти половина одиннадцатого. Дед ложится рано?

– Обычно он если и ложится, то ещё час не спит. Сейчас по ночам такая духота... Так что должен бы трубку взять. Я могу приехать, но особенно не хочется. У нас тут весело. Ну, пожалуйста, Ян. Вам же до деда всего два шага.

– Ладно, веселись. Я посмотрю.

Слушать благодарности Вадика я не стал, повесил трубку.

Вадик звонил мне и раньше. Звонки тех, кто волнуется за престарелых родственников, мне не в диковинку. Как-то пару раз звонили даже среди ночи. Всем старикам, что живут

в моём подъезде, я как нянька. Родня старичков да старушек думает, что раз я не работаю на заводе с восьми до пяти, а сижу дома, то времени у меня завались, и я могу смотаться на девятый этаж проведать бабульку, а то не отвечает на звонки. Сгоняй, Ян, глянь. Может, с бабушкой чего случилось?

Я натянул штаны, футболку, тапки, потопал к Самуилычу. Пока я шаркал шлёпанцами по ступенькам, в голове вертелись вой Туза и народная примета “Собака воет к покойнику”.

*

*

Лестничная клетка второго этажа освещалась сорокаваттной лампочкой с первого. Жаловаться грех, ведь в других домах подъездные лампочки не всегда доживают и до второй ночи.

В полутьме я с трудом нашёл-нащупал возле двери Самуилыча кнопку дверного звонка, прижал пальцем. Изнутри квартиры донёслась трель звонка. Кроме трели я услышал ноль звуков. Ни шарканья домашних тапочек, ни “Кто там?”.

Я постучал в дверь пальцами. В ответ послушал тишину. Я постучал кулаком. Тишина. Я взялся за ручку, нажал. Ручка опустилась, замок скрипнул. Дверь подалась ко мне, сквозь щель вырвался свет, прочертил белую полоску на чёрном полу, прямо как во второсортных ужастиках.

Во входных дверях Самуилыча замок стоял простой, не автомат, без защёлки. Проверни ручку и входи. Если бы

Самуилыч выскочил выбросить мусор в мусоропровод, и при этом дверь в квартиру оставил приоткрытой, то мог не опасаться, что сквозняк захлопнет дверь и оставит хозяина квартиры на лестничной клетке без ключей.

Я подумал как герой третьесортного детектива: почему Самуилыч на ночь глядя оставил дверь открытой, не запертой на замок?

Когда я занёс ногу над порогом, откуда ни возьмись вынырнул охотничий помощник по кличке Туз, прошмыгнул между моей ногой и дверным косяком, дал дёру. Только пятки и засверкали.

Я перевёл дух. Своим неожиданным появлением и ещё более стремительным исчезновением Туз меня чуток напугал. А кое-кто говорит, что я не робкого десятка.

Затем я порог таки переступил. Затем увидел Самуилыча. Хоть я и не семи пядей во лбу, а с первого взгляда понял, что Самуилыч отправился к праотцам.

Самуилыч лежал в коридоре, возле туалета. На животе. В старом махровом банном халате. С дырищей в спине напротив сердца. Рядом со стариком лежала двустволка, из которой Самуилыч стрелял в воздух, Афоня лупил по потолку, а кто-то пальнул дуплетом Самуилычу в спину.

С какой стати я уверовал именно в дуплет, а не допустил смерть Самуилыча от выстрела одиночного? Потому как такую дырищу, что зияла в спине Самуилыча, один заряд не проделает. Разве что боеприпасы из обеднённого урана оче-

редной Кулибин приспособил для стрельбы из двустволки.

Предполагать, что Самуилыч всё ещё жив, и ему нужна срочная помощь, я счёл глупостью. С такими дырами не выживают.

По привычке я засёк время, когда обнаружил труп. В записной книжке мобильного я записал: “Труп Самуилыча. 22.25”.

Не знаю почему, а я подумал, что в то время, когда впервые завыл Туз, Самуилыч нас уже покинул.

Я набрал номер. Ответа дождался через семь гудков.

– Ян, я занят, перезвони.

– Юсуп, у меня тут труп. В груди дыра. Рядом ружьишко.

Когда перезвонить-то?

– Куда ехать?

– Ко мне.

– Ты уже далеко не ходишь? Мочишь народ дома?

– Стараюсь.

– Буду через десять минут. Я тут рядом. Жди и...

– Всех впущу, никого не выпущу.

– Соображаешь.

– Учусь помаленьку. Кстати, я тебя жду в квартире номер семь. Это в моём подъезде на втором этаже слева.

– Лады.

– И захвати психолога для пацана восемнадцати лет.

Юсуп повесил трубку.

Я позвонил внуку Самуилыча, Вадику. Сказал, что Саму-

илыч умер. Вадик сказал, что приедет. Голос у Вадика дрожал.

В туалете щёлкнуло реле бойлера. В тот же миг напряжение в сети самуилычевой квартиры упало, отчего свет коридорной лампочки чуть потускнел. Я посмотрел на лампочку, подумал, что свет в коридоре горел наверняка и в момент убийства Самуилыча.

Сперва я задался вопросом, почему убийца не побоялся, что его заметят и запомнят любители разглядывать в бинокль то, что делается в окнах напротив.

Я подошёл к трупу, повертел головой по сторонам. В пределах прямой видимости мой взгляд в окна не упёрся. Мои надежды на то, что кто-то из дома напротив мог убийцу видеть, растаяли. Коридор Самуилыча из окон не просмотришь. Всё, что делалось в коридоре, оставалось тайной за семью печатями.

Я оставил в памяти зарубку: убийца мог знать, что коридор из окон не просматривается, а значит, в квартире Самуилыча убийца мог бывать. Другими словами, убийца мог быть из числа знакомых Самуилыча. Если, конечно, с планировкой квартиры Самуилыча убийца не знаком по другой, куда более прозаичной причине. Таких квартир, как у Самуилыча, у нас полрайона. О том, что для соседей с биноклями коридор Самуилыча – это мёртвая зона, могла знать не одна сотня человек, Самуилычу не знакомых. Потому искать убийцу только в числе входящих в дом Самуилыча было бы

верхом дурости.

С другой стороны, Самуилыч вряд ли держал входную дверь открытой. На ночь глядя, да в наше-то смутное время, и не запереть дверь на ключ... учудить такое мог только идиот, а Самуилыча я идиотом не считал. Если не запереть дверь Самуилыча на ключ, то заходи кто хочет. Замок-то не автомат, без защёлки. Нажми на ручку, и входи всяк кому не лень.

Если Самуилыч запер дверь на ключ, то как убийца вошёл в квартиру без монтировки или заряда динамита?

Я осмотрел дверь. С внутренней стороны двери в замке торчал ключ. Следов взлома я не нашёл. Вывод напрашивается один: убийцу впустил Самуилыч. В противном случае убийца открыл замок отмычкой, а после убийства вставил ключ в замок с внутренней стороны: мол, меня впустил Самуилыч, так что ищите меня среди друзей-знакомых покойного.

Я смотался к себе, взял пару одноразовых перчаток, вернулся в квартиру Самуилыча, натянул перчатки на руки.

Беглый осмотр ружья, что лежало рядом с трупом, дал всего ничего: в стволах пустые гильзы, а отпечатки пальцев проверять по базе данных мне не дозволено.

Осмотр трупа дал больше. Самуилыч умер не за секунду до моего прихода, а как минимум за полчаса. Некто пальнул в спину Самуилычу примерно в то время, когда я плескался в ванной под имитацией душа Шарко. Другими словами, Самуилыч умер незадолго до или сразу после того, как я ушёл

от Афони.

На халате Самуилыча возле дырищи, которую правильнее было бы назвать входным отверстием пули или заряда дроби, я не нашёл ни копоты, ни впившихся в ткань порошинок. Столь чистые входные отверстия бывают, когда стреляют сквозь прокладку вроде подушки или одеяла.

Вдобавок прокладка глушит грохот выстрела. Тот выстрел, что выдал Афоня в половине десятого, в момент потасовки-перепалки с Самуилычем, я слышал. Те два выстрела, которые успокоили Самуилыча навеки, прошли мимо моих ушей. Правда, я десять минут плескался под душем, потому выстрелов мог и не услышать, даже если бы убийца глушителем не пользовался.

Перьев от подушки-глушителя, разорванной выстрелом, рядом с трупом я не нашёл. Зато я вспомнил, что Самуилыч пришёл с рыбалки, потому как чистил рыбу и выбрасывал требуху Афоне на решётку.

Если Самуилыч пришёл с рыбалки, то наверняка принял душ. Я выглянул на балкон. На балконной бельевой верёвке полотенце не заметил. Я заглянул в ванную. На крючке над ванной висело банное полотенце. Возле умывальника, на полотенцесушителе, висело полотенце для рук, больше похожее на застиранную тряпку. В барабане стиралки я нашёл пустоту. Корзины с грязным бельём не нашёл.

Вопрос “Неужели Самуилыч с Вадиком после купания вытираются одним полотенцем?” я отложил до встречи с Вадиком.

ком. Допускать, что убийца использовал банное полотенце в качестве глушителя, я мог не раньше, чем Вадик сказал бы, что полотенце пропало. До тех пор я решил о полотенце-глушителе не думать.

Поиск полотенца сам собой перешёл в осмотр квартиры Самуилыча, или, если умничать, то в осмотр места преступления.

В ходе осмотра я сфотографировал на мобильник всё, до чего дотянулся взглядом.

Когда осматривал балкон, возникло чувство из серии “чего-то не хватает”. Такое чувство появляется, когда смотришь на зебру без полосок и не можешь понять: или чего-то не хватает, или перед тобой белая лошадь.

Я осмотрел балкон трижды, сфотографировал каждый уголок, а чувство нехватки чего-то важного так меня и не покинуло. На балконе и смотреть-то, по большому счёту, можно было только на бельевую верёвку да на обшарпанный шкафчик.

На верёвке висели семейные трусы Самуилыча из пуленепробиваемого сатина и рыбацкий садок из капроновой сетки. В шкафчике Самуилыч хранил молотки, ножовку, гвозди, и тому подобную дребедень, без которой хозяйственному мужику никуда. Казалось бы, что надо ещё? Ведь всё, как и на сотнях других балконов. И тем не менее мысль “чего-то не хватает” выбираться из головы отказалась наотрез. Пришлось для капризной мыслишки выделить в памяти отдель-

ную полку.

Я перебрался на кухню.

В мойке гора грязной посуды подпирала носик смесителя. Слой пыли на холодильнике чуть-чуть не доходил до толщины пальца. Из переполненного мусорного ведра свисали края газеты, выпачканной в рыбьей крови, на газете пиروвали мухи. В общем, обычная кухня, где хозяйничают только мужики.

На кухонном столе, возле розетки, лежал простецкий мобильник размером с галошу, подключенный к зарядному. Я сходу дал мобильнику сто лет от роду, и решил, что с зарядки мобильник наверняка не снимался всю последнюю пятилетку, торчал на вечной привязи возле кухонной розетки, играл роль проводного стационарного телефона. Я решил, что нашёл мобильник Самуилыча.

Мобильник оказался запароленным. Я ввёл народный пароль: четыре единицы. Сработало. В мобильнике я нашёл три пропущенных вызова от абонента с именем Глеб. Глеб звонил три раза подряд. Первый вызов от Глеба поступил на мобильник Самуилыча в двадцать минут одиннадцатого. Кто такой Глеб, и почему звонил Самуилычу примерно в то время, когда Самуилычу должен был звонить внук Вадик, я решил спросить у Вадика.

Ванная, туалет, коридор страшных семейных секретов не таили. Фотографий убийцы и видеозаписей убийства я не нашёл ни в ванной, ни в туалете. На двери шкафа, что стоял в

коридоре, висело большое зеркало. В такое можно увидеть себя от колен до макушки. Говорят, что зеркало информацию запоминает. Врут. Как я ни старался, а разглядеть в зеркале убийцу не смог. Видел только бестолкового типа, что пялился в зеркало и пытался увидеть не себя.

В комнате интерес для следствия представлял лишь сейф, где Самуилыч хранил ружьё и боеприпасы. На сейфе висел амбарный замок. Я так и не понял, что Самуилыч прятал в сейфе под замком, если заряженное крупной дробью “на Афоню” ружьё повесил на крючок вешалки, что в коридоре.

На письменном столе я нашёл мобильник ценой баксов в двести. Я порылся в памяти трубки, нашёл порнуху, альбом рэпа, да папку с видеоприколами. Я решил, что мобильник с таким содержимым наверняка принадлежал Вадику.

Сперва я подумал, что батарея почти разряжена, потому Вадик и оставил мобильник дома. Когда я взглянул на индикатор зарядки и увидел, что зарядки полно, я подумал, что Вадик трубку попросту забыл. Как современный пацан восемнадцати лет мог забыть мобильник дома? Как же без мобильного-то? Это ж нынче чуть не сродни трагедии.

Причины, по которым Вадик мог оставить мобильник дома, я мог искать до утра. Думать о чепухе часами я умею, я такой. Причём лёгких путей не ищу, нахожу тропки покривее. Хорошо, что до меня вовремя дошла простая мысль: трубок у Вадика могло быть две, вот одну он и оставил дома.

Пока осматривал квартиру Самуилыча, я не забывал фо-

тографировать. Снимал всё подряд по принципу “лишняя фотка не помешает”. В таких случаях лучше перестараться, чем позже кусать локти из-за того, что не можешь вспомнить, чем убийца тюкнул жертву: томагавком или ледорубом. А то ведь сразу и не поймёшь, кого подозревать первым: индейца или альпиниста. Или индейца-альпиниста... Когда есть снимки, то память освежать проще.

В конце осмотра-фотосессии в памяти моего мобильного появилось почти три сотни новых фотографий. Чтобы мало не показалось, я сфотографировал ещё и ключ Самуилыча, что торчал в замке входной двери. С тех пор, как написали программу “Ключ”, и начали продавать её вместе со станком для изготовления ключей, я слепки с ключей не снимаю. Достаточно ключи сфотографировать.

Разве можно облегчить жизнь домушникам больше, чем это сделала программа “Ключ”? Теперь ключ можно сфотографировать, и прога по снимку составит чертёж, по которому станок выточит ключ за три минуты. Теперь надо следить, чтобы ключ не болтался на виду без чехла, чтобы лихие люди не сфотографировали.

Зачем мне понадобились дубликаты ключей от квартиры Самуилыча? На тот момент я решил обзавестись дубликатами на всякий пожарный. Мало ли что. Вдруг понадобится в квартиру зайти, а хозяина не застану. Законного в этом мало, согласен. Но если сыщик будет следовать каждой букве закона, то половина злодеев будет гулять на свободе. Как на-

рушения закона соотносятся с моральным кодексом борца за законность, я не знаю. Я над этим работаю.

*

*

Приехал Юсуп. Привёз с собой понятых, доктора, спецов, парня с овчаркой. Безо всяких перекуров и получасовых размышлений на тему “С чего начать?” каждый из группы Юсупа занялся делом.

После минутного осмотра трупа врач назвал точное время смерти: “минут сорок назад плюс-минус полчаса”. Я поздравил себя с тем, что не ошибся, когда вычислил, что Самуилыч умер около десяти. Другими словами, убийца нажал на спуск примерно в то время, пока я принимал имитацию душа Шарко.

Врач добавил, что Самуилыч сперва получил по затылку “чем-то твёрдым, обёрнутым во что-то мягкое”. К примеру, молотком, обёрнутым в полотенце. Или даже кулаком. Затем убийца выстрелил в упор из обоих стволов.

По версии врача, после удара по затылку Самуилыч отключился, упал. Убийца стрелял в лежащего без сознания.

Юсуп выслушал врача, черкнул пару слов в блокноте, поднял взгляд на парня, что стоял с овчаркой у дверей, и старался делать вид, что всё в порядке. На вопрос Юсупа, что нюхала собачка, парень развёл руками, сказал: “Пусто. Следы обрываются на первом этаже. Там всю площадку затоптали. Там же лифт, народу полно. На улице тоже затоптано”.

Юсуп кивнул, принялся за меня.

Допрос уложился в пять минут. Я рассказал про добрососедские стычки Афони и Самуилыча. Рассказал, почему Самуилыч палил в небо в шесть вечера, и почему Афоня стрелял в потолок в полдесятого. В общем, в двух словах описал весь воскресный вечер.

На вопрос Юсупа, слышал ли я, как Афоня выходил из своей квартиры после того, как я с Афоней поговорил “за жизнь”, я ответил, что не слышал, как щёлкал замок Афони и как скрипела афониная дверь не потому, что Афоня из дому не выходил, а ещё и потому, что я принимал душ. Другими словами, Афоня выходить мог. А мог и сидеть дома.

Я добавил, что выстрелов не слышал. Затем я высказал версию стрельбы с полотенцем-глушителем. Кроме того, я допустил, что не слышал выстрелов ещё и потому, что примерно в момент убийства я принимал душ. Услышать выстрелы сквозь шум воды, что издавал мой “душ Шарко”, даже если убийца стрелял без полотенца-глушителя, я смог бы вряд ли.

Когда Юсуп спросил, почему я оказался в квартире Самуилыча в столь удачный момент, я сказал, как было: мол, мне позвонил Вадик, внук Самуилыча, и попросил проведать деда, а то старик на звонки не отвечает.

Я обратил внимание Юсупа на три звонка Глеба в двадцать минут одиннадцатого, которые поступили на трубку, что заряжалась на кухонном столе Самуилыча. Я предложил

Юсупу спросить Вадика, кто такой Глеб, и почему Глеб звонил Самуилычу в то время, когда Самуилычу должен был звонить внук Вадик.

Заодно я предложил спросить Вадика, сколько у него и Самуилыча банных полотенец. Мне не давала покоя версия стрельбы через полотенце-глушитель.

Затем я высказал предположение, что убийца вхож к Самуилычу в дом. Мол, раз ключ в замке и дверь не взломана, то убийцу впустил Самуилыч. При условии, конечно, что Самуилыч не идиот на ночь глядя оставлять дверь не запертой на замок. Юсуп возразил: убийца мог отпереть замок отмычкой, а после убийства вставить ключ в замок с внутренней стороны двери. Я согласился.

Юсуп спросил, где живёт Афоня. Я провёл Юсупа до афиной двери. Юсуп велел мне вернуться наверх, в квартиру Самуилыча, дожидаться Вадика, после чего провести внука жертвы в мою квартиру. Мол, негоже пацану смотреть на труп деда. Юсуп сказал, что после того как управится с Афоней, зайдёт ко мне и допросит Вадика.

Не успел я подняться на второй этаж и подойти к квартире Самуилыча, как услышал, что кто-то бегом поднимается по лестнице вслед за мной. Я обернулся. На площадку взбежал Вадик – разгильдяй восемнадцати лет, и по совместительству внук Самуилыча.

Вадик увидел меня, остановился, перевёл дух. Я шагнул навстречу.

– Вадик, тебе домой нельзя. Следователь сказал, чтобы я отвёл тебя ко мне.

– Следователь? Что случилось-то? Я думал, что...

– Твой дед умер не сам. Я не хотел говорить тебе по телефону, извини.

– Но... Как?

– Застрелили из его же ружья.

– Кто?

– Как только найдут, так и узнаешь.

– Да что там искать?! Кто деду угрожал постоянно? Ян, вы же знаете. Это знает весь двор. Это ж Афоня, скотина! Он и сегодня орал, что деда убьёт. Дед тогда ещё пальнул пару раз с балкона, слышали?

– Вадик, для начала успокойся. У тебя нет оснований, чтобы обвинять Афонию в убийстве.

– Да зачем мне эти основания?! Афоня только и делал, урод, что угрожал моего деда убить!

– Угрожал и убивал – вещи разные, согласись. Если тебе станет легче, то могу сказать, что следователь сейчас у Афонни. Полегчало?

– Издеваетесь?

– Идём ко мне. Это приказ следователя, не мой.

Вадик посмотрел на дверь своей квартиры, сплюнул под ноги, чертыхнулся, поковылял вниз по лестнице. Я потопал следом. Когда спустились на первый этаж, и проходили афонину дверь, Вадик бросил: “Чтоб ты сдох, скот!”.

Я завёл Вадика к себе, провёл на кухню, усадил за стол, поставил на огонь чайник. Вадик сложил руки на груди, откинулся на спинку, уронил голову на грудь, застыл.

Я выразил соболезнования по поводу кончины Самуилыча. Вадик отмахнулся. Я извинился за то, что упустил Туза. Вадик, казалось, меня слушать не хотел.

Я позвонил Юсупу, сказал, что Вадик у меня. Юсуп сказал, что как только закончит с Афоней, так сразу зайдёт ко мне.

Вадик вскочил.

– Ян, выпустите меня!

– Не могу.

– Не имеете права! Я должен... Если ваш следователь Афоню не заберёт, то я... Афоне так просто это с рук не сойдёт!

– Что ты ему сделаешь, Вадик?

– Убью!

Вадик сжал кулаки, заиграл желваками. Я с трудом сдержал смех, подумал, что внучок весь в деда: такой же щуплый как и Самуилыч, и ростом под два метра, когда стоит на табуретке высотой в сорок сантиметров, и спеси не меньше, чем у деда, ведь как и дед собрался биться насмерть не с кем-нибудь, а с Афоней, в котором таких как Вадик поместится трое.

Я покачал головой

– Вадик, ты же понимаешь, что я тебя не выпущу. Так

что сядь. Вон уже и чайник закипел. Сейчас я тебе сварганю чайку.

– Пейте свой чай сами. Выпустите меня!

– Кстати, ты заметил, что угрожал Афоню убить?

– Я? Когда?

– Забыл? Только что. Потому если Афоню найдут с дыркой в голове, я скажу следователю, чтобы тебя арестовали. Ведь ты угрожал Афоню убить.

– У меня сорвалось. Я сейчас в таком состоянии...

– У Афони тоже срывалось. Но его ты подозреваешь в убийстве. Я ж тебе говорил: угрожать и убивать – вещи разные. Теперь разницу понял?

Вадик сел.

Я налил Вадику чаю. Вадик отхлебнул, обжёгся, чертыхнулся, отставил чашку в сторону, посмотрел на меня.

– Ян, зачем следователь сказал привести меня сюда?

– Чтобы тебя допросить.

– Неужели будет как в фильмах?

– Поясни.

– Ну, вы же понимаете... Я единственный наследник. Мне крышка. Будут обвинять меня.

– Соображаешь. Ты после Афони первый.

– Но у меня есть алиби!

– А вот это ты расскажешь следователю.

Чтобы чего-нибудь сдуру не напутать, я предложил Вадику не болтать. Сказал, что убийство – дело не шуточное,

тут любая мелочь, любое искажение может следствию навредить.

Я не хотел помешать Юсупу. Не хотел задать наводящий вопрос, чтобы Вадик сделал неверные выводы, и внёс в своё алиби коррективы, как сделал бы любой даже трижды невинный человек из элементарного чувства самосохранения.

После того как я отказался выслушивать алиби, Вадик замолк аж до того момента, когда в мою квартиру вошёл Юсуп.

Я налил Юсупу чаю, оставил Юсупа с Вадиком наедине, ушёл в комнату, закрыл за собой дверь, включил ноут, надел наушники, включил музыку.

Четверть часа спустя на пороге комнаты появился Юсуп. Я снял наушники. Юсуп сказал, что с Вадиком закончил, что в кухне с Вадиком сидит психолог, и что я могу, если хочу, подняться с Юсупом наверх, в квартиру Самуилыча. Само собой, отказываться от предложения я не стал.

В квартиру Самуилыча я вошёл вслед за Юсупом. В квартире нас ждал только охранник. Команда Юсупа свою работу закончила, труп Самуилыча убрала, и наверняка ждала Юсупа в машине.

Пока Юсуп осматривал квартиру, заглядывал во все закоулки, я выдал Юсупу версию “убийца знает планировку квартиры Самуилыча”. Объяснил тем, что убийца не боялся стрелять в Самуилыча, когда на дворе густые сумерки, и любопытным соседям из дома напротив видно всё, что творится в освещённых комнатах Самуилыча, как в цветном теле-

визоре. Мол, убийца мог знать, что коридор из окон не просматривается.

Юсуп меня выслушал, хмыкнул, сказал, что таких квартир в моём районе – через одну, и знать планировку квартиры Самуилыча может не одна тысяча человек. Так что помощи следствию моя догадка принесла мизер.

На кухне, возле холодильника, Юсуп заметил миски, из которых трапезничал Туз. На вопросительный взгляд Юсупа: “Миски есть, вижу. А где собачка?” – я ответил, что пёсика проворонил, объяснил, как и когда. Когда Юсуп начал улыбаться с фирменной юсуповой издёвочкой, я рассказал о том, как слышал вой Туза в пять минут одиннадцатого.

Я предположил, что в то время, когда завыл Туз, Самуилыч уже был убит, ведь есть поверье... Юсуп сказал, что судью мои изыски в области собачьей психологии и дурацкой мифологии даже не насмешат.

Юсуп спросил, слышал ли я лай Туза примерно во время убийства. Я напомнил, что принимал душ. Юсуп сказал, что свидетель из меня клёвый. Я спросил, зачем Юсупу лай Туза. Уж не затем ли, чтобы предположить, что убийца из своих, потому как Туз не лаял? Если я угадал, то Юсуп теряет время даром. Почему? Потому как Туз на чужих не лаял.

Чужих Туз боялся. Когда-то в Туза запустил разводным ключом пьяный жэковский водопроводчик, что приходил к Самуилычу ремонтировать кран. Угодил псине по голове. Самуилыч пса еле откачал. После того случая Туз от чужих

шарахался. Если в квартиру заходил чужак, то Туз забивался под кровать. Даже не рычал. Охранник ещё тот!

В подтверждение я сказал, что во время потасовки-перестрелки Самуилыча с Афоней в половине десятого я Туза не видел. Наверняка свирепая псина пряталась под кроватью.

Юсуп махнул на Туза рукой.

Я спросил, как прошёл допрос Афони. Юсуп расплылся в улыбке, сказал, что на руках Афони нашли следы пороховых газов, на ружье нашли афонины пальчики. Афоню Юсуп задержал. Афоня сидит в машине Юсупа, размышляет о смысле жизни, разглядывает наручники.

У Вадика следов пороховых газов на руках не нашли. Отпечатков Вадика на ружье не нашли. Вадик свободен как фанера над Парижем.

Когда я переварил услышанное, то захотел прояснить пару моментов.

– Юсуп, я ведь тебе рассказал, как Афоня при мне стрелял в потолок. Вот оттуда у него и следы на руках, и оттуда же его пальцы на ружье.

– Может, и от стрельбы по потолку. Но ты не докажешь, что не от стрельбы по твоему Самуилычу.

– Афоня такой тупой, что с ружья отпечатки не стёр? Ведь об этом в каждом фильме.

– Запаниковал, забыл. Когда стрелял, чувствовал себя героем, хвост держал пистолетом. Когда понял, что натворил, и чем грозит, запаниковал. А в панике герои забывают самые

элементарные вещи.

– Объяснение просто супер.

– Какое есть.

– Афоня мог и не убивать, а ты его уже забрал.

– Ты же не думаешь, что я оставлю гулять мужика, который наштамповал на ружье пальчиков на два срока?

– А если не он?

– А если он, и он уйдёт, если я его не возьму?

– Почему ж он не ушёл сразу, а дождался тебя?

– Сразу не сообразил, а когда понял, чем пахнет... Если смоемся, отвечать будет кто? Ты?

Я почувствовал перед Афоней вину. Всё же про Афонию как возможного подозреваемого рассказал Юсупу я. С другой стороны, если бы не я, то это сделал бы любой кому не лень из моего двора. Первый, в кого бы ткнули пальцем, в ответ на вопрос, кто мог убить Самуилыча, сказал бы: “Афоня, кто же ещё!”.

Юсуп дал мне время пожалеть Афонию, затем меня добил: сказал, что алиби у Афони нет. Во всяком случае то, что Афоня называл алиби, Юсуп назвал дешёвой отмазкой.

Со слов Юсупа, после того как Афоня рассказал мне о собачьем дерьме на балконной решётке, и после того как я от Афони ушёл, Афоня позвонил даме сердца. Называть даму Афоня отказался, потому как замужня.

В качестве доказательства Афоня показал Юсупу на мобильнике время начала звонка и длину разговора. Даме серд-

да Афоня позвонил без десяти десять, и болтал четверть часа. Афоня счёл, что телефонный разговор с дамой составит прекрасное алиби. Но момент смерти Самуилыча врач определил в десять вечера “плюс-минус полчаса”. Потому Афоня мог убить и до разговора с дамой, и сразу после.

Юсуп добавил, что у Афони на костяшке кулака свежая ссадина, такая, как если бы Афоня кого-то треснул. Значит, ударить Самуилыча по затылку Афоня мог. Я сказал, что Афоня мог сбить кулак, когда саданул Самуилычу под глаз ещё до того, как к разгару той потасовки-перепалки, что была в полдесятого, подоспел я. Вот если бы на затылке Самуилыча нашли кровь, что осталась от афониного кулака... Юсуп сказал, что проверят.

Я понял, что Юсуп ухватился за Афоню как за основного подозреваемого, и отступится вряд ли. Словно в подтверждение моей догадки Юсуп сказал, что у Афони солидного алиби нет, как ни крути. Зато есть следы пороховых газов на руках. Вдобавок на ружье есть отпечатки афониных пальчиков. Разве для того, чтобы подозревать Афоню в убийстве Самуилыча, надо что-то ещё?

В защиту Афони у меня осталась лишь парочка доводов. Я начал с самого очевидного.

– Юсуп, ты не подумал об одной простой штуке: Афоня знал, что Самуилыч живёт с внуком, с Вадиком. Допустим, что когда Афоня пришёл убивать Самуилыча, то Вадика в квартире не застал. Как же Афоня не побоялся, что в момент

убийства Вадик может вернуться домой?

– Не побоялся, и всё. Что тут думать? Может, решил и внучка заодно... И потом, Ян, ты ведь сам сказал, что планировку квартиры Самуилыча убийца мог знать. Ведь не боялся стрелять в освещённом коридоре, потому как знал, что через окна его не увидят. У Афони квартира точь-в-точь как у Самуилыча. Кому как не Афоне знать планировку квартиры Самуилыча, а?

– Ну...

– Ян, мои спецы сказали, что отмычкой в замке Самуилыча злодеи не ковырялись. Значит, убийце открыл дверь Самуилыч. Кому открывают дверь поздним вечером? Знакомым. Уж Афоня-то Самуилычу знаком более чем кто-либо. Согласен?

– Самуилыч обещал встречать Афоню с ружьём наперевес. Как Афоня мог бы дать Самуилычу по затылку, если у старика в руках ружьё?

– Молча. Так, как дал в лоб при драке с пальбой в потолок, которую ты мне тут нарисовал. Ведь если отобрать у Самуилыча ружьё Афоня как-то умудрился однажды, то почему не мог подвиг повторить? Но на этот раз после того, как дал Самуилычу в лоб, а старик отключаться не захотел, Афоня добавил деду по затылку. Вот и вся недолга.

Я развёл руками. Юсуп улыбнулся в стиле “извини, братишка, но на этот раз ты проиграл”. Чтобы меня добить, Юсуп расщедрился на подробное описание алиби Вадика.

Начал Юсуп с того, что Самуилыч владел всего-то квартиркой, в которой мы стояли. Квартирке цена в худшем случае полсотни тысяч баксов. Кроме Вадика наследников у Самуилыча не наблюдалось.

Я тут же заявил, что потому-то и следует допросить Вадика с пристрастием, а не с нянькой-психологом. Юсуп сказал, что я просто гений, как бы он без меня...

В момент убийства Самуилыча Вадик веселился на даче у дружка по имени Глеб. Вадика и Глебу компанию составили Ковылякин и Хребтолом. Когда я спросил: “Хребтолом – это кликуха?”, Юсуп сказал: “Фамилие такое. Ковылякин – тоже фамилие. Вот так пацанам в жизни повезло”. Я пацанам посочувствовал. Юсуп продолжил.

Вадик, Глеб, Хребтолом и Ковылякин – одноклассники, корешуют сто лет. Вадик клянётся-божится, что приехал на дачу Глеба в восемь вечера, не отлучался ни на минуту, и что вадиковы слова дружки подтвердят.

Вот такое у Вадика алиби. Вполне сносное. На утро Юсуп запланировал встречу с Ковылякиным и Хребтоломом, чтобы вадиково алиби стало не только сносным, а ещё и подписанным.

Напоследок Юсуп сказал, что тот мобильник, что я нашёл на кухонном столе, принадлежит Самуилычу. Почему в то время, когда Самуилычу должен был звонить Вадик, на мобильнике Самуилыча значились вызовы с номера Глеба? Потому что Вадик забыл свой мобильник дома. Потому и по-

звонил Вадик деду с мобильного Глеба. Потому я и нашёл на мобильнике Самуилыча вызовы от Глеба, не от Вадика.

Со слов Вадика, в адресную книгу мобильного Самуилыча номер и имя Глеба – равно как и остальных вадиковых дружков – забыты для того, чтобы в случае, когда Вадик деду понадобится, дед смог обзвонить корешей Вадика и внука найти.

Так что таинственный абонент по имени Глеб, что звонил Самуилычу, вовсе не Глеб, а Вадик. Три вызова от Глеба на мобильнике Самуилыча – это звонки Вадика, на которые Самуилыч не ответил, и сразу после которых Вадик позвонил мне и попросил, чтобы я Самуилыча проведал. Вот и вся “тайна трёх звонков”.

Под конец разговора я вспомнил, что хотел узнать, не использовал ли убийца в качестве глушителя одно из банных полотенец Самуилыча. Вопрос о полотенце я задать не успел. Юсуп меня опередил ответом на мой незаданный вопрос. Такое бывает. Когда общаешься с человеком сто лет, он иногда угадывает мысли.

Юсуп сказал, что у Вадика и Самуилыча одно полотенце на двоих. Другими словами, после душа вытираются одним полотенцем, тем, что должно висеть в ванной комнате. Я не поверил. Юсуп напомнил, что как-то мы видели семейку и похлеще, где принимают ванну всей семьёй, по очереди, причём воду в ванне не меняют, и купаются в темпе вальса, пока вода не остыла. Я признал, что да, мол, такое бывает,

но в то, что Самуилыч и Вадик вытирались одним полотенцем, я верю с трудом. Всё-таки пацану только восемнадцать, а деду пошёл восьмой десяток... Юсуп отмахнулся.

По просьбе Юсупа я спустился к себе, привёл Вадика. Юсуп предложил Вадику осмотреть квартиру, не пропало ли чего. Вадик квартиру обошёл, осмотрел каждый угол. В конце осмотра Вадик сказал, что пропаж не заметил. Деньги и мобильники не пропали, а больше, мол, и пропадать-то нечему. Мол, всё имущество Самуилыча и Вадика иначе как ни одному вору не нужным старьём не назовёшь. Протокол осмотра Вадик подмахнул не глядя.

Я предложил Вадику переночевать у меня. Всё-таки первая ночь после смерти деда... Вадик отказался.

Юсуп попрощался с Вадиком, вышел из квартиры Вадика вон. То же сделал и я.

Перед тем как сесть в машину, Юсуп сказал, что раз в квартире Самуилыча ничего не пропало, то версию убийства ради ограбления можно отбросить. Остался Афоня. Очень похоже на месть вредному соседу. Мол, такое бывает, если бесконечными подлянками довести соседа до ручки. Как я ни противился, а не признать правоту Юсупа не смог.

Юсуп и его команда уехали. Афоню Юсуп забрал с собой.

Я вернулся к себе, отправился в душ смыть с себя неприятные запахи самуилычевой квартиры, которыми, казалось, я пропах-пропитался насквозь. После душа я отчалил на боковую.

Не успел я прижать ухо к подушке, как прибыла тьма мыслей, связанных с убийством Самуилыча.

*

*

В то, что Самуилыча застрелил Афоня, я поверить не мог. Хоть ты меня тресни, а я даже не допускал и мысли, что Афоня способен на убийство. Афоня мог звездануть старика в глаз. Мог пальнуть в потолок. Но убить...

Я ещё мог допустить, что Афоня, доведённый до ручки пакостями Самуилыча, пальнул бы в Самуилыча во время потасовки-перестрелки, если бы тогда не явился я. Те глаза бешеной селёдки, которыми злоба заменила глаза афонины, я помню до сих пор. В таком состоянии, которое умные люди называют состоянием аффекта, пальнуть в человека может кто угодно. Но Афоня тогда пальнул в потолок, причём оба раза.

Затем Афоня ушёл к себе, пригласил меня на рюмку водки. Афоня выглядел заведённым, но не безумным, которому только дай ружьё и повесь на грудь обидчика мишень. Афонино возбуждение выглядело затухающим.

Кроме того, Афоня, если Юсупу не соврал, после моего ухода позвонил даме сердца. После разговора с зазновой пошёл убивать Самуилыча? Наоборот, должен бы от дурных мыслей отвлечься. Разве что зазноба сказала: “Будь мужиком! Убей обидчика!”, ведь таких дур хватает, равно как и дураков, которые этих дур слушают. На вид Афоня таким

дураком не казался.

С другой стороны, уж слишком Афоня многого от Самуилыча натерпелся, чтобы отметить виновность Афони сходу. Не знаю, как бы повёл себя на месте Афони я, напакости мне Самуилыч столько, сколько Афоне. Быть может, живи я в квартире Афони, то не выдержал бы куда раньше, и вместо Афони Юсуп увёз бы меня. И шили бы мне убийство вовсе не в состоянии аффекта, а умышленное, потому как то, что вытворял Самуилыч, кого угодно могло подтолкнуть к мысли “А не пора ли Самуилычу на вечный покой?”.

Многие соседи до сих пор считают, что свою смерть Самуилыч заслужил как никто другой. Мало того, некоторые признавались, что ещё чуток, и уронили бы на Самуилыча с крыши кирпич.

Вроде бы ничего сверхъестественного Самуилыч и не творил. Таких соседей полным-полно. Самуилыч обожал попилить, повколачивать гвозди, посверлить, порихтовать, почеканить, причём с утра до вечера. Соседи глохли, но Самуилыч на соседей плевал.

По утрам Самуилыч отводил полчаса здоровью – делал зарядку. Перед тем как начать бег на месте, Самуилыч наверняка надевал самые тяжёлые башмаки с подковами на каблуках, потому что грохот стоял такой, что даже мне казалось, что по моей макушке колотят молотом. Что уж говорить об Афоне, который жил под Самуилычем.

Как с зарядкой сочеталось курение самокруток, не знаю,

но когда Самуилыч закуривал... Я думал, что повешусь. Дым от козых ножек, начинённых самосадом, иногда затягивало ко мне в кухню. Дышать становилось нечем.

Когда Самуилыч жарил-шкварил-куховарил, то вонь от пережаренного прогорклого масла выворачивала соседям кишки. Афоне везло больше других, потому как по непонятным причинам запахи из квартиры Самуилыча сквозняком затягивало в форточку Афони на порядок чаще чем другим. Афоне приходилось либо сидеть с закрытыми окнами и без кислорода, либо нюхать вонищу с кухни Самуилыча.

Самуилыч любил грецкие орехи. Колол Самуилыч орешки молотком да на полу, у Афони над головой. Орехов Самуилычу могло захотеться в четыре утра.

Когда афонины претензии Самуилычу надоедали, то старик выливал ведро воды на пол в туалете. Сквозь щели между панелями вода мигом стекала в туалет Афони. На крики Афони Самуилыч делал удивлённое лицо и говорил, что шёл подмываться, да по дороге разлил ковшик воды. А откуда у Афони насобиралось целое ведро, это Самуилычу неизвестно.

Где найти силы, чтобы такого соседа не возненавидеть?

С другой стороны, за такое не убивают. Ненавидят, это да, но для душегубства одной вредности соседа не хватит.

В принципе, можно и убить, если ты с нервами не дружишь, и у тебя в руках ружьё. Таких убийц полные тюрьмы.

Но пальнуть, когда тебя трясёт, когда ты на взводе – это одно. Оглушить, а затем выстрелить в спину – это уже в трез-

вом уме. Со злости можно стукнуть по затылку, а вот после того, как человек упал, причём лежит без движения и не опасен, проложить между стволом и телом одеяло-глушитель да нажать на спуск – это уже сделано с холодным рассудком, с осознанием того, что делаешь. Ведь одеяло-глушитель между ружьём и телом – это способ замести следы. В состоянии аффекта о следах не думают, просто стреляют.

По всему выходило, что дядька Некто застрелил Самуилыча вовсе не в порыве злости. Поверить в то, что Афоня убил Самуилыча в здравом уме и трезвой памяти, я так и не смог. За что убивать-то? За подянки? Тогда надо подозревать полдвора, ведь Самуилыча не обожал не только Афоня. Самуилыча ненавидел весь двор. Каждый второй во дворе хоть раз, да выкрикнул в адрес Самуилыча в сердцах: “Чтоб ты сдох!”. Кто раз, а кто и на регулярной основе.

Но больше всех, конечно, отличился Афоня. Пару раз Афоня даже прилюдно хватал Самуилыча за грудки да встряхивал так, что старик чуть затылком не стучал по своим лопаткам. Юсупу достаточно было опросить соседей, и Афоня обрёл бы статус главного подозреваемого.

Потому я смирился с мыслью, что для Юсупа Афоня – таки подозреваемый номер один. Да и куда деть афонины отпечатки на ружье и следы пороховых газов на руках?

На том я и заснул. Нет, соврал. Заснул я на том, что подумал: “А почему бы кому-нибудь не натянуть перчатки, и не застрелить Самуилыча из ружья, на котором остались паль-

чики Афони?”.

*

*

С подъёма голову оккупировали мысли о Самуилыче, Афоне, да дядьке Некто в одноразовых перчатках. Отвлечься не помогли ни утренняя тренировка, ни душ, ни завтрак. Мысли в стиле “Если не Афоня, то кто?” заполнили сознание, и ни о чём другом думать не давали.

Версия “Самуилыча застрелил не Афоня” мне нравилась больше той, за которую ухватился Юсуп. Осталось найти подозреваемого. Вот с ним-то я и буксовал. Претендентов на должность убийцы из числа тех, кто Самуилыча ненавидел, я насчитал полдвора. Как их всех проверить?

Конечно же, главный претендент – внук Самуилыча, Вадик. Ломать голову, выискивать неизвестные статистике мотивы я не стал. Предположил, что Вадику захотелось пожить самому, без вредного деда.

К тому же квартира Вадика почти в центре, то есть вдвое дороже точно такой же, только на окраине. Если Вадика устраивало жить на окраине, то мог запросто квартиру деда обменять с доплатой тысяч в двадцать. Это не мелочь, это деньги. Убивают и за суммы куда меньшие, за сущие копейки, жизнь человеческую не ставят и в грош, а тут двадцать штук баксов.

Та часть меня, которая отвечает за благоразумие, спросила, в своём ли я уме, что подозреваю Вадика. Та часть меня,

что отвечает за реальное восприятие мира, заявила, что песни типа “Как внук мог убить родного деда?!” меня давно не трогают. К несчастью, видел и не такое.

В половине девятого, когда я уже подозревал Вадика на всю катушку, звякнул дверной звонок.

Я открыл. Передо мной стояла блондинка из тех, которых называют шикарными. Пышная, знойная, выше меня на голову. Чтобы мою гостью-каланчу очаровать, мне пришлось бы освоить поцелуй в прыжке.

Блондинка улыбнулась. Как гостя ни старалась, а улыбка вышла вымученной. Я улыбнулся в ответ. Надеюсь, моя улыбка смотрелась поживее.

Блондинка взглядом указала на дверь Афони.

– Я от него, от Афони. Вы – Ян?

Я кивнул. Блондинка взглянула на пространство позади меня. Могу поспорить на сто тысяч, что увидела там мой коридор. Блондинка замялась.

– Эээ... Войти можно? Или будем говорить здесь?

– С кем говорить-то? Вы кто?

– Я – Лора. Я... друг Афони.

Я посторонился, афониного друга впустил, провёл в комнату, усадил в кресло для клиентов, предложил минералки. От воды Лора отказалась, спросила, нет ли чего покрепче. Я сказал, что пойло в доме не держу, но могу сходить в вино-водочный, если Лора согласна полчаса подождать. Лора отмахнулась, с минуту посидела, собралась с мыслями,

затем заговорила.

– Ян, Афоня не виноват. Я его знаю. Он убить не мог. При этом старика... Нет, это не Афоня.

– Откуда вы всё знаете?

– От Афони.

– Как вы с ним состыковались?

– Следователь разрешил позвонить адвокату, а Афоня позвонил мне. Позвонил ночью. Сказал, что его везут в тюрьму. Сказал, что я могу подъехать к нему в восемь утра. Можете себе представить, какая у меня была ночка.

– Сочувствую.

– В общем, я прямо от него, от Афони, и сразу к вам. Он объяснил, где вы живёте.

– Почему Афоня не позвонил мне сам?

– Ему стыдно за то, как вёл себя с вами вчера. Ян, как вы смотрите на то, чтобы Афоне помочь? Он говорит, что не виноват, и я ему верю.

– Хорошо бы, чтобы Афоне поверил и следователь. Афоня угрожал Самуилыча застрелить. Афонины угрозы слышал весь двор.

– Афоня говорит, что это он не серьёзно. Сорвалось.

– От его несерьёзности на потолке Самуилыча две выбоины. Афоня стрелял, пусть и в потолок. Думаете, судья поверит, что Афоня так шутил?

– Что, всё так серьёзно?

Я кивнул. Лора потёрла виски, пробормотала: «Что же де-

лать-то, а?” . Затем Лора просияла, затараторила.

Начала с того, что выругала себя за дырявую память. Ведь она и приехала-то ко мне только для того, чтобы подтвердить афонино алиби. Мол, в то время, когда, со слов следователя, произошло убийство, Афоня разговаривал с Лорой. Чем не алиби?

Лора протянула мне свою мобилку, сказала, где искать афонин звонок-алиби. Я нашёл афонин вызов, убедился, что разговор Афоня начал без десяти десять. Лялякал с Лорой Афоня четверть часа. Всё выходило так, как и рассказал Афоня Юсупу. Я вернул мобилку хозяйке. Лора посмотрела на меня с ожиданием.

Не знаю, чего от меня ждала Лора, но я даже не улыбнулся. Лора посерьёзнела.

Для начала я согласился: алиби супер. Лора повеселела. Затем я добавил, что время смерти доктор указал чересчур расплывчатое: десять вечера плюс-минус полчаса. Отсюда вывод: звонок Афони Лоре за алиби не сойдёт. Лора погрузнела.

Чтобы Лора поняла всю серьёзность афониного попадания в маргарин, я сказал, что если бы доктор назвал время смерти Самуилыча с точностью даже до секунды, то звонок Афони Лоре в качестве алиби не прокатил бы ни за что. Лора распахнула глаза в стиле “Как же так?!”. Я пояснил: кто докажет, что с без десяти десять до пяти минут одиннадцатого Афоня с Лорой разговаривал?

Я предложил Лоре представить такую ситуацию: Афоня набрал номер Лоры, Лора трубку сняла, Афоня отправился стрелять Самуилычу в спину, после убийства Афоня связь с Лорой разорвал. Затем Лора приходит ко мне и клянётся-божится, что с Афоней разговаривала. Липовое алиби готово.

Когда смысл моих слов до Лоры дошёл, Лора побагровела до чёрных корней приблондиненных волос. Лора заявила, что если я намекаю на то, что Лора Афоню покрывает...

Договорить я Лоре не дал. Сказал, что, кроме того, что Лора может лжесвидетельствовать, так ещё и остаётся возможность предварительного сговора. Мол, Афоня с Лорой договорились о таком алиби заранее, и теперь ломают комедию.

Кожа на лице Лоры сменила багровый цвет здоровой злости на бледно-лунный цвет страха.

Я поспешил гостью успокоить. Пояснил, что рассказал страсти-мордасти о липовом алиби только ради того, чтобы Лора о звонке Афони как о железобетонном алиби забыла, и чтобы поняла, как афонин звонок при желании можно использовать Афоне и Лоре во вред, если Лора будет чересчур напирать на следствие с алиби, в которое не поверят даже выпускники детсада.

Лора показала, что когда надо, умеет всплакнуть. Я показал, что у меня в доме полно салфеток.

Лора сквозь слёзы рассказала, как любит Афоню, и как хочет, чтобы его освободили. Сказала, что когда накануне

болтала с Афоней, то не могла даже и думать, что Афоня в тот момент вынашивал план убийства. Такой был милый разговор, Афоня как обычно рассыпался в нежностях, ведь Афоня такой мастер флирта...

Затем Лора показала, что когда надо, умеет глаза просушивать так, словно слёз не было и в помине. Через несколько секунд после того, как Лора в последний раз коснулась платочком уголков глаз, на меня посмотрела женщина, владеющая собой на все сто.

Лора заявила: о звонке Афони Лора рассказала только мне. О том, что Лора накануне разговаривала с Афоней, кроме меня и Афони, не должна знать ни одна живая душа. Следовательно Афоня сказал, что в момент смерти Самуилыча звонил даме, но кому именно, скрыл. Раз уж афонин звонок в качестве алиби пролетает, то и хорошо, что афишировать звонок не придётся.

На мой вопрос, почему звонок надо скрыть, Лора смерила меня взглядом из серии “Ты когда родился, мальчик?”, затем сказала, что замужем и надеется на мою порядочность. Втыкать шпильку: мол, кто бы мычал о порядочности, я передумал.

Между тем Лора приступила к стандартному набору оправданий из арсенала гулящих жён. Мол, муж богатый, но Лора мужа не любит. Живёт с богатеньким ради денег. Лора любит Афоню. Лора на перепутье. Не может решить, что выбрать: деньги или любовь. На том перепутье Лора уже не

один год. Так и живёт на два фронта: ночью спит с мужем, днём веселится с Афоней, и всё боится назвать Афоню Светой, потому как Афоня записан в мобилке Лоры под именем Света.

Под конец Лора сказала, что Афоня потому-то и предложил обратиться ко мне, частному сыщику: мол, на то сыщик и частный, чтобы сохранять частную жизнь клиента в тайне. Лора повторила раза три: муж узнать не должен.

Я спросил, почему Лора не подумала о режиме секретности, когда ездила на свидание с Афоней. Ведь Лора оставила в журнале посещений свои паспортные данные. Лора сказала, что журнал её не волнует. Запись из журнала до мужа не доберётся.

А вот если Лору из-за афониного звонка-алиби начнут таскать на допросы да в суды...

Я сказал, что спохватилась Лора поздно, потому как у Афони хватило ума позвонить Лоре из милиции.

Лора заклипала накладными ресницами. Я понял, что до Лоры не дошло. Пришлось пояснять. Я сказал, что следователю осталось проверить, куда звонил Афоня предположительно в момент убийства, и потом сравнить тот номер телефона с тем, по которому Афоня звонил из милиции. Следователь сообразит что к чему, позвонит Лоре, чтобы уточнить, звонил ли Афоня Лоре в момент убийства. Потому сохранить Лору в тайне не получится.

Лора потухла. Я решил Лоре настроение приподнять.

– Лора, не всё так смертельно. Улыбнитесь!

– Как раз всё смертельно! Муж меня убьёт!

– Я попробую уговорить следователя вас не доставать.

– Правда? Это было бы прекрасно.

– А если окажется так, что ради афониной свободы придётся вас раскрыть?

– Я... Я к этому пока не готова. Нет, ни в коем случае! Я привыкла жить хорошо. Афоня мне такую жизнь не обеспечивает. Любовник он хороший, но...

– Ясно. Хорошо уже то, что вы рассказали об афонином звонке. Какое-никакое, а это уже алиби. Как вы собираетесь платить?

– Эээ... Сколько?

– Для начала мне не помешает тысяча баксов.

– Дороговато... Денег у меня сейчас нет. Если я сниму деньги со счёта, то муж заподозрит. Не могли бы вы подождать недельку-другую?

– Мог бы. Чего не сделаешь ради доброго соседа!

– Вы серьёзно?

– Да. Расплатитесь позже.

– Значит, вы моего Афоню вытащите?

– По крайней мере, попытаюсь. Приём окончен.

Я встал. Лора вскочила, на радостях чмокнула меня в щёку, для чего девушке-каланче пришлось нагнуться как для земного поклона.

Я провёл гостью до машины. Перед тем как тронуться, Ло-

ра сказала что-то, что я не расслышал из-за мопеда, который завёлся-задырчал у соседнего подъезда. Я пригнулся, подал голову ближе к окну, чтобы ухом быть ближе к губам Лоры, попросил повторить последнюю фразу. Лора не без удивления сказала, что я не расслышал “До свидания!”, затем придавила педальку газа.

Дома я уселся в кресло, включил мозги, собрал в кучу всё, что знал.

Лора подтвердила, что примерно в момент смерти Самуилыча четверть часа говорила с Афоней по телефону. Доктор высчитал момент смерти Самуилыча с точностью “плюс-минус полчаса”. Другими словами, времени для убийства Афоня хватало.

К тому же Афоня мог набрать номер Лоры, дождаться, пока Лора снимет трубку, застрелить Самуилыча, связь с Лорой разорвать. В таком случае Афоня с Лорой в сговоре. Поверить в сговор я не мог так же, как и в то, что Афоня мог застрелить Самуилыча на холодную голову из-за каких-то несчастных соседских несостыковок.

Лора сказала, что Афоня по телефону рассыпался в нежностях, и в общем разговор был милым. Как человек после убийства мог рассыпаться в нежностях, флиртовать, и при этом не выдать голосом волнение? И кто? Афоня? Тот, кто заводился в минуту, и останавливался через час? После стычки с Самуилычем, когда посадил старику под глаз синяк да пару раз пальнул в потолок, Афоня завёлся не на шутку.

А уж после убийства... Голос заведённого Афони спутать с голосом Афони, воркующего с любимой, мог только тот, кому медведь наступил на оба уха, да потоптался по голове.

С другой стороны, Лора могла мне и не сказать, что голос Афони показался ей возбуждённым. Могла просто-напросто соврать. Разве для того, чтобы вытащить хорошего любовника из передраги, женщина не пойдёт на враньё? Аж побежит! Риска-то никакого. Ни один самый пронырливый следователь не докажет, что Афоня не ворковал с подружкой, а рычал в трубку: “Я этого урода таки уделал!”.

Если о милом разговоре и россыпях нежностей Лора соврала, то Афоня позвонил Лоре, чтобы успокоиться, унять дрожь после убийства. Мужики почему-то страсть как обожают после стресса плакаться дамам в жилетки. А говорят, сильный пол...

Значит, Афоня сразу после разговора со мной поднялся к Самуилычу, и решил проблему вредного соседа душетом из двустволки. А я в это время принимал “душ Шарко”.

Если же Афоня звонил Лоре не после убийства, а до, то неужели после милого разговора с заздобой, после флирта и нежностей, пошёл и застрелил старика?

Оставалась ещё одна возможность: Лора соврала, когда разговор с Афоней назвала милым. К примеру, Лора наговорила Афоне кучу гадостей, как это бывает у влюблённых, а впечатлительный Афоня отыгрался на старике. Пошёл сорвать зло на Самуилыче, хотел дать в глаз, а получилось

убийство. Почему нет?

Последнюю версию я подверг справедливой критике. Лора пришла ко мне, попросила помочь Афоне, причём за свой счёт. Сначала Лора говорит Афоне по телефону такие гадости, что мужик приходит в бешенство, достаточное для убийства, а затем Лора просит Афоню спасти? Где логика? С другой стороны, искать логику в поступках женщин могу только я...

Я позвонил Юсупу. Передал просьбу Лоры афонин звонок-алиби к делу не подшивать. Напомнил, что Афоня накануне выдавать даму сердца не хотел. Юсуп пообещал инициативу не проявлять, хотя собирался. Если бы я позвонил Юсупу на полчаса позже, то с просьбой бы опоздал. Юсуп ещё накануне вычислил, по какому номеру звонил Афоня в момент убийства и после задержания, и собирался вызвать афонину собеседницу на допрос.

Когда управился с просьбой Лоры, я вернулся к вопросу, который мусолил мне мозги всё утро до визита Лоры: “Кто мог убить Самуилыча кроме Афони?”.

Если учесть, что момент смерти выверен не до секунды, и допустить, что во время убийства Афоня с Лорой таки разговаривал, то выйдет, что Афоня не виновен. В таком случае, почему бы Афоне не поверить? Должен же я клиенту верить хоть иногда!

Я задался вопросом: если в Самуилыча стрелял не Афоня, то кто? Кто-то же Самуилычу в спину таки пальнул. Я

решил узнать, мог ли стрелять в Самуилыча кто-нибудь кроме Афони.

На кого я мог примерить костюмчик подозреваемого номер один, как не на Вадика? У Вадика имелся мотив: квартира за пятьдесят штук в наследство. Конечно, мотив не ахти какой жирный, но и не тощий. Скольких стариков порешили дитятки да внучатки за квадратный метр... не счесть.

Кроме мотива у Вадика имелось и алиби. Вот его-то – алиби Вадика – я и решил проверить в первую очередь.

Я избрал обычную тактику: решил, что буду копать под Вадика до тех пор, пока не найду либо стопроцентные доказательства вадиковой невинности, либо улики, с которыми можно сдавать Вадика Юсупу.

Юсупу я решил о своём расследовании до поры до времени не говорить. Законного в этом мало, каюсь, но я хотел собрать информации побольше, чтобы не соваться к Юсупу с мелочёвкой. Иначе Юсуп послал бы меня куда подальше за то, что ерундой отвлекаю от работы.

*

*

Я поднялся к Вадиду, утопил кнопку дверного звонка. Вадик открыл через секунду, словно стоял в коридоре и ждал, чтобы кто-нибудь позвонил в дверь.

Вадик улыбнулся, взглядом выдал удивление.

– Ян? Что-то вчера у нас... у меня забыли?

– Скорее, пришёл с новеньким. Туз не вернулся? Ты из-

вини, что я его вчера прошляпил.

– Вы вчера уже извинялись. Ничего страшного. Он не вернулся. Туз был уже очень старый. Наверное, ушёл умирать. Они ведь, когда чувят свою смерть, из дому уходят. А тут и его хозяин... Да вы входите, что ж мы на пороге-то...

Вадик провёл меня на кухню, предложил чаю. Отказаться я не стал.

Пока Вадик возился у плиты с чайником, чашками, да пакетиками, я сидел и думал, почему молодёжь переносит смерть близких куда легче, чем люди постарше. Во всяком случае, если взять Вадика, то я не сказал бы, что смерть деда повергла внука в траур. Ни тебе грустинки во взгляде, ни тебе опухших от слёз глаз. Вадик даже успел навести в квартире порядок, да перемыть всю посуду.

Когда чай подоспел, Вадик взял слово.

– Ян, вы меня за вчерашнее извините. Я был в таком состоянии... Что ж вы сахар-то не накладываете?

– Я пью не сладкий. И можешь не извиняться.

– Я вчера на Афоню покати́л бочку. Наверное, зря. Но ведь он и сам виноват. Зачем постоянно деду угрожал? Кстати, Афоню таки забрали. Значит, я не ошибся? Он таки под подозрением?

Я кивнул. Вадик улыбнулся в стиле “Так я и думал”.

– Ян, вы в этих делах знаете больше. Скажите, если у меня отпечатки сняли и на руки какой-то лампочкой посветили, но при этом не арестовали – это значит, что меня подозре-

вают, но улик против меня нет? Всё-таки подозревают?

– А как ты хотел? Ты – единственный наследник. Квартира стоит тысяч пятьдесят. Как тебя не подозревать? Но раз твоих отпечатков на ружье нет, и на твоих руках лампочка следов пороха не высветила, то и предъявлять тебе нечего.

– Афоню арестовали потому, что у него всё это есть?

– Не арестовали, а задержали. Это вещи разные. Но в случае в Афоней наверняка задержание скоро перейдёт в арест, потому как на ружье отпечатки Афони наверняка есть, ведь он из ружья стрелял. Потому и следы пороха на руках Афони тоже наверняка есть, если не смыл. Но убивал Афоня или нет – большой вопрос.

– Не понял... Вы сказали, что Афоня из ружья стрелял, и тут же говорите, что Афоня мог не убивать. Куда ж он стрелял-то? Как мой дед, в небо? И как дед дал Афоне ружьё?

Я рассказал Вадику о добрососедской потасовке-перестрелке Афони и Самуилыча в половине десятого, когда Афоня дал Самуилычу в глаз и дважды пальнул в потолок. Закончил я тем, что уже говорил: отпечатки Афони на ружье найти могли, потому что Афоня стрелял. Но убивал Афоня или нет, надо ещё доказать. Ведь после потасовки к Самуилычу мог зайти и я, и в перчатках выстрелить. Так бывает. Это описано в сотнях детективов.

Вадик меня выслушал, улыбнулся.

– Ян, вы перегибаете. Вы стрелять в деда не могли. У вас нет мотива. А у Афони мотивов вагон.

– А у тебя один, но какой! Кстати, где ты был вчера вечером? Хочу проверить алиби того, кому перейдёт в наследство всё, чем владел твой дед.

– Я же говорил, что крайним сделают меня! Вот вы уже сделали. Но ведь у меня есть свидетели.

– О них и спрашиваю. Где и с кем ты был вчера вечером с полдесятого до пол-одиннадцатого?

– Это допрос? Вы имеете право меня допрашивать?

– Не имею. Афоня меня нанял, чтобы я доказал его невиновность. Потому я исхожу из невиновности Афони, и ищу того, кто мог стрелять в твоего деда кроме Афони.

– Если не Афоня, то почему сразу я?

– Не только ты. Убить твоего деда мог и я, и ещё полдвора. Тебе в наследство перепадёт квартира. Мне – тишина и спокойствие. А то, честно говоря, эта стрельба твоего деда меня задолбала вконец.

– Я деда не убивал.

– Ты или другой, разницы для меня нет. Мне надо только доказать невиновность Афони. Если я в ходе следствия докажу и твою невиновность тоже, то тебе же будет лучше, согласишься.

– Я и так знаю, что не виноват.

– Вадик, я тебя не обвиняю. В древнем Египте, при фараонах, был такой закон: того, кто обвинял другого в убийстве, но доказать не смог, хоронили заживо. Закон справедливый. Жаль, что его отменили. Потому я тебя не обвиняю. Я хочу

знать точно, что ты здесь ни при чём. согласишься, у тебя есть мотив. И твой мотив куда серьёзнее афониного. Если я хочу доказать невиновность Афони, то будет вполне логично, если я начну с тебя.

– Ну у вас и методы... Ладно, слушайте.

Монолог Вадика длился минут пять. Если уложить речь Вадика в два слова, то в момент смерти деда Вадик веселился на даче кореша Глеба, да не один, а с дружками: Хребтоломом, Ковылякиным, и Глебом.

Когда я услышал, что дача Глеба не где-нибудь, а в Ракитной роще, я захотел встретиться с дружками Вадика пуще прежнего. Те дачи, что в Ракитной роще, считай в черте города. Если сесть на такси, то от моего дома до Ракитной рощи ехать от силы пятнадцать минут. Что стоило Вадика пальнуть в деда, и укатить на дачу?

Я попросил у Вадика телефоны дружков. Вадик засопел, начал злиться.

– Ян, вы мне так сильно не верите, что хотите допросить ещё и моих корешей?

– Что, если ты, Вадик, у Глеба на даче не отдыхал, а стрелял в деда? Что, если сейчас ты вешаешь мне лапшу? Как мне твои слова проверить?

– Ян, вы опять перегибаете. Как я мог стрелять, если моих отпечатков на ружье не нашли, и...

– Ты мог надеть перчатки.

– Хм... Тоже верно. Но в таком случае мои кореша, ес-

ли скажут, что я был с ними, то вам соврут. Это называется лжесвидетельство, да?

– Угадал. О сроке за дачу ложных показаний обычно не думают. А зря. Пять лет отсидеть...

– Вот именно! С какого перепугу им так рисковать?

– Ты мог им заплатить, чтобы они слепили тебе алиби. Или ты мог их припугнуть. К примеру, ты знаешь то, что они скрывают. Может, вы повязаны в криминале? Может, у вас кровная клятва друг друга выручать?

– Ну у вас и фантазия! И что вам даст допрос тех, кто, как вы заранее уверены, вам соврёт?

– Попытаюсь поймать на вранье. Ты мне телефончики своих корешей дашь? Заодно дал бы и свой.

Вадик фыркнул, ушёл в комнату, на ходу сказал, чтобы я подождал. Когда Вадик вернулся, я узнал в том мобильнике, что Вадик держал в руке, тот мобильник, что я нашёл на письменном столе, когда осматривал квартиру Самуилыча. Я спросил, сколько у Вадика мобильных. Вадик вопросу удивился, сказал, что на второй мобильник пока не накопил.

Вадик пощёлкал клавишами мобильного, продиктовал мне с экрана четыре номера: свой, Глеба, Хребтолома и Ковылякина. Я записал и откланялся.

Вадик за мной закрыл с грохотом, с каким закрывают за гостем, которого хотели бы видеть в гробу.

Пока шёл к машине, я набрал номер телефониста. Знакомый паренёк, что работает в службе техподдержки опера-

тора, за пару копеек всегда готов слить чуток конфиденциальной информации. Законного тут мало, каюсь, но другого способа проследить за нужным мобильником я пока не знаю.

Когда телефонист ответил, я продиктовал номера Вадика, Глеба, Хребтолома и Ковылякина. Попросил узнать, где светились мобильники Вадика и компании в воскресенье. Телефонист заказ принял, записал на мой счёт десять баксов.

Через минуту с небольшим, когда я уже уселся в джипчик и вставил ключ в замок зажигания, позвонил телефонист, отчитался. Мобильники вадиковых корешей всё воскресенье сигналили из района дачного кооператива, что в Ракитной роще. Мобильник Вадика светился в районе дома, где живу я, и где жил Самуилыч.

Мобильники вадиковых корешей я проверил на всякий пожарный, авось чего и узнал бы. Не узнал.

По мобильнику Вадика я надеялся проследить вадиковы воскресные похождения. Чем чёрт не шутит, вдруг Вадик телек не смотрит и не знает, что правильные бандиты прежде, чем идти на дело, мобильники оставляют дома? Не срослось. По мобильнику Вадика засечь вадиковы воскресные перемещения не удалось.

Если бы Вадик, к примеру, приехал на дачу Глеба в восемь вечера, как и сказал Юсупу, а затем смотался домой и убил деда, и по какой-то причине оставил мобильник дома, я мог бы уличить Вадика во вранье. Но не вышло.

Особой надежды на то, что смогу поймать Вадика за ру-

ку с помощью мобильного, я не возлагал, но и не попытаться счастья не мог.

Я позвонил Глебу, представился, напросился в гости. Глеб сказал, что следователи с утра зачастили, и что Глеб только-только провёл гостя по имени Юсуп, но если мне так при-спичило... Глеб сказал адрес дачного домика, пояснил, как до домика добраться от шлагбаума, что перегораживает до-рогу на въезде в дачный кооператив “Ракитная роща”. Дого-ворились встретиться через полчаса.

Перед встречей с Глебом я заехал в мастерскую знакомо-го мастера по изготовлению ключей и заточке ножей. Я от-дал ключеделу фотографии ключа от квартиры Самуилыча. Ключедел велел подождать пять минут, скормил мою фотку программе “Ключ”. Через полминуты зажужжал станок-ав-томат. Через три минуты я получил дубликат ключа от квар-тиры Самуилыча, а ключедел – пять баксов в рублёвом эк-виваленте.

Спустя четверть часа я свернул с шумной трассы, подка-тил к шлагбауму, по обеим сторонам которого стояли щиты с выгоревшими буквами. На левом щите я разглядел надпись: “Дачный кооператив”, на правом – “Ракитная роща”.

*

*

Рядом со шлагбаумом торчала будка, над дверью будки белела табличка с синей надписью: “Охрана”. Сразу за буд-кой охраны стоял домик с вывеской “Управление” и доской

объявлений на стене. Чуть поодаль расположились мусорные баки.

Будку охраны прикрывала от солнца крона ореха. Собачонка, что развалилась на траве в тени ореха, через полминуты после того, как я приехал, приподняла голову, выудила из глубин тщедушного тельца вялое “Тяф!”, вернула голову на траву.

Из будки вышел охранник с помятой правой щекой и красными глазами. Мужик смотрелся не бодрее сонной мухи, что весной ползает по подоконнику. Я объяснил, кто я, и к кому прибыл с визитом. Охранник качнул головой, кхекнул, сказал: “Ну и утречко! То менты, то частные сыщики. Когда ж поспать-то?”, открыл шлагбаум, пропустил мой джипчик, поковылял в будку.

Сонное царство под названием “Ракитная роща” раскинулось по обе стороны от дороги, укрытой асфальтом. К центральной дороге примыкали улочки, кое-где усыпанные гравием да щебнем, но большей частью те улочки я бы назвал ухабистыми грунтовками.

На третьей от шлагбаума улочке я свернул направо, как мне и наказал по телефону Глеб. На первом домике я увидел табличку с надписью: “Речная”. Табличку с номером домика скрыла листва одичавшего винограда.

Улочка Речная вела вниз, в конце улочки виднелась синяя гладь речки.

У домика номер сто я остановился. В домике номер сто

меня должен был ждать Глеб.

Я осмотрелся. Участок Глеба окружали владения тех, кому дача нужна только для того, чтобы было куда выехать на праздники с шашлычком да водочкой. Домики, что стояли на соседних с глебовым участках, выглядели запущенными, на участках выросло травы по пояс. Дикое поле.

Из глебовых соседей только один наведывался на дачу чаще, чем по праздникам. Может, заглядывал даже чаще, чем раз в месяц. Относительный порядок на том участке объяснить иначе я не смог.

Участок Глеба выглядел не в пример ухоженнее. Грядки прополоты, деревья подрезаны, кусты винограда облагорожены. На фоне окружающей разрухи свежeweыбеленный домик Глеба смотрелся ярким лучиком в тусклом царстве.

У входа на участок Глеба стоял стальной трёхкубовый бак для воды. Когда я увидел, что боковины бака тронула ржавчина, то немедленно вспомнил времена, когда я пошёл на поводу у модного течения “Купи себе дачу – кусочек природы!” и таки раскошелился на дачу. Как вспомню – так вздрогну. Намучился я с той дачей, хоть плачь. Времени сожрала полжизни, а природы я так и не увидел. Ни кусочка.

Особое место в мучениях с дачей занимал бак для воды. Без бака на даче никак. Воду на дачах обычно подают из скважины, зачастую днём. Поливать участок в жару нельзя: можно угробить пол-урожая. Потому и ставят дачники на участках двух-трёхкубовые баки. Если воду подают днём, то

дачники бак заполняют, а участок поливают вечером. Да и если все дачники начнут поливать разом, то давление в общей трубе упадёт до струйки толщиной в спичку. Попробуй с таким давлением полей участок. За весь вечер воды наберётся разве что на полив одной травинки.

Без бака для воды дачник как без рук. Бак для дачника – спасение. Но и мороки с этим баком столько, что не пожелаешь и врагу. Каждый год надо очищать внутренности бака от ржавчины, которой там собирается с ведро. Бак надо красить как снаружи, так и изнутри. Забудешь перед морозами воду из бака слить – пиши “пропало”.

Однажды ту чёртову воду слить перед зимой я таки забыл. Когда приехал на дачу под Новый Год с друзьями пошашлычничать, увидел развороченный льдом бак. Моё терпение лопнуло. К Рождеству я дачу уже продал.

Мои мемуары прервал скрип дверных петель. Боковым зрением я заметил в глубине глебова участка движение. Когда перевёл взгляд на то, что двигалось и скрипело, то увидел кабинку уличного туалета, у которой начала открываться дверь.

Когда дверь открылась, я увидел патлатого паренька, что застёгивал на шортах ширинку.

Паренёк махнул мне рукой, улыбнулся, зашагал навстречу. Когда подошёл, протянул руку.

– Глеб. А вы – Ян?

Я кивнул, пожал протянутую руку, кивнул на бак для во-

ды.

– Глеб, у тебя в баке вода есть?

– А как же!

– Ну-ка, открой дяде краник, а то такая жара... Хоть руки ополоснуть...

– О чём разговор!

Глеб открыл кран. Я отодрал от камня, что лежал возле бака, обмылок, принялся драить руки. Глеб мыть после туалета руки не стал. Вот такая она, жизнь частного сыщика: здоровайся за руку с неумытыми и не ной, а если не пожмёшь протянутую руку, то человек обидится и разговора не получится. Завидую Дональду Трампу: говорят, он протянутые руки не пожимает из принципа.

Пока мыл руки, я присмотрелся к Глебу, вспомнил, что вовсе не раз и не два видел Вадика и Глеба вместе, когда те слонялись по двору перед моими окнами. Другими словами, Глеб и Вадик знакомы лет сто, потому Глеб вполне мог встать на защиту кореша из чувства “своих не сдаю”. Притом Глебу было бы не важно, убивал Вадик деда или нет. Важно лишь то, что сдавать своих – хуже некуда.

После сеанса омовения я отряхнул руки от воды, спросил, где я мог бы задать Глебу пару вопросов. Глеб провёл меня на веранду, жестом указал на лавочку, что стояла у стены домика. Я сел на лавочку, Глеб присел на парапет веранды, напротив меня.

Я заговорил первым.

– Глеб, твой кореш Вадик сказал, что вчера с восьми вечера был у тебя на даче.

– Подтверждаю. Он был здесь, со мной. И у него есть ещё два свидетеля. Кроме меня, ещё два.

– Ты знаешь, что случилось, пока, как ты говоришь, Вадик был тут, с тобой?

– Вадик мне звонил, всё рассказал. Убили его деда.

– Зачем к тебе приезжал следователь?

– Чтобы проверить алиби Вадика. Зачем же ещё?

– Как ты думаешь, зачем проверять алиби человека, на котором ни капли подозрений?

– Значит, Вадика подозревают в убийстве?

– Когда общался со следователем, ты этого не понял?

– Он мне таких вопросов не задавал. Просто спросил, где был Вадик. Я сказал, что со мной. С нами были ещё два пацана. Затем следователь попросил Вадика описать, типа дать Вадика характеристику. Я сказал, что Вадик нормальный пацан, как все. На убийцу не похож. А вы говорите, что его подозревают. Значит, следователь меня расспрашивал так хитро, что я и не понял, что он копает под Вадика?

– Как раз следователь под Вадика не копает. Следователь копает под другого. Под Вадика копаю я.

– Хм... Откровенно, однако. То есть вы утверждаете, что Вадик убил своего деда?

– Я так думаю. Но ты подписался под тем, что Вадик в момент убийства был здесь. Ведь ту бумажку, в которую сле-

дователь записал твои показания, ты подписал?

– Конечно.

– Значит, или ты соврал, или я подозреваю Вадика зря. Если ты соврал, то тебе грозит срок.

– Не пугайте, не маленький. Я не врал.

– Тогда как ты объяснишь, что я видел Вадика во дворе, возле его дома, в девять вечера? В то время, когда, с твоих слов, Вадик был здесь, с тобой?

С ответом Глеб помедлил всего секунду, но любому, кто общался с неумелыми врунишками, хватило бы и первой десятой доли той секунды, чтобы понять: Глеб растерялся.

– Ян, вы обознались. Быть такого не может, чтобы Вадик... Как вы могли его там видеть?

– Ты мне соврал, Глеб. Доказать не могу, но знаю, что ты соврал. Вчера в девять вечера Вадиком здесь не пахло. И мне, и следователю ты соврал. Кстати, я тебе тоже соврал. Глеба в девять возле его дома я не видел.

– Значит, мы квиты?

– Так ты мне таки соврал?

– Хватит меня подлавливать!

– Я б тебя не подлавливал, если б ты мне не врал.

Глеб принял вид школьника, получившего выговор злой противной училки. Взгляд школьника материл меня в семь этажей.

Чуть погодя Глеб взял себя в руки, свирепый взгляд сменил на уважительный. Глеб сказал, что если у меня вопросы за-

кончились, а остались только нравоучения, то мы могли бы встретиться как-нибудь в другой раз, потому как у Глеба дел выше крыши.

Я спросил, где мне найти Хребтолома и Ковылякина, с которыми, кроме Глеба, Вадик по легенде веселился на даче Глеба в момент убийства Самуилыча.

Из пояснений Глеба я понял, что если я буду возвращаться к центральной дороге дачного посёлка по той же улочке, по которой и приехал, то есть по Речной, то в домике под номером семьдесят два, если мне повезёт, я найду Ковылякина. В домике под номером сорок шесть по той же Речной я найду – опять же если повезёт – Хребтолома.

Я покинул скамейку, протянул Глебу визитку. Сказал, что если Глеб дурака валять передумает, то всегда сможет позвонить мне и покаяться во вранье.

Глеб визитку взял, положил на парапет рядом с собой. Я сказал, что подуй ветерок, и моя визитка улетит. Как тогда Глеб сможет покаяться? Глеб закатил глаза, достал из кармана портмоне, сунул визитку в свободный отсек для визиток, спросил, чего ещё мне не хватает для полного счастья. Я сказал, что не хватает глебовой покаянной речи. Глеб сказал: “До свидания!”, вошёл в домик.

Я уселся в джипчик, набрал номер Ковылякина. Номер Ковылякина оказался занятым. Я подумал, что Ковылякин занят важным разговором: выслушивает предупреждения Глеба о возможном визите мерзкого частного сыщика.

Я подождал минуту, набрал номер Ковылякина снова. Занято. Я набрал номер второго дружка Вадика – Хребтолома. Когда Хребтолом ответил, я напросился в гости. Хребтолом так хотел меня приглашать, как я хотел застрелиться. Но так и пригласил. Сказал, что будет ждать в домике номер сорок шесть, что по Речной.

Джипчик покатил меня в гору. Пока плёлся вдоль заброшенных дач со скоростью нетрезвой черепахи, на первой передаче объезжал колдобины улицы Речной, я нахваливал себя за удачу. Где-то в интернете читал, что себя надо хвалить за каждую – пусть даже мелкую – удачу. Назвать мелкой удачей разговор с Глебом у меня язык не поворачивался. То была не удача, то было огромное, жирное удачище, ведь Глеб попался на вранье.

Я мог спорить на миллион, что алиби Вадика липовое. К сожалению, доказать я не мог. Против моей всего-то уверенности выступали казённые бумажки с подписанными показаниями Глеба, Хребтолома и Ковылякина.

Но на тот момент мне хватало и моей уверенности. По крайней мере я мог без зазрения совести начать рыть под Вадика. Если Глеб и компания сказали, что Вадик был на даче с восьми вечера, и даже под словами подписались, то это вовсе не означало, что вадиковы кореша сказали правду.

После разговора с Глебом к Хребтолому и Ковылякину я мог и не идти. Глеб наверняка дружкам позвонил, и о моих засадах предупредил. В мобильной связи кроме очевидных

плюсов есть и скрытые минусы.

С другой стороны, всегда остаётся шанс отхватить кусочек ценной информации на шару. К примеру, Хребтолом мог ляпнуть чего лишнего, а Ковылякин – так и вовсе упасть на колени, и начать со слезами молить о пощаде, да при этом сдавать дружков направо и налево.

Потому я, хоть до Ковылякина так и не дозвонился, и о встрече не договорился, всё-таки остановил джипчик возле домика под номером семьдесят два, что по Речной. Всё равно проезжал мимо, так почему бы не заглянуть?

*

*

Участок Ковылякина зарос так, что даже не скажешь, что хозяин дачи посещает своё владение раз в год ради “покушать водочки, покормить комариков”. Трава выше пояса и бурьян оккупировали участок от и до. Не заросшей осталась только дорожка от калитки к замызганному домику.

Если у Глеба бак для воды ржавчина только тронула и лишь кое-где по бокам, то у Ковылякина в стенках бака зияли ржавые дырищи, не то что дырочки.

Я подошёл к домику Ковылякина, постучал в дверь. Ответа не получил. Я подёргал за дверную ручку. Я и не надеялся, что вдруг, как в дешёвом боевике, дверь бы открылась, и на меня свалился бы труп Ковылякина. Мои ожидания оправдались. Труп Ковылякина встречаться со мной не захотел.

Встречаться со мной не захотел и Ковылякин живой. По-

чему я так решил? Потому как из-за двери шёл запах конопли, забитой в косяк и выкуренной.

Наверняка Ковылякин наслаждался дурью, когда позвонил Глеб и предупредил кореша о моём визите.

Я решил, что если Ковылякин предупреждён и притом накурен, то закрылся на сто замков. Однако Ковылякин мог и гулять по дачам, мог загорать на бережку речки, а не сидеть в жару взаперти в ожидании моего визита.

Я набрал номер Ковылякина. Я надеялся, что если Ковылякин дома, и его мобильник в ответ на мой вызов запиликает, то я услышу, и уж тогда начну ломиться в дверь до тех пор, пока хозяин не откроет.

В ответ на мой вызов оператор ответил, что номер Ковылякина не доступен. Из домика Ковылякина, само собой, не донеслось ни писка, ни тренька, ни популярной мелодии в качестве звонка.

Я заглянул в окна. Рассматривать внутренности домика сквозь задёрнутые занавески оказалось делом непростым. Ценного я не разглядел. Я обошёл домик. С обратной от дороги стороны домика я нашёл ещё одну дверь, тоже запертую. По плотному слою ржавчины на петлях я определил, что последний раз дверью чёрного хода пользовались при царе Горохе.

Я сходил к джипчику, достал из бардачка видеокамеру размером с короткую сигару, вернулся к парадному входу, осмотрелся. В зарослях одичавшего винограда я заметил

место, где Ковылякин, если сидел в домике, ни из окон, ни в замочную скважину не мог видеть ни меня, ни что я делаю. Я прошёл в мёртвую для Ковылякина зону, закрепил камеру на виноградной лозе, направил объектив на ту дверь домика, что смотрела на дорогу.

Миниатюрная видеокамера с памятью на два часа записи, и с датчиком движения – это ли не верная помощница частного детектива?

Зачем я возился с камерой? Чтобы убедиться, что Ковылякин в домике, а мне открывать не хочет. Или – чего я хотел меньше – камера помогла бы узнать, что домик пуст, и ловить мне нечего.

Если бы Ковылякин оказался в домике, я мог бы – пусть и через запертую дверь – спросить, почему Ковылякин говорить со мной не хочет. Не потому ли, что Глеб по телефону предупредил Ковылякина о моих каверзных вопросах? Но если Ковылякину скрывать нечего, то чего бояться вопросов, пусть и каверзных?

Я мог поговорить с Ковылякиным через запертую дверь и без выкрутасов с камерой, но мне не хотелось разговаривать с пустотой в случае, если Ковылякин загорал на речке. Вот когда камера подтвердила бы, что Ковылякин дома, тогда я мог быть уверенным, что Ковылякин меня слышит. А раз слышит и не отвечает, то парню есть что скрывать. А это лишний раз доказало бы, что с алиби у Вадика проблемы.

Уже в джипчике, когда отчалил, я подумал, что было бы

неплохо прижать Ковылякина за курение конопли, а там можно было надеяться на то, что Ковылякин расщедритя на более правдивую инфу об алиби Вадика.

Домик номер сорок шесть, где меня ждал Хребтолом, стоял на столь же запущенном участке, как и домик Ковылякина. Соседние участки выглядели не ухоженнее.

Участок Хребтолома хвастал травой по пояс, бак для воды доедала ржавчина, стекла в окнах домика покрывала тонировка в виде вековой пыли. Создавалось впечатление, что во всём дачном кооперативе “Ракитная роща” из жилых и ухоженных остались только две-три дачи – Глеба, его соседа, и ещё одна, которую я до тех пор так и не повстречал.

Хребтолом в отличие от Ковылякина не запирался. Мне даже не пришлось стучать в дверь. Не успел я подойти к домику, как на пороге нарисовался сутулый пацан с птичьей грудиной. Пацан сутулился так, что я бы назвал ту сутулость горбатостью. Фамилия Хребтолом подходила архисутулому пацану как нельзя лучше.

Когда разглядел Хребтолома, то вспомнил, что его тоже, хоть и реже Глеба, я видел в компании Вадика, когда они ошивались в моём дворе. Другими словами, Вадик и Хребтолом знакомы не со вчера. Потому – как и в случае с Глебом – я не стал надеяться на то, что Хребтолом сдаст Вадика просто потому, что тот чужак, и тянуть лямку неизвестно за кого Хребтолом не захочет.

Я угадал. С первой же минуты разговора Хребтолом ушёл

в глухую защиту. Каждое слово я вытягивал из собеседника клещами. Перед каждым ответом Хребтолом думал чуть не по полчаса. Всё, что удалось выудить, это клятвенные уверения в том, что накануне с восьми вечера и до примерно половины одиннадцатого Вадик веселился на даче Глеба в компании Хребтолома и Ковылякина.

Под конец разговора Хребтолом ссутулился в калач, что дало мне основания предположить, что мой собеседник чувствовал себя не вполне в своей тарелке. Уверенный в себе держит плечи расправленными, спину прямой, грудь колесом. Хребтолом же ссутулился так, словно плечами отгораживался от меня и от моих вопросов.

Несмотря на то, что Хребтолом рассказал не больше, чем наплакал кот, беседой я остался доволен. Когда человеку скрывать нечего, он разговаривает без самоконтроля. Хребтолом же не произнёс ни единого слова прежде, чем не обдумал раз пять. Я решил, Хребтолому есть что скрывать. Причём скрывал Хребтолом не что-нибудь, а нечто, касавшееся алиби Вадика. Ведь я спрашивал Хребтолома о вадиковом алиби, а не об аквариумных рыбках.

Перед уходом я спросил Хребтолома, как часто покуривает травку Ковылякин, и есть ли мне смысл встречаться с третьим свидетелем вадикова алиби. Ведь если Ковылякин в улёте с утра до вечера, то с таким говорить о серьёзных вещах – напрасная трата времени.

Когда Хребтолом услышал о травке, то напрягся, проям-

лил нечто вроде “С чего вы взяли, что Ковылякин курит?”. Я рассказал, как унюхал дым от конопли возле домика Ковылякина. Хребтолом предположил, что я обознался, что, мол, то был дым не от конопли, а от костра, ведь дачники каждый день жгут траву, ветки...

Я сказал, что заеду к Ковылякину вечерком. Попросил передать Ковылякину, чтобы тот от накурки отошёл, и к вечеру был готов со мной встретиться. Хребтолом пообещал мою просьбу передать.

Напоследок я Хребтолому напомнил, что номер моего мобильного должен был остаться в памяти трубки Хребтолома, а потому если Хребтолому приспичит покаяться во вранье насчёт алиби Вадика, то я всегда готов Хребтолома выслушать. Хребтолом ссутулился ещё больше, затем уверил меня в том, что не врал, и врать даже не думал.

На Хребтоломе я визитку сэкономил. Уж кто-кто, а Хребтолом с его-то диким нежеланием со мной говорить нуждался в моей визитке не более чем в моём присутствии на участке номер сорок шесть.

Когда я отъезжал от участка Хребтолома, то заметил, как мой малообщительный собеседник в спешке набирал на мобильнике номер. Я решил, что Хребтолом звонил Ковылякину, чтобы предупредить о моём грядущем вечернем визите.

С улочки Речной я выехал на центральную дорогу кооператива “Ракитная роща”, прокатился метров десять в сторону шлагбаума, притормозил, осмотрелся. Когда убедился,

что с улочки Речной мой джипчик не увидят, я заглушил мотор. Я хотел, чтобы мой джипчик не мозолил глаза ни Глебу, ни Хребтолому, ни Ковылякину. Я хотел, чтобы троица считала, что я дачи покинул, уехал в город.

Я надеялся на то, Хребтолом позвонит Ковылякину и скажет, что я уехал. Тогда Ковылякин наверняка расслабится, из избушки выглянет, запишет свой фейс на мою камеру. Тогда я смогу стучать в дверь до тех пор, пока откроет.

Четверть часа я считал ворон, затем развернулся, поддал газку, направил джипчик к участку номер семьдесят два. Когда проезжал дачу Хребтолома, увидел, как сутулый пацан смотрел на мой джипчик с разинутым ртом.

*

*

У дачи Ковылякина я затормозил. Ковылякин меня с оркестром не встретил.

Я пробрался к зарослям винограда, снял с лозы камеру, вернулся к крыльцу Ковылякина, подключил камеру к мобильнику, вывел на экран мобильного то, что записала камера.

Чтобы время даром не терять, я включил тройную скорость воспроизведения.

За двадцать минут, что прошли после моего отъезда от Ковылякина, возле двери домика с номером семьдесят два пролетели две жирные мухи. На двадцать первой минуте дверь домика приоткрылась, в просвете между дверью и ко-

сяком показалось знакомое лицо. Я вспомнил, что тот фейс тоже – как и лица Глеба и Хребтолома – видел в моём дворе рядом с фейсом Вадика. Я решил, что знакомое лицо, что я увидел на записи, принадлежало Ковылякину.

Плеер мобильного между тем прокручивал запись дальше. Я увидел, как Ковылякин приоткрыл дверь, просунул в щель голову, огляделся. Затем Ковылякин из домика вышел, из поля зрения камеры пропал.

Я заметил, что Ковылякин хромал так, словно ему перебили обе ноги. Я подумал, как пацанам повезло: сутулый до немогу получил фамилию Хребтолом, хромой на обе ноги – Ковылякин.

После того как Ковылякин избушку покинул, камера минуту записывала статичную картинку.

Затем Ковылякин вернулся в дом. В руке Ковылякина я увидел пакет размером с двухлитровую банку. Перед тем как закрыть дверь, Ковылякин осмотрелся, прислушался.

Когда в мой первый приезд к хромому парню я собирался прижать Ковылякина за курение травки, я и представить себе не мог, что мне так повезёт, что застану парня с нехилым пакетом конопли. В том, что в руке Ковылякина я видел пакет именно с травкой, а не с памперсами, я был уверен на все сто.

С чем ещё можно прятать пакет, когда вокруг сотня заброшенных или позабытых хозяевами дачных участков? Сметливых дачников типа Ковылякина такое раздолье в виде гек-

таров практически ничейной земли не подвигнуть на занятия растениеводством не могло.

Юннат Ковылякин наверняка на чужих участках выращивал травку. Здесь посадил кустик, там посадил два, в общей массе травы по грудь да бурьяна по пояс один-другой кустик конопли в глаза не бросится. Так и насобиралось Ковылякину на немаленький пакет конопли.

Я подумал, что перед моим первым приходом к Ковылякину Глеб по телефону предупредил кореша о моём визите. У Ковылякина в тот момент в доме лежал пакет с коноплёй. Пока я ехал от дачи Глеба к даче Ковылякина, от греха подальше Ковылякин вынес пакет из дому, да спрятал где-то на участке, ведь на участке Ковылякина, что зарос травой да бурьяном где по пояс, где по грудь, можно было спрятать танк, не то что пакет конопли.

Зачем Ковылякину выносить пакет из дому? К Ковылякину ехал я, частный сыщик. Вдруг бы я додумался до обыска? В каждом фильме частные сыщики сначала задают пару вопросов, затем бьют собеседнику в нос, после рукоприкладства обыскивают помещение. Как правило, обыск даёт ожидаемый результат: ведро компромата, которое для сыщика заготовил тупой преступник. Если бы так было в жизни...

По времени всё сходилось.

Я болтал с Хребтолом минут десять. После моего отъезда Хребтолом наверняка позвонил Ковылякину, сказал, что я уехал, вернусь к Ковылякину аж вечером. Ковылякин

расслабился, решил, что угроза миновала, да и вышел из дому за пакетом. С утра до вечера хранить такую ценность на участке... А ну как утащит какой-нибудь зверёк?

В мыслях я уже потирал руки в предвкушении допроса, что принесёт мне доказательства липового алиби Вадика. Я думал, что Ковылякину от меня не отвертеться.

Я отстегнул камеру от мобильного, рассовал шпионские снасти по карманам, постучал в дверь Ковылякина. В ответ не услышал ни звука. Тогда я сказал входной двери Ковылякина, что не уйду, пока не поговорю с хозяином домика. Мол, мне и надо-то всего ничего: задать пару вопросов о Вадике, да получить на них ответы. Как только ответы получу, так больше обо мне Ковылякин и не вспомнит. А если Ковылякин дверь не откроет, то я решу, что хозяина дома нет, и дверку вышибу, а что в домике найду – то моё.

Секунд через десять из глубины домика донёсся шорох шагов, затем я услышал, как в замке дважды провернулся ключ.

Ковылякин открыл дверь, вышел на порог, подпёр плечом косяк, сложил руки на груди, смерил меня взглядом чуток накуренного, смелого как сто камикадзе придурка с краснющими глазами.

– Чего надо?

– Во сколько Вадик вчера пришёл на дачу Глеба?

– В восемь вечера.

– Откуда такая точность?

– Когда Вадик пришёл, мы все посмотрели на часы.

– А если я скажу, что ты врёшь?

– Вы не из милиции, так что идите себе, куда шли.

Я достал из кармана удостоверение следователя по особо важным делам. На цветном принтере отпечатанная и заламинированная липа вгоняет лопухов в ступор не хуже настоящей.

Я сунул ксиву Ковылякину под нос. Ковылякин навёл резкость.

– Это что такое?

– Читай. Там сказано, что я – следователь по особо важным делам. Глеба и Хребтолома я обманул. На самом деле я не частный сыщик, а...

Ковылякин ухмыльнулся.

– Гражданин сыщик, эту лапшу вешайте не мне. Вадик мне звонил, сказал, что вы придёте, и вас описал. Вадик сказал, что вы – частный сыщик.

– Хм...

Я улыбнулся, сунул липовую ксиву в карман.

– Раз ты меня раскрыл, то играть больше не будем. Насчёт алиби Вадика ты врёшь, дружище. А я хочу услышать правду.

– Вы её уже слышали.

– Я знаю, что у тебя есть пакет травы. Можем договориться. Ты мне говоришь правду, а я в обмен не стану обыскивать дачу. Ведь если я твой пакетик найду, и вызову нарко-

контроль...

Как Ковылякин, такой хромой, что, казалось, и ходит-то с трудом, успел нырнуть в домик и захлопнуть перед моим носом дверь, я так и не сообразил. Зато я сообразил, что вляпался.

Я треснул дверь ногой. Дверь устояла. Я треснул ещё. Возле замка на дверном полотне появилась трещина. Третий раз пинать несчастную дверь не пришлось: я услышал, как позади дачи скрипнули петли. Затем я услышал быстрые шаги.

Я вспомнил, что в первый приход к Ковылякину видел с другой стороны домика ещё одну дверь.

Я матернул себя за дурость и короткую память, сорвался с места. Я обогнул дачу в секунду. Увидел лишь пятки Ковылякина.

Ковылякин удирал. Причём нёсся как лань. Кому я ни говорю, что хромой на обе ноги может лететь аки гепард, не верят.

Я погнался за Ковылякиным, потому как заметил в руке удиравшего пакет размером с двухлитровую банку. Если бы удалось схватить Ковылякина за руку...

Не удалось. Я нагнал Ковылякина на следующем участке, у самого забора. Забор хлипкий, из сетки-рабицы, но высокий, под два метра, а сквозь стальную сетку, если не волшебник, не пройдёшь. Ковылякин оценил свои магические способности в ноль, потому взобрался по сетке, оседлал забор, и уже собирался перемахнуть на соседский участок, как по-

доспел я.

Я в прыжке схватил Ковылякина за штанину, как мне казалось, мёртвой хваткой. Для штанины хватка оказалась таки мёртвой. Когда Ковылякин дрыгнул ногой и едва не заехал мне кроссовком по носу, кусок штанины остался в моей руке, а Ковылякин свалился по другую сторону забора.

Ковылякин вскочил на ноги и дал дёру. Думаю, Ковылякин в тот момент обзывал меня нехорошими словами, потому как удирал Ковылякин с пустыми руками. Пакет размером с двухлитровую банку, на беду Ковылякина, упал по мою сторону забора.

Я оценил шансы догнать Ковылякина в сто к одному против меня. Пока я перелезал бы через забор, Ковылякин успел бы уйти. К тому же на местности Ковылякин ориентировался гораздо лучше меня, ведь я в кооперативе “Ракитная роща” гость, а Ковылякин как плантатор конопли наверняка знал каждую тропку.

Я решил погоню прекратить, вернулся на дачу Ковылякина. Я распорол пакет, с которым удирал Ковылякин. В пакете оказалась таки конопля, причём отборная. В домике я заметил камин. На участке я нашёл хворост. Я открыл на дымоходе заслонку, развёл в камине огонь, высыпал трофей в самое пекло. Конопля затянулась дымом, затем вспыхнула. По домику разнёсся сладковатый запах. Через пять минут я помешал остатки конопли кочергой, чтобы дурь догорела дотла.

Встречу с Ковылякиным я отнёс в категорию провальных. Ценной информации я узнал ноль байтов.

Правда, если быть честным, то разговор с Ковылякиным ещё более уверил меня в том, что алиби Вадика может быть липовым. Вадик общался с юннатом-Ковылякиным, и не знать о бизнесе кореша Вадик не мог. Кроме того, Вадик мог Ковылякину помогать с растениеводством. Хребтолом, Глеб, Ковылякин и Вадик могли быть повязаны общим криминалом. Значит, Вадик мог попросить о липовом алиби, и знать, что кореша не откажут.

На том я и успокоился. Ведь доказать существование наркокартеля на территории дачного кооператива “Ракитная роща” я не мог, равно как и не мог, не имея на руках козырей, с пристрастием расспросить дачных наркобаронов об алиби Вадика.

Я уселся в джипчик, покатыл домой.

Я уже почти подъехал к дому, когда звякнул телефон. Я прижал джипчик к бордюру, снял трубку.

Тот, кто со мной заговорил, забыл сказать “Драсьте!”, забыл представиться. Зато, как мне показалось, звонивший чересчур увлекался просмотром боевиков про американских пастухов, у которых всё вкрутую.

Крутой пастух начал первым.

– Надо встретиться.

– Зачем?

– Поговорить.

– О чём?

– Узнаешь.

– Куда ехать-то?

– На пляж “Стрелка”. Ждём тебя на входе.

– Еду.

Я разорвал связь, глянул на экран мобильного. Крутой пастух звонил не с мобильного, не с домашнего, потому как номер не определился. Наверняка звонил с того автомата, что на пляже “Стрелка” сохранился словно специально для подобных звонков.

Я придавил педальку газа, направил джипчик к пляжу “Стрелка”.

*

*

Пляж “Стрелка” – излюбленное место встречи придурков, мнящих себя героями сериалов про бандитов из далёких деревенных мест.

На пляж “Стрелка” народная тропа заросла сто лет назад. Кому охота загорать под пулями? Постоянные разборки, стрелки, пальба, вой милицейских сирен... хорошенький мне отдых!

Я подкатил к “Стрелке” ровно в половине двенадцатого. У входа на пляж стояла зашарпанная “девятка”, на капоте сидело трое орлов. Возраст орлов я бы уложил в промежутке от шестнадцати до двадцати.

Я остановился в пяти метрах от “девятки”, вышел из ма-

шины. Орлы снялись с насеста, потащились ко мне. Хоть бы прихватили с собой для устрашения двухметрового качка, что ли... А то на вид такие бойцы, что аж бить жалко. Худые, невымытые, помятые, глазищи краснющие, аж жуть. А уж личики у бойцов... “Морда просит кирпича”, одно слово.

В метре от меня троица остановилась. Самый длинный заговорил голосом того крутого пастуха, что приглашал меня на стрелку.

– Ты забрал у Ковылякина товар. Надо вернуть.

– И из-за этого я пёрся через весь город?

– Будет надо, попрёшься и дальше.

– Что, пацаны, придавило? Ковылякин вам сказал, что из-за меня придётся посидеть на голодном пайке?

– Остришь?

– Ага. Ковылякин пообещал расплатиться тем, что забереёте у меня?

– Смотри, какой умный. Как ты угадал? Ну, хватит трендеть. Пора дать тебе по рылу, чтобы ты понял, что пора хлебальник захлопнуть.

– Сколько можно чесать языком, травокур ты недоношенный?

Крутой пастух сжал кулаки, налил морду кровью, шагнул ко мне.

– Что ты сказал, урод?

– Ну-ка, повтори. У тебя получается так грозно, аж...

Пастух выбросил кулак вперёд. Кулак так и завис в воз-

духе, потому как я чуть присел и двинул пастуха под дых. Пастух зашёлся в одном длинном ике. Даже не знаю, как по научному обозвать то состояние, в котором застыл пастух. Икотой не назовёшь, потому как слово “икота” подразумевает звук не один, а несколько. Пастух же зашёлся в одном протяжном ике.

Кореша пастуха посмотрели на пострадавшего, шагнули назад. Протяжный ик пастуха перешёл, наконец, в нормальную икоту. Через несколько секунд пастуха отпустило. Всё это время кореша пастуха смотрели на меня с ненавистью, ужасом, и желанием поскорее смыться.

Пастух очнулся, обернулся, кивком призвал соратников к оружию. Троица обнажила клинки.

Вот времена пошли, а? Уже недоношенные курцы коноп-ли, и те мнят себя серьёзными пацанами, которые знают толк в поножовщине! Ну куда это годится?

Ножички бойцам продали дерьмовенькие, но я не очень-то хотел, чтобы те три дерьмовенькие железки почесали мне печень. И ещё я понимал, что, когда орлы начнут разлетаться по сторонам, ненароком могут поцарапать мой клёвый джипчик своими погаными булавками из низкопробного железа. Потому я отбежал в сторону от джипчика метров на десять.

Пастух и его команда моё перемещение на местности восприняли как проявление трусости, погнались за мной.

Пока ждал орлов, краем глаза заметил красную машинку, что проезжала по трассе мимо пляжа, где я резвился с тра-

вокурами. За рулём сидела молоденькая блондинка. Вместо того чтобы смотреть на дорогу, девчонка пялилась на меня и троицу травокуров. Глазищи у девчонки выглядели такими огромными, что только глазищи я и запомнил. И ещё я запомнил, что девчонка говорила по мобильнику.

Я напал первым. Крутого пастуха я двинул пяткой в ногу, чуть выше колена. Пока пастух осознавал, насколько это больно, я той же ногой, которой двинул пастуха, треснул под дых того орла, что подлетел справа. Левому повезло меньше: у него я выбил нож, и при этом вывихнул бедняге большой палец руки, которая даже нож держать, и тот толком не умеет.

Через семь секунд после начала драки спарринг-партнёров у меня не осталось.

Орёл с вывихнутым пальцем стоял на коленях, дёргал вывихнутый палец, кусал губы. Пастух сидел на заднице, скулил и растирал бедро. Тот, что бился солнечным сплетением о мою пятку, хрипел и пытался восстановить дыхание. И ни один из травокуров продолжить разговор не пытался.

Пока травокуры очухивались, я подумал, что Ковылякин попал по полной программе. Это ж надо было додуматься подсылать ко мне орлов с ножичками! Я решил, что уж после стрелки на пляже “Стрелка” руки у меня развязаны, и я могу крутить Ковылякина на правду об алиби Вадика на всю катушку. Я даже позволил себе подумать о рукоприкладстве в интересах следствия. Всё по-честному. Ковылякин хотел,

чтобы отрихтовали меня. Значит, я могу хотеть рихтовки Ковылякина.

Вдалеке завывала сирена. Не успел я подумать, что хорошо бы сдать троицу с ножичками стражам ненаводимого порядка, как из-за поворота трассы вынырнул милицейский “бобик”. Возле съезда к пляжу “бобик” с визгом притормозил, затем покатился ко мне и побитым орлам.

До меня вдруг дошло, что если орлов повяжут, то те не долго думая Ковылякина сдадут, и при этом даже не икнут. Орлы ведь крутые только на улице, с ножичками да против безоружных. В кабинете следователя орлы смахивают на мокрых куриц.

Конечно, в камере орлам самое место, но если орлов повяжут, и те сдадут Ковылякина, то поговорить с Ковылякиным про алиби Вадика я не смогу.

Я отыскал взглядом ножички орлов. Два нашёл, один, видимо, в ходе потасовки утонул в песке. Те орудия преступления, что отыскал, я ногой вдавил в песок, да для надёжности ещё и нагрёб кучку песка сверху.

“Бобик” остановился рядом с моим джипчиком. Из боевой машины милиции без излишней спешки выбрались четверо в форме. Трое направились к орлам, один подошёл ко мне, улыбнулся, кивнул в сторону побитых орлов.

– Нарушают?

– Не успели.

– А нам сообщили, что три урода с ножиками напали на

одного безоружного. Одна проезжала тут мимо, да увидела.

Я вспомнил блондинку в красной машинке, послал девчонке мысленную благодарность за гражданскую сознательность. Другая бы проехала мимо. Разве что сняла бы драку на мобильник, чтобы повесить на свой блог и хвастать перед друзьями.

Мой собеседник потянулся к дубинке.

– Очень правильно, что вы нашли время для воспитательной работы. Помочь?

– Управлюсь.

– Выходит, мы зря палили казённый бензин?

Трое стражей схватили побитых орлов за шкурки, поволокли к “бобику”. Я посмотрел на собеседника просящим взглядом.

– Что, если вы этих бойцов отпустите?

– Как я объясню шефу холостой выезд?

– Когда вы приехали, то никого не застали.

– Зачем вам эти уроды?

– Если вы их посадите, то после отсидки они станут уродами в квадрате.

– Если мы их не посадим, они нападут на кого-нибудь ещё.

А если им подвернётся не такой как вы, а старушка-пенсионерка?

– Вы думаете, что после отсидки старушка им не подвернётся? Тюрьма их не исправит.

– А что исправит? Дом отдыха с психологами?

– Я с ними ещё не договорил.

– Вот это другой разговор. Только если перестараетесь, и мы тут найдём три трупа, то я вас запомнил.

– Договорились.

– Значит, заяву на них писать не будете?

– Нет.

– Тогда удачи в воспитательном процессе.

Мой собеседник пожал мне руку, дал сослуживцам команду: битых орлов в “бобик” не запихивать, а того, которого запихнуть успели, выкинуть.

Когда “бобик” укатил, орлы так и остались сидеть на песке, смотреть на поворот, за которым скрылся “бобик”, при этом выглядели офонаревшими до онемения.

Я – злой и жестокий садюга – несчастных травокуров добил: сказал, что тот пакет, что обронил Ковылякин, я сжёг. Если не верят, то пусть смотаются на дачу Ковылякина, разгребут кучку пепла в камине, да понюхают, чем пахнет сгоревший дотла пакет конопли.

Травокуров мой жестокий рассказ убил. Я думал, что с горя начнут рвать на себе волосы.

Я записал номер “девятки”, на капоте которой восседали орлы, когда я прибыл на стрелку. Сказал, что если ещё хоть про одну-единственную пакость травокуров прознаю, то по номеру машины найду и прибыю всех троих.

Два ножика я из песка выковырял, зашвырнул в реку. Третий клинок я так и не нашёл.

Пока я возился с ножиками, травокуры уселись в “девятку”. Я махнул орлам на прощание, крикнул, чтобы больше мне на глаза не попадались, потопал к джипчику. При этом я повернулся к орлам спиной. Я ж не знал, что травокуры окажутся неблагодарными до такой степени, что за всё то хорошее, что я для них сделал, попытаются наехать на меня своей зашарпанной “девяткой”.

Таки попытались. Когда проезжали мимо, вильнули в мою сторону. Если бы я вовремя не отскочил, то колёса “девятки” вдавили бы меня в пляж “Стрелка” за милую душу. Как бы я ни отскакивал, а стукнуть меня крылом по ноге таки успели, сволота. Да так хорошо стукнули, что я аж свалился.

Травокуры назад не сдали, меня не додавили. Когда я поднялся и отряхнулся, “девятка” травокуров уже неслась по трассе к городу.

Я махнул на идиотов рукой, растёр ушибленную ногу, отряхнулся, влез в джипчик, направил оглобли в сторону дачного кооператива “Ракитная роща”. По пути заехал на заправку.

После того как накормил моего коня, заправщик уделил внимание и мне. Сказал, чтобы я на досуге посмотрел на себя в зеркало.

Я зашёл в призаправочное кафе, что отпугивало дикими ценами, прошёл в туалет. Когда я осмотрел себя в зеркале, то пришёл к выводу, что мне не помешало бы как минимум переодеться. Мои белые шмотки после моего падения на пля-

же “Стрелка” стали грязно-серыми, притом мятыми, словно я упал не всего-то один раз, а будто меня волочили по пляжу с километр.

Как мне ни хотелось поскорее встретиться с Ковылякиным, я поехал домой привести себя в порядок. Частный сыщик, выраженный в грязное мятое тряпье, вместо уважения и охоты сообщать ценные сведения внушает желание послать немытого подальше.

*

*

Дома я принял душ, пообедал, на пяток минут прилёг отдохнуть. Затем я надел всё белое, – всё-таки на дворе лето, – глянул на себя в зеркало.

Выглядел я на сто баллов: весь в белом, как приличный гангстер двадцатых, только без белой шляпы и белых гетр, в общем, красавец ещё тот.

Я покинул квартиру, запер дверь, сбежал по ступенькам к подъездной двери, весь такой белый и элегантный.

Секунду спустя я уткнулся носом в подъездную грязь.

Тот, кто саданул по моему затылку чем-то твёрдым, поджидал меня за шахтой лифта. За мгновение до удара я успел краем глаза заметить движение в тёмном углу, подал голову вперёд. Этим я удар ослабил.

В момент удара показалось, что череп раскололся. Время потекло раз в сто медленнее. Я по нотам услышал, как скрипят кости черепа. Так скрипит кусок пенопласта, когда им

проводишь по стеклу.

От затылка до лопаток прошла боль. Остротой боль напомнила тот радостный миг, когда стоматолог решил, что обезболивающее на мой зуб уже подействовало, и вскрыл канал с воспалённым нервом по-живому.

Перед тем как отключиться, я себя спросил, чем я умнее того парня, что нарисован на открытке с подписью “Остолоп”. Можно быть каратистом, боксёром, чемпионом боёв без правил, но если бегать по подъезду с мыслями не о том, кто может стоять за углом с монтировкой на взводе, то этой монтировкой можно получить по черепушке несмотря на все чёрные пояса, что висят в шкафу рядом с кимоно.

Когда очнулся, по глазам резанул яркий свет. Если судить по ощущениям, то меня вытащили из подземелья, посадили за стол, направили в глаза лампу-гестаповку, щёлкнули выключателем. Есть ли где на свете кайф больший?

Во рту горело, словно я разжевал горсть перца чили.

По Закону Бутерброда я свалился носом в угол, туда, где прохожие устроили отхожее место. Мне в нос разило смрадом, после которого торговка тухлой рыбой запахнет французским парфюмом. И ещё пахло кровью. Когда падал, солонки подстелить не успел, потому чуток разбил себе нос.

Открылась подъездная дверь. На пороге появилась новенькая квартирантка с сыном, которому на вид я бы дал годика три. Зато мозги у пацанёнка варили на все десять.

Пацанёнок указал на меня пальцем, улыбнулся.

– Мама, дядя убитый!

Я представил, как я выглядел. Раз уж ребёнок признал во мне труп...

Мамаша с сыном согласилась: мол, да, сынуля, дядя таки труп. Затем квартирантка хлопнулась в обморок. Пацанёнок запищал. Пришлось квартирантку спасать. Потому я и встал, иначе бы ещё повалился, поотдыхал.

Я надавал квартирантке по щекам, ущипнул за верхнюю губу. Пацанёнок, завидев такое дело – всё же я бил его мамашу – пищать перестал, заорал.

В подъезд вошла соседка-пенсионерка. Увидела, как я, весь в крови, склонился над квартиранткой.

С моего носа на квартирантку капала кровь. Рядом орал пацанёнок...

Соседка-пенсионерка покачала головой.

– Ян, когда ты уже станешь взрослым? Ну, сколько можно валяться по подъездам и пугать мамочек побитой мордой?

Добавила что-то вроде того, что встретить меня без синяков сложнее, чем жирафа с короткой шеей. Затем приказала мне выйти проветриться.

К тому времени квартирантка очнулась, села, рассмотрела на своей блузке кровь, и чуть было не грохнулась в обморок снова. Хорошо, что соседка-пенсионерка всего за секунду успела квартирантке рассказать кто я да что я, и что к моим выходкам вроде валяний по подъездам с разбитой мордой надо просто привыкнуть. Квартирантка хлопаться в

обморок передумала.

Я вышел во двор глотнуть воздуха, потому как подъездных ароматов наглотался вдоволь. Не подъезд, а тамбур общего вагона, ей богу!

Солнце лучилось таким приятным теплом, что по коже проскакало стадо мурашек. Сначала я подумал, что мурашек я нахватался, лёжа в подъезде. У нас этого добра хватает. Дворовых блохастых котов в подвале живёт десятка два.

Я ощупал карманы. Не пропало ни копейки. Мой мобильник нападавшему тоже не приглянулся. Я решил, что меня стукнули не ради ограбления. Оставалась месть. Тут у меня подозреваемых не меньше, чем тех, у кого на меня зуб, а этих можно выстроить по экватору от меня до меня, если меня поставить на экватор. Я мог подумать на кого угодно.

Думать я решил после того, как приму душ. Иначе подъездные ароматы, которыми, пока валялся в подъезде, я провонялся насквозь, свели бы меня с ума.

Я постоял во дворе, подышал, потопал к себе.

Дома, в коридоре, я посмотрел на себя в зеркало. В сравнении со мной негр после вечеринки с куклуксклановцами выглядит свежим огурчиком.

Я ощупал затылок, нашёл шишку размером с пробку от винной бутылки. В морозилке я нашёл куриный окорочок, приложил к шишке. Минут через пять, когда мозги начали покрываться льдом, я вернул окорочок в морозилку.

Затем я скинул с себя окровавленные и вывалянные в

подъездной грязи шмотки, сунул в стиралку, включил короткую стирку.

Принимать душ стоя я счёл затеей рискованной. После встречи с монтировкой – или чем там меня огрели? – голова всё ещё шла кругом. Я подумал, что не ровен час, ноги подкосятся, свалюсь, треснусь черепашкой о край ванны, и спасать меня будет некому. Так и завоняюсь.

Я набрал ванну, улёгся, расслабился, включил те остатки мозгов, что удар по черепу таки пережили, и при этом сохранили способность думать.

В первую очередь я подумал на Ковылякина и тех орлов, с которыми общался на пляже “Стрелка”. Ведь я получил по черепашке после стрелки на пляже, после того, как сказал орлам, что пакет с коноплёй сжёт. Мало того, я ведь орлам ещё и накостилял. Такое унижение придурки обычно не прощают, мстят.

Во вторую очередь я подумал на Вадика. Кому как не Вадиду желать моей смерти? Вадиду могло не понравиться, что я его подозреваю, и в итоге я получил монтировкой по затылку.

Через минуту раздумий я решил версию с Вадиком отбросить. Если бы меня треснул Вадик, то, если не дурак, должен бы меня добить. Какой смысл оставлять меня в живых? Оклемаюсь, и продолжу Вадика подозревать.

Остались орлы со “Стрелки” и Ковылякин. Искать орлов я не рвался. На кой мне они? Ведь орлы – народец подне-

вольный, куда им скажут, туда и летят. Интереснее было бы покалякать за жизнь с тем, кто указывает орлам, куда лететь, то есть с Ковылякиным. Ведь от кого как не от Ковылякина орлы могли узнать о том, что ковылякинский пакет с коноплёй остался у меня?

Если уж Ковылякин послал орлов на встречу со мной на “Стрелке”, то почему бы ему не послать тех же дурачков, чтобы навести меня в подъезде, да отомстили за пепел в камине? Ковылякин мог послать в мой подъезд и других бойцов, ещё небитых.

Я решил, что с Ковылякиным пришла пора поговорить по-взрослому. Сначала стрелка на “Стрелке”, затем монтировкой по затылку... Так ведь я мог и дожждаться, пока Ковылякин меня отправит на встречу с усопшими предками.

Я представил, как вытряхиваю из Ковылякина душу, если такого уroda, конечно, бог наградил душой. Я представил, как Ковылякин после сеанса душевытряхивания выкладывает мне всю правду-матку о Вадике, и притом жалеет, что не знает о Вадике больше. Когда напредставлялся от души, я из ванны вылез.

Конечно, лучше бы ковать железо не отходя от наковальни, но ехать к Ковылякину я не хотел. Хоть я и получил только по затылку, мне казалось, что ломило всё тело. Вдобавок подташнивало.

Я решил отлежаться дома хотя бы часок.

Полежал пять минут. В дверь позвонили. Я глянул в гла-

зок. Увидел приличного на вид господина в костюме.

*

*

Я открыл. На меня пахнуло дорогим одеколоном. Кроме недешёвого парфюма, моему гостю в этой жизни повезло владеть дорогим костюмом при галстукке, да лакированными туфлями. К тому же гостю повезло уродиться рослым – под два метра – детиной.

Гость посмотрел на экран мобильного, сунул мобильник в карман, перевёл взгляд на меня. Затем уничтожающим, размазывающим взглядом принялся прижимать меня к плинтусу. Когда не вышло, хмыкнул.

– Что она в тебе нашла? Ты же ей дышишь в пуп!

После этих слов гость с размаху захотел отвесить мне в челюсть. Получил от меня в живот. Гикнул, выпучил глаза, согнулся. Я добавил ладошкой по затылку. Мужик рухнул.

Я ухватил мужика за шиворот, втащил тяжеленную обмякшую тушу в коридор, закрыл от глазастых и любопытных соседей дверь, присел рядом с гостем на пол, скрестил ноги, стал ждать, пока двухметровая детина очнётся.

В мыслях я снял обвинение с Ковылякина, навесил на гостя. Я подумал, что мужик в дорогом костюме спутал меня с любовником его жены, да и заплатил бойцу, чтобы тот стукнул мне по черепу перед тем, как ко мне в гости заглянет сам Большой Босс. Такое небедные парни практикуют. Уже побитого бить легче, можно уложить с одного удара. При этом

и самолюбие потешишь, – “Я ему таки врезал!”, – и риска почти ноль, и особо не запачкаешься да костюмчик не помнёшь.

Очухался мужик через минуту, как и положено после моего удара ладошкой по затылку. Захотел было подняться, напоролся на мой взгляд, замер.

Я улыбнулся.

– Лежи, орёл. Сядешь – стукну. Можешь перевернуться на спину.

Мужик остался лежать на животе, только подложил под щеку ладонь.

– И долго мне так лежать?

– Пока не скажешь, чего припёрся махать кулаками.

– Хотел спросить, что моя Лорка делала у тебя.

– И потому ты прислал человечка, чтобы он размял мне череп?

– Какого человечка?

– Того, что съездил мне чем-то тяжёлым по башке.

– Зачем бы приходил к тебе я, если он тебе уже навалил?

– Потому и навалил, чтобы подготовить к твоему приходу.

Чтобы я вёл себя скромнее. Чтобы ненароком не помял твой дорогой костюм.

– Никого я к тебе не подсылал.

– Ладно, всё равно не признаешься. И о какой Лорке речь?

– Не стой из себя дурачка! Лорка – моя жена. И она у тебя сегодня была.

Гость протянул мне мобильник, предложил мне ознакомиться с фотоальбомом, полистать фотки.

На первом же снимке я увидел себя и Лору, любовницу Афони. Мы с Лорой выходили из моего подъезда. На втором снимке Лора сидела в машине, а я стоял в глубоком наклоне возле дверцы со стороны водителя. Я стоял спиной к объективу, и на снимке смотрелся как мужичок, который нагнулся в сторону сидящей за рулём дамы, чтобы та поцеловала мужичка на прощание.

Я вспомнил, что когда Лора после разговора со мной отъезжала, то сказала: “До свидания!”. Я слов прощания не слышал, подал своё ухо поближе к губам Лоры с просьбой повторить сказанное. Такая невинная чепуха, как оказалось, со стороны смотрелась нежным поцелуем на прощание. Я улыбнулся, вернул мобильник хозяину.

Муж Лоры спросил, достаточно ли мне доказательств моего участия в адюльтере. Я улыбнулся, сказал, что на фотках я не нашёл ни одного доказательства. Добавил, что мы с Лорой решали вопрос по работе. Муж Лоры хмыкнул, спросил, по какой-токой работе мы могли решать вопрос, если Лора за свою жизнь палец о палец не ударила, и слово “работа” в букваре Лоры значит ругательством.

Я спросил, как муж Лоры меня вычислил. Муж Лоры не без удовольствия разложил всё по полочкам. Наверняка думал, что если расскажет, как поймал Лору за руку, то мне будет не отвертеться.

Муж Лоры заметил, что с женой что-то не так, ещё ночью. Когда Лора в половине восьмого утра уже выкатила свою машину из гаража, муж Лоры себя спросил, куда это в такую рань намылилась та Лора, которая в девять только досматривает последние сны, а тут полночи не спала, вскочила в семь, вместо двухчасовых выкрутасов перед зеркалом только заколола волосы, и укатила, причём очень взволнованная. Сказала, что заболела подруга.

Муж Лоры не дурак, вслед за женой послал шофёра, чтобы проследил. Сначала шофёр ехал за Лорой на машине шефа, затем пересел на такси. Всё как в лучших шпионских фильмах. На одном из поворотов шофёр машину Лоры потерял. Начал рыскать по окрестностям. Не нашёл. Уже когда решил вернуться домой, чтобы рассказать хозяину о провале, снова наткнулся на машину Лоры. Проследил до моего дома. Подождал, когда Лора из дома выйдет, да щёлкнул меня и Лору на мобильник.

Затем муж Лоры приехал по указанному шофёром адресу, начал обзванивать в подъезде все квартиры подряд, ведь номер моей квартиры не знал. Лица открывших сверял с фоткой на мобильнике, где я с Лорой выходил из подъезда. Так до меня и добрался.

Муж Лоры большой вопрос повторил: согласен ли я на основании услышанного, что замешан в адультере. Я сказал, что нет, добавил, чтобы на будущее с такими уликами к посторонним людям не совался, а то другой, не такой мягко-

сердечный как я, церемониться не станет, а сунет незваному гостю под нос двустволку, и двухметровый рост мужу Лоры не поможет.

Муж Лоры не унимался, выдавал на-гора вопрос за вопросом, всё пытался поймать меня на слове.

Затем муж Лоры вспомнил о снимках на мобильнике.

– Она тебя целовала. Это видно на фотке.

– Ты больной. Я её провожал, довёл до машины. Она села, сказала что-то, чего я не расслышал, я нагнулся, чтобы ухом быть ближе к...

– Ты на себя посмотри! На фотке ты весь цветёшь и пахнешь! Думаешь, я поверю, что ты с ней не...

– На фотке я всего лишь улыбаюсь. А как я должен был расставаться с твоей женой, с такой красавицей? Со свирепым оскалом на небритой морде?

– Что она здесь делала?

– Спроси у неё. Могу лишь сказать, чтобы ты успокоился, что у меня с твоей женой любовных связей, порочащих твоё честное имя, нет.

– Паясничаете?

– Что, получилось? Тренируюсь постоянно.

– Значит, – как ты там сказал? – связей нет?

– Пока нет.

– Что значит “пока”?!

– Если тебя через час переедет трамвай, то я буду первым, кто придёт утешать убитую горем вдову. Такую шикарную

женщину да не утешить...

– Я тебе сейчас утешу!

– Спокойно, Кличко! У тебя всё-таки череп один. Поберётся бы. Ты ещё помнишь, что лежишь на полу, и что моя пятка очень близко от твоего носа?

Муж Лоры фыркнул. Я подумал, что для полного счастья мне не хватало ещё и ревнивого мужа, которому кровь из носу понадобилось доказать неверность жены посредством моего чистосердечного признания.

Затем до меня, как до жирафа, дошло: как муж Лоры пришёл ко мне разбираться сам, без помощи со стороны, так и Ковылякин мог не заказывать меня орлам со “Стрелки”, а явиться в мой подъезд лично, да треснуть меня по черепу.

Не скажу, что проекция поведения мужа Лоры на поведение Ковылякина выглядела логически и психологически безупречной, но я подумал именно так.

Я решил, что за сожжённый пакет конопли Ковылякин отомстил мне сам, потому как на наёмных орлов надежды было мало: у тех не получилась даже элементарная стрелка на “Стрелке”.

Времени, чтобы добраться от дачного кооператива “Ракитная роща” до моего подъезда, у Ковылякина было хоть завались. Пока я доехал от “Стрелки” до заправки, да пока заправился, орлы могли созвониться с Ковылякиным, и рассказать о провале стрелки да о великом несчастье: сожжённом пакете конопли.

Я подумал, что у Ковылякина с головой непорядок, раз припёрся ко мне с монтировкой после того, как я раскидал его бойцов-травокуров. В принципе, у травокуров голова не варит по определению, а Ковылякин покуривал. Когда я встретился с Ковылякиным впервые, он на меня пялился глазами такими краснющими, что из них чуть не лилась кровь.

Мысли о Ковылякине промелькнули за долю секунды. Паузы в разговоре муж Лоры наверняка и не заметил, продолжил сыпать вопросами. Я решил, что пришло время с мужем Лоры закругляться, а то он меня своими вопросами загнал бы в гроб.

Я разрешил гостю подняться с пола и уматывать, добавил, что если будет выкобениваться, то умоет из моей квартиры не на своих двоих, а на носилках, при этом будет далеко не первым.

Муж Лоры из позы “лёжа на пузе” переместился в стойку на четвереньках, причём скоростным то перемещение я бы не назвал. Затем гость принял позу прямоходящего, осмотрел мятый костюм, смерил меня недобрый взглядом, пообещал как-нибудь вернуться, бросил стандартное “Я тебе это запомню!”, развернулся, рванул входную дверь на себя.

Я подсказал, что дверь открывается наружу. На прощание гость хлопнул дверью так, что грохот слышали наверняка на девятом этаже. Я гостю неучтивость простил. Всё же башка моя раскалывалась, и встречи с кулаком двухметрового гос-

подина могла не выдержать.

Когда гость ушёл, я решил таки лечь отдохнуть, зализать раны. Я намочил полотенце холодной водой, приложил к затылку, и только успел улечься носом в подушку с полотенцем на затылке, как позвонил Юсуп.

Юсуп рассказал, что с утра опросил соседей Самуилыча. Соседи рассказали о вредности Самуилыча да о пакостях, которыми Самуилыч доводил Афоню до белого каления. Поэтому соседи не удивятся, если убийцей окажется Афоня. Показания соседей Юсуп подытожил: мотив у Афони есть, и расчудесный.

Со слов Юсупа, соседи слышали, а кое-кто и видел, как в шесть вечера Самуилыч стрелял с балкона, затем кто-то стрелял в квартире Самуилыча в половине десятого. Итого соседи слышали четыре выстрела. Те два, что грохнули в шесть вечера, слышал весь двор, ещё два, что бабахнули в половине десятого, слышали немногие, а наблюдал и вовсе один я, если Самуилыча и Афоню не считать. Те два выстрела, которые отправили Самуилыча на небеса, не слышала ни одна живая душа. Юсуп подытожил: предположение о том, что убийца стрелял через прокладку-глушитель, подтвердилось.

Я предложил Юсупу поискать полотенце, одеяло, или нечто подобное, что убийца мог использовать в качестве глушителя. Юсуп задал мне резонный вопрос: “Где искать-то?”. Ответа Юсуп не дождался. Я и сам хотел бы знать, где искать

то клятое полотенце-одеяло.

Напоследок Юсуп сказал, что алиби у Вадика довольно сносное. То, что в момент смерти Самуилыча Вадик веселился с друзьями на даче, дружки подтвердили и показания подписали. Афоня же, напротив, подписанным алиби похвастать так и не смог.

Я рассказал о Ковылякине и моих подозрениях насчёт плантации конопли на дачах в кооперативе “Ракитная роща”. Юсуп сказал, что сообщит в наркоконтроль. Я спросил, как Юсуп может верить показаниям полунаркоманов-полунаркобаронов. Юсуп напомнил, что пока я свои обвинения в адрес вадиковых дружков не докажу, показания Ковылякина и иже с ним останутся показаниями честных граждан, нравится мне это или нет. На том разговор и закончился.

С гудящей головой, тошнотой и слабостью в ногах я промаялся до половины пятого. Даже начало казаться, что мне становится хуже, и вовсе не помешает смотаться к доктору. В шестнадцать тридцать одну до меня дошло: не легчало мне лишь потому, что вместо того, чтобы думать о хорошем, я акцентировался на паршивом самочувствии, чем своё состояние только ухудшал.

Я взял себя в ежовые рукавицы, сосредоточился на задачах, которые предстояло решить. Полегчало вмиг.

На радостях я отправил себя к Ковылякину.

*

*

Если подъезжать к даче Ковылякина со стороны трассы, а не речки, то та сторона домика, где входная дверь, видна метров за сто. С таким же успехом, как видел домик Ковылякина я, из домика могли видеть и меня.

Когда до домика Ковылякина осталось полсотни метров, мне показалось, что входная дверь в домик закрылась. Я прищелкнул к домику. Кроме одной форточки всё, что можно было в домике закрыть, выглядело закрытым.

Перед машиной блеснуло стекло. Я опустил взгляд на дорогу, чтобы объехать осколки пивной бутылки. Когда я оторвал взгляд от дороги и осмотрел домик Ковылякина снова, то ни одной открытой форточки не насчитал.

Я подъехал к даче Ковылякина, посигналил. В ответ, как водится, прозвучала тишина. Я отворил калитку, подошёл к домику, постучал в дверь, послушал ответную тишину.

Я подёргал дверную ручку. Дверной замок сказал, что хозяйка меня не ждали. Дверному замку поддакнули зашторенные окна, закрытые окна и форточки.

Если бы окна закрывали только простые занавески, то ещё ладно. Так ведь нет – на окнах висели ещё и шторы. Плотные, как те, что во время войны использовали для светомаскировки. Как ни пытался, а разглядеть сквозь шторы даже светлого проёма того окна, что на соседней стене, я так и не смог.

Зато мои наострѐнные уши уловили в домике звук, похожий на сдавленный чих.

Ломать дверь я счёл деянием незаконным. К тому же я сомневался, что Ковылякин в доме. Чих мог мне показаться.

Я вспомнил про камин, в котором сжѐг пакет конопли. Я решил донять Ковылякина не мытьѐм, так катанѐм. Я понадеялся на то, что после моего ухода Ковылякин заслонку на дымоходе камина не трогал, оставил дымоход открытым. Иначе тяги в дом не будет, и дым сквозь щель между входной дверью и полом в дом не затянет.

Погода собралась оказать мне посильную помощь. На небе появились дождевые тучки, а перед дождѐм, как известно, дым столбом не стоит, стелется по земле.

Я нашѐл на отмостке дома старый черенок от лопаты, подпѐр черенком дверь чѐрного хода, из которого Ковылякин удрал с пакетом конопли. Я не хотел, чтобы Ковылякин проделал со мной тот же фокус, что и утром.

Возле домика на куче хлама я заметил изъеденный ржавчиной лист кровельного железа.

Я притарабанил лист к порогу домика, уложил поближе ко входной двери. У калитки я нашѐл кучку хвороста, в бардачке джипчика откопал зажигалку. Через минуту хворост перекочевал на лист железа, что я расположил у входной двери Ковылякина.

Хворост занялся в три секунды. У зажигалки даже не успел нагреться стальной кожушок, прикрывающий сопло.

Пока хворост разгорался, я оборвал всю траву, что росла возле крыльца. Когда костерок уже трещал сучьями вовсю,

я накрыл горящий хворост охапкой травы. Раздался треск, шипение, сквозь пучки травы повалил густой белый дым. Вверх не пошёл, принялся стелиться по земле. Больше половины дыма устремилось под дверь домика, в широкую щель между дверью и полом.

Когда я увидел, с какой силой дым от моего костерка всасывался в домик, я понял, что не ошибся, когда предположил, что заслонку в дымоходе камина Ковылякин после меня не трогал. Иначе такой сильной тяги внутрь домика мне бы не обломилось.

Я добавил в костерок охапку свежей травы, чем поддал дымку.

Через три минуты внутри домика раздался приглушённый кашель. Минуту спустя кашель повторился. Затем кашель сменился чихом. Через пять секунд дверь, под которой я развёл костерок, отворилась.

На пороге стоял Ковылякин.

Носом Ковылякин уткнулся в один конец полотенца, слёзы утирал другим.

Позади Ковылякина, внутри домика дым стелился слоями. Дымовая завеса была настолько плотной, что противоположной стены домика я рассмотреть не смог. Как Ковылякин не угорел, не знаю. С другой стороны, человеку, курящему коноплю, к дыму в лёгких не привыкать.

Затем я совершил незаконное деяние. Со словами: “Это тебе за стрелку на пляже, придурок!” я треснул Ковылякина

по лбу. Ковылякин потерял равновесие, свалился на задницу. Я хотел было стукнуть Ковылякина ещё разок, да произнести с пафосом: “А это тебе за подъезд!”, как на мой затылок, на свежую и сверхчувствительную шишку, упала капля. Мне показалось, что капля была размером с апельсин. Во всяком случае, так сказала моя шишка. Я поднял взгляд, увидел над головой тучку.

Пока я рассматривал тучку и спрашивал себя, будет лёгкий дождик или ливень, ещё одна капля попала прямо мне в бровь, отразилась от многострадальной надбровной дуги, залила глаз. Ощущение было такое, словно меня хлестнули по глазу мокрой тряпкой.

Через секунду начался ливень. Я стащил железку с костерком с крыльца, протащил с метр, оставил костерок на растерзание ливню, забежал в домик.

Ковылякин всё это время мотал головой, кашлял, отходил от угара и удара по лбу.

Чтобы на пару с Ковылякиным не дышать тем же дымом, которым я накачал домик, я распахнул окна. Через минуту от дыма остались воспоминания и едкий запах.

Я включил на мобильнике диктофон, сунул мобильник в карман.

Как я лупил Ковылякина, описывать не стану. Скажу только, что дал Ковылякину по шее. Я шлёпал парня по-отечески, с любовью, так, чтобы подать на меня в суд за жестокое обращение с животными Ковылякин не смог. С каждой

оплеухой я приговаривал, что минуты Ковылякина сочтены, если не расскажет, чем занимался с момента моего отъезда.

В доказательство вины Ковылякина передо мной я сказал, что на пляже “Стрелка” орлы назвали фамилию Ковылякина, а не Пупкина. Да и кто мог знать о том, что пакет с коноплёй, по поводу которого орлы со “Стрелки” со мной собирались потолковать на стрелке, остался у меня?

Ковылякин запирался всего-то минуты три, а когда раскололся, то юлить не стал. Признался, что подослал травкоуров, чтобы отобрали у меня пакет с травкой. Добавил, что не знал, что они такие идиоты, чтобы называть его имя. Я сказал, что в первую очередь идиот Ковылякин, потому как даже если бы орлы на “Стрелке” фамилию Ковылякина не упомянули, любой дурак и без того догадался бы, чьи интересы орлы представляли на стрелке.

Затем Ковылякин сознался и в нападении на меня в подъезде. Причём сознался не из страха перед побоями, а из бравады в стиле “сейчас ты бьёшь меня, но было время, когда я тебя треснул так, что ты свалился носом в угол, где отливают бомжи да бродячие псы”.

На вопрос, за что я удостоился чести быть отоваренным самим паном Ковылякиным, пан со злым огоньком в глазах сказал, что за сожжённую коноплю, потому как своей глупой выходкой я пустил Ковылякина по миру, а такое прощать нельзя.

Я спросил, в каком смысле я пустил Ковылякина по миру.

Ковылякин ответил, что в самом что ни на есть прямом. Тот пакет конопли, что я сжѐг, Ковылякин уже наполовину продал. То есть взял у покупателя авансом половину стоимости товара. Если говорить языком торговли, то Ковылякин работал по схеме предоплаты в пятьдесят процентов.

Аванс Ковылякин получил, да с Хребтоломом разделил. Деньги, понятное дело, потратились сами собой, да считай мигом, а товар я сжѐг, и заменить нечем. Оттого Ковылякин и разозлился, ведь покупатель, когда узнает, что товар сизым дымком улетел в небо, потребует вернуть вдвое больше, чем Ковылякин взял в аванс.

После того, как орлам со “Стрелки” я сказал, что коноплю сжѐг, орлы сообщили ужасную новость нанимателю. В тот момент, когда позвонили орлы, Ковылякин сидел на своей даче с Глебом да Хребтоломом, ждал хорошей вести с пляжа “Стрелка”. Тогда кореша-наркобароны ещё не знали, что травка изошла дымом.

Когда Ковылякин поговорил с орлами, да узнал, что на возврат товара надеяться не надо, то послал орлов подальше, сказал, чтобы дачу Ковылякина орлы облетали десятой дорогой, а то крылышки орлам Ковылякин пообщиплет.

Ковылякин, Глеб и Хребтолом принялись думать думу, где взять травки взамен сожжѐнной. Наскребли по сусекам на косяк, раскурили, чтобы думалось веселее. Вместо того чтобы искать замену сожжѐнному товару, и думать, где брать деньги на возврат двойного аванса покупателю конопли, Ко-

вылякин захотел мне отомстить.

Устроили военный совет. На совете Ковылякин порешил томагавк войны отрубить, да мне рога пообломать. Хребтолом и Глеб попытались Ковылякина отговорить, потому как связываться с тем, кто отоварил на “Стрелке” троих орлов, не так уж и безопасно. Ковылякин сказал, что кореша или мало выкурили, или чересчур трусливы.

Глеб и Хребтолом дали Ковылякину понять, что умывают руки. Ковылякин корешей выгнал, обозвал трусами, нашёл в заначке ещё на косячок, курнул для храбрости, да и отправился ко мне в подъезд.

Пока Ковылякин заканчивал рассказывать предысторию встречи со мной в подъезде, у меня на языке завертелся вопрос: откуда Ковылякин узнал мой адрес? Ведь при нашей первой и единственной встрече я Ковылякину визитку с адресом не оставлял. Глебу оставлял, Ковылякину и Хребтолому – нет. Я подумал, что Ковылякин чего-то не договаривает.

Хорошо, что я задал завертевшийся на языке вопрос без обиняков и почти сразу, как вопрос появился. А то начал бы прикручивать версию к версии, в итоге оказалось бы, что всё проще пареной мыши, а я уже разошёлся, а меня уже понесло.

Всё оказалось таки проще накладных ногтей. Когда Ковылякин решил настучать мне по голове, то вспомнил, что не знает, где я живу. Глеб напомнил, что накануне, перед тем,

Вадик позвонил с мобильного Глеба мне, чтобы я проведаль Самуилыча, Вадик сказал, что я живу рядом, сосед по подъезду. Так вопрос с моим адресом и решился. О моей визитке в своём портмоне Глеб, похоже, и не вспомнил.

А дальше – дело техники. Ковылякин решил подождать меня в подъезде с монтировкой в руках. Когда Ковылякин приехал ко мне, то увидел, что мой джипчик стоит у дома, значит, я не в отъезде. Когда я спросил: “А если бы я не вышел из дому до утра?”, Ковылякин сказал, что о таких мелочах тогда не думал.

Не подумал Ковылякин и о том, что решил рихтовать мою голову среди бела дня, когда народу на улице полно и Ковылякина могли опознать соседи. Отсутствие осторожности Ковылякин списал на чересчур убойную “травку бесстрашия”, что застрочил в последний “косяк для храбрости”. Ну что с травокура возьмёшь? Ведь человеку, которому мозги заменяет дым конопли, думать нечем.

На закуску я оставил то, за чем, собственно, и приехал: спросил Ковылякина, не хочет ли тот покаяться во лжи, да походя рассказать мне правду о Вадике. Я уточнил, что меня интересует не та липовая правда, которую Ковылякин и иже с ним втёрли следователю казённому, а та правда, которая зовётся правдой, которая только и может быть правдой. Взамен я пообещал Ковылякину, что за заказ меня орлам со “Стрелки” и за нападение в подъезде я Ковылякина стражам не сдам.

Ковылякин без тени беспокойства заявил, что доказать я не смогу ни “Стрелку”, ни подъезд. Тогда я картинным жестом извлёк из кармана мобильник, пощёлкал клавишами, велел диктофону запись прекратить, а плееру проиграть то, что записал диктофон. Плеер проиграл запись ковылякинских признаний.

Ковылякин улыбнулся, сказал, что хотел бы посмотреть, как судья примет мою запись в качестве доказательства с учётом того, что на записи кроме признаний есть и ковылякинские вопли, и звуки затрещин, которые я Ковылякину отвечивал. Ковылякин добавил, что как бы моя запись не посадила вместо Ковылякина меня, даже если я запись отредактирую, и лишние звуки из записи вырежу.

Я признал, что лопухнулся. Другие на месте Ковылякина пали бы ниц, и молили о пощаде в стиле “Дяденька, прости! Всё, что хочешь, расскажу, только в милицию за ухо не тащи!”. Ковылякин оказался не таким уж и тупым, в законах мало-мальски разбирался.

Когда Ковылякин сообразил, что моя затея с запугиванием провалилась, то словно шубу с барского плеча, бросил: “Зря старались. Алиби у Вадика всё равно настоящее”. Ковылякин добавил, что я, конечно, могу Ковылякина бить хоть до смерти, а другого об алиби Вадика не узнаю, потому как другого не может и быть. Так что я могу Ковылякина хоть резать, хоть тесать на ковылякинской голове кол.

Я пригорюнился, поплёлся к джипчику. Нет, я, само со-

бой, сохранял весёлую мину. Ещё не хватало, чтобы перед всякими ковылякиными я заливался слезами! Но, как ни крути, а я пролетел как тот пиломатериал над Парижем, потому на душе у меня не скребли разве что самые ленивые кошки.

Когда я вышел за калитку Ковылякина, то влез мокасином в жидкую грязь, отчего мои ноги едва не разъехались с целью усадить меня в шпагат. В пылу беседы с Ковылякиным я и не заметил, что ливень закончился. Я даже не заметил, как долго ливень шёл. Зато по слою жидкой грязи, в которую превратилась внутридачная грунтовка, я мог сказать, что ливень шёл не пять минут и не десять. Я подумал, что такая нетронутая грязь на дороге – равно как и свежевывпавший снег – для следопытов просто подарок судьбы.

Я решил наведаться к Глебу, затем к Хребтолому. Я хотел спросить, почему не предупредили меня о том, что Ковылякин собрался встретиться со мной по поводу сгоревшей конопки. Шутки шутками, а тресни меня Ковылякин чуть сильнее, и я бы склеил ласты. Значит, своевременный звонок от доброжелателя, пусть и без упоминания имён, мог бы спасти мне жизнь. Но Глеб и Хребтолом мне не позвонили. Значит, пришло время провести воспитательную работу. Иначе в следующий раз пацаны за недонесение таки сядут.

*

*

Когда подъехал к участку Глеба, возле бака для воды я

заметил на земле шланг для полива. На земле, пропитанной водой после ливня, шланг для полива смотрелся как щепотка сахарной пудры поверх горки сахара.

Один конец шланга был подключен к крану, что на баке для воды. Другой конец уходил внутрь участка. Глебов бак для воды стоял возле самой дороги, потому и шланг лежал, хоть и за забором, но всего-то в метре от проезжей части. Да и забор, что отделял глебов участок от дороги, служил скорее декорацией, чем защитой от непрошенных гостей. Забор мог перемахнуть и ребёнок.

Шланг выглядел почти новым. Рядом с баком стояла катушка – тоже почти новая – для намотки шланга. Оставить такой шланг и катушку возле дороги да без присмотра мог только ненормальный, потому как стырят вмиг. Хороший хозяин за таким шлангом следит как за верностью жены.

Я задал себе парочку вопросов, на некоторые ответил. Зачем дачник подключает шланг к баку? Чтобы полить участок. Зачем поливать участок, если прошёл ливень? Значит, поливать хотел перед ливнем. Только-только собрался, шланг размотал, а тут налетела туча, и всё полилось ливнем. Тогда почему сразу после ливня шланг не смотал? Ждал, пока придёт добрый сосед, и шланг стырит?

Всё скопище мыслей о шланге пронеслось в одну секунду, в ту, когда я наткнулся взглядом на шланг.

Затем я заметил приоткрытую входную дверь домика, где дачничал Глеб. Дверь болталась туда-сюда, билась о косяк

как в дешёвом боевике, когда главный герой подъезжает к дому, а там дверь на распашку, замок взломан, дом полон трупов.

Я подумал, что если бы Глеб был дома, то наверняка дверь или закрыл бы, или подпёр хотя бы башмаком, чтобы не болталась на сквозняке.

Я заглушил мотор, выбрался из джипчика, вошёл в домик Глеба без стука.

Даже если бы я и постучал, мне бы не открыли. Кому было открывать, если хозяин дачи лежал у двери с окровавленной головой, притом выглядел трупом?

Я засёк время, когда обнаружил труп, на клавье мобильника набрал: “Труп Глеба. 18.00”, сохранил напоминалку в записной книжке.

Дядька Некто ударил Глеба по затылку бутылкой от шампанского. Конечно, оставался шанс самоубийства. Если некоторые для отправки себя в мир иной бьются головой о стену, то почему Глеб не мог биться затылком о бутылку? Если со всего размаху треснуться черепушкой обо что-нибудь твёрдое, и так раз десять...

Я отогнал чёрный юмор, наказал мозгам думать, а не шалить. В случае неповиновения пообещал мозгам сдать извинины на проверку психиатру. Мозги испугались, принялись за работу.

Убийство Глеба мозги сходу пришили Ковылякину. Я видел, что Глеб убит ударом по затылку, а шишка на моём за-

тылке знать о себе всё ещё давала, причём давала так, что мама не горюй. Потому я немедленно вложил бутылку от шампанского в руку Ковылякина. Я думал без заморочек: если Ковылякин стукнул по затылку меня, то почему не мог стукнуть и Глеба? О мотиве я тогда не думал, мозги ещё тормозили после встречи моего затылка с монтировкой Ковылякина.

Я позвонил Юсупу, рассказал о находке, ответил на пару уточняющих вопросов. Под конец Юсуп спросил, каким мёдом мне намазано возле трупов, и как я оказался возле трупа Глеба. Я сказал, что заглянул намылить Глебу шею, да опоздал. Юсуп наказал охранять труп, пообещал прибыть как только освободится.

Я сходил к машине, достал из бардачка одноразовые бахилы, чтобы не наследить на месте преступления. Заодно прихватил перчатки, пачку пластиковых пакетов. Я, Великий Сыщик, и без пакетиков для сбора улик? С лупой сплеховал, забыл в бардачке. Так что образ Великого Сыщика я воссоздал не до конца.

Перед тем как вернуться в домик, я осмотрелся. С тех пор, как осматривался утром, изменений я не заметил. Дачу Глеба окружали полузаброшенные участки. В таком окружении убивать можно хоть с утра до вечера, ведь свидетелей ноль.

Свежих следов, кроме моих, ни на дороге возле участка, ни на участке, ни на дорожке от калитки к домику, я не заметил. Другими словами, убийца Глеба ушёл до начала лив-

ня, иначе на раскисшей земле должен был оставить следы.

Я вошёл в домик, натянул на мокасины бахилы, на руки надел перчатки, приступил к осмотру и параллельной съёмке места преступления на камеру мобильного.

Орудие убийства – бутылка от шампанского – лежала рядом с трупом. На бутылке остались волосы и кровь, но отпечатков пальцев, сколько ни старался, я не углядел.

После осмотра трупа я решил, что Глеб отправился на небеса незадолго до того, как начался ливень, примерно в то время, когда я выкуривал Ковылякина из его домика. С моим выводом сходилось и отсутствие на участке Глеба следов, которые не мог не оставить человек после того, как прошёл ливень, и земля раскисла. Мои следы остались, а следы убийцы испарились?

Как только я установил примерное время смерти Глеба, то Ковылякина из возможных подозреваемых исключил. Всё-таки в момент смерти Глеба Ковылякин либо ещё сидел взаперти в своём домике и глотал дым от моего костерка, либо уже пищал от моих оплеух и отвечал на мои вопросы. В защиту Ковылякина подоспел и вопрос: “Зачем Ковылякину убивать Глеба?”, на который ответа я не нашёл.

Я осмотрел замок входной двери. Замок выглядел целым. До тех пор, пока спецы Юсупа не установили, что замок отомкнули отмычкой, я решил считать, что Глеб либо открыл убийце сам, либо дверь не запирает на замок вовсе.

Поверить, что в ту духоту, которая стояла перед ливнем,

Глеб сидел взаперти, я не мог. Потому версию “если Глеб сидел запертым на замок, и так дверь открыл, то убийца Глеб наверняка знал” я отбросил сходу. Я решил, что убийца отмычкой дверь не отпирал, а вошёл в открытую дверь Глеба как к себе домой. Другими словами, убийца мог быть как и лучшим другом Глеба, так и залётным, Глебу незнакомым.

Если друзей-корешей Глеба можно всех до единого перетрясти, сто раз проверить алиби, то с незнакомцем, пришедшим со стороны, такие фокусы не прокатят. Кого трясти-то? Чьё алиби проверять?

Когда представил, как юсупов шеф выписывает Юсупу нагоняй за очередной висяк, я понял, что на нетронутом отмычкой дверном замке зациклился, и что до окончания осмотра глебова домика уверять себя в том, что передо мной висяк, рановато.

Я подумал, что не мешало бы найти ключ от входной двери. Если бы я ключа поблизости от трупа не нашёл, то этим вбил бы последний гвоздь в гроб версии “убийца открыл Глеб”. Было бы странно, если бы Глеб дверь отпер, убийцу впустил, а затем ключ спрятал. Зачем прятать-то?

В карманах Глеба я ключа не нашёл. На полу рядом с трупом ключ тоже не валялся. Если бы у меня в голове трудились мозги, а не проветривались опилки, я бы в первую очередь осмотрел дверной косяк, где на дачах хранят ключи чаще всего.

Взглянуть на дверной косяк я таки додумался. На гвозди-

ке, перед самым моим носом, меня ждал ключ. По форме ключ подходил к скважине замка. Проверять методом тыка, ключ от замка глебовой входной двери или от танка, я не стал, чтобы юсуповым криминалистами не затереть следы, если убийца таки поковырялся в замке отмычкой.

После того как ключ нашёл, я постановил: Глеб взаперти не сидел, а потому убийце не открывал, а потому убийца мог быть кем угодно: как знакомым, так и чужаком.

Через минуту раздумий до меня наконец дошло, что сузить круг подозреваемых до знакомых Глеба ни ключ, ни запертая дверь мне бы не помогли. Почему?

К примеру, Глеб сидел в домике, запертый на все засовы, затем пришёл кореш, Глеб дверь отпер, ключ повесил на гвоздик, пригласил гостя в дом, в какой-то момент повернулся к гостю спиной, гость ударил Глеба по затылку. Ведь так быть могло? Могло.

Если допустить, что при той же запертой двери вместо кореша пришёл чужак, и Глеб гостю отпер, и повесил ключ на гвоздик, то можно спросить, с какой такой радости Глеб повернулся к чужаку спиной, ведь бутылкой Глеб получил по затылку, не по лбу. Ответ простой: чужак мог сходу врезать Глебу, к примеру, в живот, а когда Глеб согнулся, чужаку осталось только ударить Глеба бутылкой по затылку.

На том я порешил, что замки с ключами меня достали, только мешают работать, а время-то на месте не стоит. Я сфотографировал ключ, который принял за ключ от дачи

Глеба, чтобы позже сделать дубликат. Как я в домик Глеба попаду, если понадобится?

После того как я сфотографировал ключ, что висел на косяке, я перевёл взгляд на щиток с электрощётчиком. Щиток висел в десяти сантиметрах от косяка, потому не заметишь слегка пожелтевшего сложенного вчетверо листа из тетради в клеточку, засунутого в щель между стеной и щитком, я не мог.

Лист я вытащил, развернул. Увидеть на листе телефон и адрес под фразами вроде “Глеб! Не вернёшь должок – убью!” я не надеялся, потому накарябанный корявым почерком телефон председателя дачного кооператива “Ракитная роща” меня не удивил.

Я позвонил председателю, представился, пригласил на дачу Глеба. Когда я ответил на вопрос председателя, по какому поводу приглашаю, председатель секунд на тридцать потерял дар речи, затем сказал, что выезжает.

Председателя я позвал на всякий пожарный, чтобы Юсупу хлопот было поменьше. А ну как Юсуп захочет с местной властью поговорить, а председатель слиняет куда-нибудь на вечернюю рыбалку?

Я продолжил осмотр домика.

В принципе, смотреть было особенно не на что. Обстановка домика Глеба мало чем отличалась от обстановки тысяч других дачных домиков. В какой домик ни загляни, обязательно найдёшь старый диван, шифоньер, бабушкин ко-

мод, и тому подобную мебель, свезённую на дачу из принципа “выбросить жалко, а для дачи сгодится”.

Раскладной диван-кровать, что стоял в комнате у окна, меня не привлёк. По дивану, если обивка не распорота, не скажешь, что комната обыскана. Зато по комоду, которому наверняка накануне стукнул полтинник, да по выдвинутым ящикам, да по вывороченным из ящиков прямо на пол шмоткам я решил, что домик обыскан.

Кто обыскал: убийца Глеба или тот, кто заглянул к Глебу, увидел труп, да и порылся в глебовых шмотках? Я решил считать убийцу и того, кто обыскал домик, одним человеком, единым дядькой по имени Некто. Уж больно мне не верилось, что посреди полузаброшенных дач мог найтись случайный – да притом нечистый на руку – прохожий, который заглянул к Глебу именно в тот момент, когда Глеб уже отправился на небеса.

Комодом обыск дядьки Некто не ограничился.

В углу комнаты стоял обшарпанный шифоньер. Такие полированные шифоньеры в застойные времена считались дефицитом. Дверцы шифоньера Некто распахнул так, что у левой дверцы петли едва удержались в гнёздах. На полу перед шифоньером валялось всё то, что ранее лежало-висело внутри.

Среди прочего барахла перед шифоньером валялись белые шорты. На шортах виднелся едва различимый след кроссовка примерно сорок второго размера.

Я подошёл к Глебу, рассмотрел рисунок подошвы кроссовка на ноге Глеба. Рисунок подошвы глебова кроссовка и рисунок подошвы того кроссовка, что оставил отпечаток на белых шортах, не совпадали. Да и размером глебов кроссовок выглядел на размер побольше того, что топтал белые шорты.

След на шортах я сфотографировал.

Я решил, что след на белых шортах оставил дядька Некто. Ведь шорты оказались на полу не по своей воле. Шорты наверняка вылетели из шифоньера вместе с остальными шмотками при обыске. След от кроссовка на шортах выглядел свежим. Вмятины от подошвы кроссовка на тонкой ткани шортов наверняка не сохранились бы, если шорты полежали бы в стопке остальных вещей хотя бы день после того, как на шорты наступили. Мне показалось, что шорты только тронь, и вмятины от подошвы пропадут. Что уж говорить о том, что шорты со следом могли лежать в стопке остальных вещей, и при этом след не исчез.

Я сходил к джипчику, по дороге подобрал несколько мокрых камешков, вернулся к шифоньеру с пачкой новеньких полиэтиленовых пакетов размером намного больше тех, что лежали в моём кармане в ожидании сбора крохотных уликов вроде окурков да носовых платков с инициалами убийцы.

Один пакет я разорвал надвое, получил широкий кусок плёнки. С предельной осторожностью я накрыл плёнкой шорты. Края плёнки я прижал камешками, что подобрал по

дороге. Я постарался сделать максимум, чтобы запах следа, что остался на шортах, сохранился как можно дольше.

После шортов я осматривал домик ещё минут пять.

Если бы меня спросили, каково моё впечатление от осмотра, я бы сказал, что дядька Некто обыскивал домик впопыхах, по верхам, на удачу: авось хозяин хранит миллион наличкой прямо под подушкой.

Укромные места, где можно было спрятать не только кольцо с бриллиантом, но и даже толстую пачку денег, Некто не тронул. Мелкие закоулки как пылью покрыты были, так пыльными и остались. Ни диван, ни шифоньер, ни комод Некто от стены не отодвигал. А ведь мог отодвинуть и посмотреть, не спрятано ли чего между стеной и задней стенкой того же шифоньера, ведь народ страх как любит приклеивать скотчем к задней стенке шифоньера конверт с запиской.

Поначалу я решил, что обыск не планировался. Иначе, если Некто убил Глеба ради ограбления, то почему не перерыл домик вверх дном, почему не заглянул в каждую щель? Что мешало? Запри дверь изнутри на ключ, и ищи хоть до утра.

С другой стороны, Некто мог быть свободным бомжом, шастать по дачам, наткнуться на дачу Глеба, увидеть открытый домик, войти, начать рыться в глебовых вещах. Причём рылся свободный бомж наверняка второпях, ведь в любую минуту мог нагрянуть хозяин. Потому и обыскивал по верхам, в каждую щель не заглядывал. Тут-то и явился Глеб.

Свободный воришка с перепугу взял да и огрел хозяина бутылкой. Когда душегуб понял, что натворил, то запаниковал и дал дёру. После убийства свободному бомжу было уже не до обыска, тем более тщательного. Унести бы ноги.

Я остановился на том, что надо искать свободного бомжа, который двинул Глеба бутылкой по затылку из страха быть пойманным и препровождённым в камеру. Для поисков человека, который убил Глеба не ради ограбления, а по другой, мне неизвестной причине, у меня не нашлось оснований.

Под конец размышлений о причине смерти Глеба я вспомнил, что когда приходил к Глебу утром, то видел у Глеба мобильник и портмоне. За всё то время, что я осматривал домик Глеба, ни мобильного, ни портмоне я не заметил. Пропажу я приписал делу рук дядьки Некто.

После осмотра комнаты я перешёл в кухню. Картину увидел ту же, что и в комнате. Обыск по верхам, в сахарнице в поисках кольца с брилликом дядька Некто не рылся, сахар на стол не высыпал.

Напоследок я заглянул в кладовку. В маленькой – метр на метр – комнатухе стояли вилы, лопаты, сапки, кирка, на полках лежали кельмы, лопатки и тому подобная мелочь. На полу, судя по следам, стояла катушка с тем шлангом, который я увидел на участке, когда приехал. Мест в кладовке, где можно было искать хоть что-то ценное, я не нашёл. Ни тебе вёдер, ни банок с краской. Следов обыска в кладовке я тоже не заметил. Где искать-то? Среди черенков от лопат?

Рядом с местом, где стояла катушка с садовым шлангом, в стену сто лет назад вбили гвоздь. На гвозде висели три ключа. Гвоздь вбили в стену всего-то в десяти сантиметрах от пола, так, что когда катушка со шлангом стояла на месте, то закрывала и гвоздь, и те три ключа, что на гвозде висели.

Так наивные дачники прячут ключи от бака с водой. Так ключи и спрятаны, и всегда под рукой. Когда надо полить участок, берешь катушку со шлангом, и тут же, рядом, на стене висят ключи от бака. Удобно.

Ключи, что нашёл в кладовке, я не фотографировал. На кой мне дубликаты ключей от бака с водой? Лишняя трата денег.

Я вспомнил весёлые времена, когда был дачником. Тогда у меня тоже было три ключа от бака. Один ключ от замка, которым запирался люк, что сверху бака. Второй ключ от замка, которым запирался сливной кран. Третий ключ от замка, которым запирался кран, что стоял перед водомером. Как ни крути, а приходилось таскать все три ключа, одним не обойдётся.

Если на сливной кран замка не повесишь, то пока тебя нет, хитрые соседи подключат к твоему баку свой шланг, да польют твоей водой свой участок. А водичка-то водомером отмерянная, да денежки за неё платить придётся тому, чей бак. Не повесишь замок на люк, что сверху бака, так всю воду из бака вычерпают вёдрами, как из колодца. Люк-то не маленький, через тот люк хозяин влезает в бак, чистит бак

изнутри от ржавчины да иногда красит, в такой люк ведро пролетает со свистом.

Ну а замок на кран, что стоит перед водомером, вешают для того, чтобы мелкие пакостники не открыли кран, через который заполняется бак, и не убежали. При открытом кране бак и заполнится, и переполнится, и вода из-под крышки люка – люк-то герметично не закрывается – будет течь, пока на участки подают воду: и час и два, а бывает, что и полдня. И кто заплатит за воду, которая полдня хлестала из-под крышки люка? Хозяин бака. Потому и носятся дачники со связками ключей.

Замки с кранов бака снимают лишь когда хозяин собрался поливать участок. С люка замок снимается вообще чуть не раз в год, когда хозяин чистит бак изнутри от ржавчины.

От воспоминаний меня отвлекло громкое покашливание. Так кашляют, когда хотят привлечь внимание.

Я вышел из домика, возле моего джипчика увидел крепенького мужичка с пивным брюшком и кривыми ножками. Мужичок держал за руль древний велик. Колёса и полрамы велика заляпала грязь, что после ливня принялась царствовать на грунтовых дорожках дачного посёлка.

Я стянул с рук печатки, протянул для приветствия руку, сказал: “Ян. Похоже, что по телефону я разговаривал с вами”.

Мужичок кивнул, пожал мою руку, прислонил велик к забору Глеба, представился председателем дачного кооперати-

ва “Ракитная роща”. Так и сказал: “Я – председатель”, затем добавил, председатель чего. Ни имени, ни отчества. Так председателем для меня и остался.

Желания пройти в домик Глеба да взглянуть на труп председателя не выказывал. Сказал, что если можно, то до приезда милиции лучше постоит за забором, на дороге. Мол, зачем лишний раз следить, “я тут ни при чём”, и всё в таком духе.

Я оставил председателя стоять на дороге за забором, ещё раз окинул взглядом участок Глеба. Чего-то особенного, полезного для следствия не заметил. Абсолютным нюхом я не обладаю, потому обнюхивать каждый кустик в поисках запахов убийцы я не стал, оставил сей кайф собачке Юсупа.

Когда я уже решил влезть в джипчик, чтобы дожидаться Юсупа в комфорте да с музычкой, я заметил, что сливной кран бака для воды открыт. Мне стало жаль воды, которая, как я думал, течёт из бака. Ведь течёт-то задаром. Всё-таки только-только прошёл ливень. Какой смысл поливать оплаченной водой пропитанную ливнем землю?

Я присел рядом с краном, начал закручивать вентиль. Когда закрутил до упора, понял, что мне не хватало звука текущей сквозь кран воды, эдакого едва слышного шипения. Я ещё раз открыл и закрыл кран. Звуча текущей воды не услышал. Я отсоединил шланг от крана, открыл кран. На землю не упало ни капли.

Председатель, что стоял за забором и наблюдал за моими

ценнейшими для следствия действиями, сказал: “Нечего там думать. В баке нет воды”. Не согласиться с выводом председателя я не мог, потому кивнул.

Председатель как бы промежду прочим, словно выразил мысль вслух, проговорил, что надо бы позвонить глебовой матери да сказать, чтобы купила замок на люк бака. На мой взгляд-вопрос председатель рассказал, что Глеб в начале лета спилил с люка замок, потому как замок заржавел да открываться отказался. С тех пор люк бака открыт.

Глеб покупать новый замок на люк бака не спешил, потому как вокруг глебовой дачи все участки полузаброшены, хозяева приезжают раз в год на шашлыки. Некоторые приезжают и того реже. Воровать воду из бака Глеба попросту некому. Да и Глеб всё время торчал на даче. Кто полезет тырить воду при живом-то хозяине? А вот после смерти Глеба на даче хозяина не будет, мать Глеба на дачу не ходок, потому замок на крышке люка не помешает.

Я глянул на люк бака. Замка на люке таки не увидел.

Я спросил, откуда председатель знает, что Глеб спилил замок, неужели Глеб, чтобы спилить замок, бежит отчитываться в управление. Председатель посмотрел на меня как на человека недалёкого, сказал, что у Глеба ножовки по металлу нет, потому Глеб ходил за ножовкой к председателю, тогда о заржавевшем замке и рассказал.

Сверху, со стороны центральной дороги кооператива “Ракитная роща”, донёсся гул моторов. Председатель глянул в

сторону, где гудели моторы, сказал: “Вот и милиция”, чуток втянул голову в плечи да ссутулился.

*

*

Пока Юсуп осматривал домик Глеба, я рассказывал Юсупу свои соображения по поводу глебовой смерти.

На третьей минуте юсупова осмотра к Юсупу подошёл доктор, сказал, что Глеб умер от удара тупым твёрдым предметом по затылку. Та бутылка шампанского, что лежала возле трупа, орудием убийства могла быть вполне. Доктор добавил, что Глеб умер примерно в половине шестого вечера плюс-минус десять минут.

Юсуп сказал доктору труп Глеба забрать, как только управятся криминалисты, переключился на меня.

На вопрос Юсупа, где в самое интересное время был Великий Сыщик, я описал своё алиби в деталях. Заодно описал и алиби Ковылякина. Мол, я говорил с Ковылякиным по душам примерно с двадцати минут шестого. Если учитывать и то время, пока я выкуривал Ковылякина из домика, то Ковылякин был в своём домике, то есть вдали от дачи Глеба, минут с десяти шестого. Другими словами, Ковылякин убить Глеба не мог.

Юсуп меня выслушал, затем спросил, с чего я взял, что Юсуп стал бы подозревать Ковылякина. Я показал Юсупу шишку на затылке, сказал, что мне её поставил не кто иной, как Ковылякин, а потому я, когда увидел, что Глеба убили

ударом по затылку, немедленно заподозрил Ковылякина. Под конец разъяснений я спросил, что надо ещё, чтобы считать Ковылякина подозреваемым номер один. Вместо ответа Юсуп сказал, что шишка на затылке мешает мне думать, зато помогает маяться дурью.

От шпильки Юсупа я отмахнулся, сказал, что раз уж речь зашла о корешах Глеба, то Хребтолом, на мой взгляд, трусоват. В подтверждение я сказал, что затею Ковылякина дать мне по шее в подъезде Хребтолом и Глеб поддерживать отказались. Потому я не шибко смелого Хребтолома с бутылкой в руках над трупом Глеба представить не могу. Агрессивного и накуренного Ковылякина над трупом Глеба вижу как на картине, но как раз у Ковылякина есть алиби.

Под конец моей речи к Юсупу подошёл кинолог, принёс с собой резкий запах псины. С некоторой долей вины в голосе кинолог сказал, что собачка следов не унюхала, принялся собаку защищать: мол, все следы смыл дождь. Юсуп похлопал кинолога по плечу, сказал, чтобы тот не раскисал. Кинолог чуть повеселел, оставил Юсупа мне.

Я рассказал Юсупу о пропавших портмоне и мобильнике Глеба. Едва услышал о мобильнике, Юсуп посмотрел на меня фирменным взглядом “Вся надежда на тебя, Ян”.

Как известно, если мобильник включен, то его запеленговать – раз плюнуть. Когда точное место нахождения мобильного известно, остаётся только приехать и поспрашивать того, в чём кармане найдётся искомый мобильник: мол,

не возле трупa ли подобрал мобильник, а если только что купил, то у кого, как выглядел продавец...

Юсупу на пеленг мобильного нужна куча бумажек плюс море времени. Мне нужна только одна бумажка в десять баксов и минута разговора. Юсуп упустит время, зато всё сделает по закону. Я время сэкономлю, но полученную инфу использовать как законную улику Юсуп не сможет.

Зато Юсуп, пока оформляются бумажки, сможет засечь с точностью до дома или до скамейки в парке, где искать того, у кого в кармане нужный мобильник.

Если мобильник засветится на скамейке в парке, и на той скамейке будет сидеть не ёжик с мобильником на иголках, а неизвестный дядька, то Юсуп может подослать к дядьке простых патрульных с задачей устроить рядовую проверку документов с выворачиванием карманов. Вот тебе и законные улики.

Если мобильник засветится в девятиэтажке, то Юсуп подтянет к дому подкрепление с радаром, чтобы подозреваемый не смылся, а когда бумажки на пеленг мобильного будут готовы, то Юсуп уже на законных основаниях прочешет весь дом от подвала до крыши с радаром в руках.

Я позвонил знакомому телефонисту, что работает в службе техподдержки оператора, услугами которого пользовался Глеб. Когда телефонист соизволил проснуться и снять трубку, я продиктовал номер мобильного Глеба, попросил ткнуть пальцем в ту точку на карте города, где мобильник

искать. Телефонист выставил мне счёт, велел обождать пару минут.

Через три минуты телефонист сообщил, что мобильник Глеба отключился в районе дачного кооператива “Ракитная роща” в половине шестого вечера.

Юсуп, когда узнал результат проверки, чуть приуныл. Я бы на месте Юсупа тоже приуныл, ведь единственный шанс по-быстрому вычислить дядьку Некто обломился, хоть и надежд на тот шанс с каждым разом всё меньше. Сейчас вор пошёл грамотный, технически подкованный: как только мобильник стырит, тут же снимает с трубки аккумулятор, чтобы не засекли.

Инфу от телефониста Юсуп оформил так: если мобильник Глеба отключился в половине шестого, то наверняка сразу после смерти Глеба. Вряд ли Глеб отключал мобильник именно перед своей смертью. Куда с большей вероятностью мобильник Глеба отключил дядька Некто после того, как трубку прикарманил.

Юсуп предположил, что раз время смерти Глеба и момент отключения мобильного примерно совпадают, то убийца Глеба и тот, кто стырил мобильник – не два разных человека, а один единый дядька Некто.

К Юсупу подошёл криминалист, сказал, что замок, который на входной двери Глеба, отмычек не видал отродясь, отпирался только родным ключом. Криминалист добавил, что среди кухонного хлама нашёл пустую упаковку от перчаток,

от тех перчаток, что обычно используют для мытья посуды. Упаковка покрыта пылью, то есть лежит в кухне не час и не два. Упаковка есть, а перчаток нет. Криминалист всё хозяйство Глеба перелопатил, а перчаток не нашёл.

В завершение криминалист сказал, что отпечатков пальцев в домике Глеба полно, и оставил их не только Глеб, но ни на бутылке от шампанского, ни на тех местах, где Некто должен бы оставить пальчики в момент обыска, свежих отпечатков пальцев нет. Ящики комода и двери шифоньера словно открывались сами, по шучьему велению, а не человеком с руками и папиллярными линиями на пучках пальцев.

Перед тем как откланяться, криминалист сказал, что если Юсупа интересует мнение старого спеца, то с мест, к которым прикасался при обыске, и с орудия убийства – бутылки от шампанского – Некто свои пальчики стёр. Или бутылку взял за горлышко через кружевной платок со своими инициалами. А чтобы поиздеваться над сыщиками, платка возле бутылки не оставил. Ни платка, ни паспорта с пропиской, ни чистосердечного признания.

Криминалиста Юсуп отпустил, пару секунд подумал, затем сказал, что Некто наверняка надел перчатки уже после убийства, чтобы не наследить ещё больше, когда будет стирать отпечатки с бутылки и с мест, к которым притрагивался. На беду дядьки Некто, в процесс уничтожения следов преступления вмешалась особенность человеческой психики. Иначе как объяснить то, что Некто отпечатки пальцев

стёр, а на белых шортах, на самом видном месте, след своего кроссовка оставил?

Объяснение Юсуп нашёл простое: искал-то дядька Некто пальчики, потому глаз и пропускал всё, что на пальчики не похоже. Даже если ищешь в спокойном расположении духа, то, когда ищешь что-то одно, то о другом не думаешь, а Некто искал наверняка в спешке. Не спешит, не суетится после убийства только киллер-профи, с сотней зарубок на то-поре, и то далеко не каждый.

После экскурсии в психологию Юсуп остановился на версии “кража со случайным убийством”, чертыхнулся, сказал, что ещё одного висяка ему как раз и не хватало. Выдвигать версию “Глеба убили по неизвестной причине, а обыск провели для отвода глаз” я не стал, потому как не имел ни малейшего понятия, за какие грехи Глеба могли убить. Кроме того, выдвини я ту версию, и настроение Юсупу испортил бы вконец, ведь за висяк с убийством случайным Юсуп от шефа получит нагоняй куда меньший, чем за висяк с убийством умышленным да спланированным.

В том, что случай с Глебом самый настоящий висяк, Юсуп не сомневался. Ни одной явной зацепки кроме следа от кроссовка на белых шортах Юсуп не нашёл, а искать владельца кроссовка можно до скончания века. Конечно, рутинную работу вроде поиска глебовых кредиторов да глебоненавистников Юсуп проведёт, но только надежд на успех Юсуп не питал.

Когда с очередным висячком в послужном списке Юсуп смирился, и я подумал, что Юсуп собирается сматывать удочки, Юсуп спросил, не находил ли я какие-нибудь ключи кроме ключа от входной двери. Я сказал, что в кладовке нашёл ключи от бака для воды.

Затем Юсуп вогнал меня в краску: спросил, где ключи от глебовой квартиры. Ведь человек, приехавший на дачу, должен иметь, кроме ключей от дачи, ещё и ключи от квартиры, дома, или где он там живёт. Я признал, что лопухнулся, о ключах от квартиры не подумал, а ведь вещь-то очевидная.

Юсуп вышел из домика, направился к председателю. Я потопал следом. По пути заметил, что собака кинолога оставила следов раз в десять больше, чем мог бы оставить убийца. Затоптала всё, что было можно и нельзя.

Юсуп попросил председателя напомнить, как того зовут. Председатель пробурчал: “Сергей Сергеич”. Юсуп улыбнулся.

– Сергей Сергеич, у вас как у председателя должен быть домашний телефон Глеба. Кстати, вы случайно не знаете, Глеб живёт один или у него есть семья?

Председатель достал из кармана сложенный вдвое листок, протянул Юсупу.

– Я здесь из книги учёта выписал адрес и телефон матери Глеба. Она владелица этой дачи. Зовут её Нина Ивановна. Глеб живёт с матерью. Я знал, что вам понадобится.

Юсуп похвалил председателя за сообразительность, раз-

вернул листок, пробежал по строчкам взглядом, перевёл взгляд на председателя.

– Сергей Сергеич, у вас есть партийное задание.

Председатель замахал руками, словно отпихивал назойливое видение.

– И не просите, не буду ей звонить ни за что! Сообщать матери о смерти сына?! Да ни за какие деньги! Я не смогу. Ей и так не повезло. Она инвалид. А тут это...

Юсуп поднял руку, председатель заткнулся.

– Сергей Сергеич, мою просьбу выполнять не обязательно, но я был бы вам очень признателен, если бы вы позвонили матери Глеба и сказали, что в её дачу влез вор, что вы не уверены, но думаете, что вор наверняка прихватил с собой ключи от квартиры Глеба, и что было бы неплохо, если бы мать Глеба до приезда сына подпёрла дверь стулом, чтобы вор, даже если бы дверь украденными ключами и открыл, то попасть в квартиру не смог бы. И ещё надо сказать, что дозвониться к Глебу на мобильник вы не можете, а то передали бы всё ему.

– Так насчёт Глеба... ну, что он умер... не говорить?

– Нет. Как вы себе это представляете? Как мы можем сообщить такое по телефону? А если у матери, когда она узнает о смерти сына, прихватит сердце, а рядом с ней никого, и помочь, вызвать “скорую”, некому?

– Хм... Тоже верно. Такое по телефону нельзя.

– Сергей Сергеич, вы сказали, что мать Глеба – инвалид.

Мне показалось?

– У неё отказали ноги. Она на инвалидной коляске.

– Представьте, что тот, кто убил Глеба и прихватил с собой ключи от глебовой квартиры, сейчас этими ключами открывает дверь в квартиру Глеба, а там – женщина в инвалидной коляске, которая защитить себя не может. А мы тут рассусоливаем, тянем kota за хвост.

– Но откуда этот урод знает адрес Глеба?

– У него мобильник Глеба. Многие записывают в мобильнике домашний адрес, чтобы в случае утери трубки нашедший знал, куда и кому трубку вернуть, если не сможет дозвониться ни по одному из номеров в телефонной книге.

– Но почему ей не позвоните вы?

– Сергей Сергеич, как вы думаете, чей звонок она воспримет спокойнее: ваш, как человека знакомого, или мой, как мента?

– Хм...

– Будет ещё лучше, если вы скажете ей, что мы уже уехали, а вы звоните ей не по нашей просьбе, а от себя, по собственной инициативе. Так она волноваться будет меньше. Когда мы к ней приедем, то скажем, что врать вас уговорили мы. Вы позвоните?

Юсуп протянул председателю мобильник. Председатель вздохнул, прикрыл глаза, выдохнул, набрал номер, поговорил с матерью Глеба, вернул мобильник Юсупу.

На вопросительный взгляд Юсупа председатель пожал

плечами, сказал, что по поводу кражи на даче мать Глеба особенно и не разволновалась. Сказала, что на даче и красть-то нечего. А вот на совет председателя подпереть дверь стулом сказала, что председателю говорить легко, а ей на кресле-каталке таскать по квартире стул, чтобы им подпирали двери, не очень-то и весело.

Председатель получил от Юсупа благодарность за сотрудничество и вольную, оседлал велик и принялся крутить педали. Больше я председателя не видел.

Юсуп провёл председателя взглядом, повернулся ко мне, сузил глаза, чертыхнулся.

– Ян, те ключи, что ты нашёл в кладовке и думаешь, что они от бака для воды... Вспомнил? Ты их проверял?

Я стоял и клипал ресницами как отличница, которая за была, сколько будет дважды два.

Затем я подошёл к баку, уставился на сливной кран, к которому был подключен садовый шланг. Замка на кране я не заметил. Откуда ему там взяться, если я за полчаса до того крутил вентиль крана? Промелькнула мысль: “Почему ключи от бака лежат в кладовке, если замок с крана снят? Глеб отпер замок, и занёс ключи в кладовку, чтобы не потерять? Тогда где замок?”.

Я обшарил взглядом окрестности бака. Возле бака, перед самым моим носом, стояла вверх дном консервная банка размером с банку от сгущёнки. Банка выглядела так, словно простояла возле бака лет сто.

Когда я присмотрелся, то увидел, что банка выглядела так потому, что во время ливня её занесло песком, забрызгало грязью, вот мне и показалось, будто банка простояла возле бака вечность. Потому я и не обратил на банку внимания сразу: если она в землю вросла год назад, то и незачем её, старушку, поднимать-разглядывать.

Я банку поднял. Под банкой на земле лежал хоть и маленький, но крепенький на вид замок. В замочной скважине торчал ключ. Я матернулся, смотался в кладовку Глеба, снял с гвоздя связку ключей, которые считал ключами от бака для воды, вернулся к баку.

Ни один из трёх ключей в связке, что я принёс из кладовки, к замку, который я нашёл под консервной банкой, не подошёл. Я перебрался к крану, что стоял перед водомером. К замку на кране водомера ни один ключ из связки не подошёл.

Я прилепил под нос виноватую улыбку, признался Юсупу в нерадивости, выслушал тираду Юсупа в стиле “Доверять нельзя никому! Надо всё проверять самому!”.

Когда Юсуп успокоился, мы решили, что в кладовке я нашёл ключи от глебовой квартиры. Матери Глеба отбой давать не стали. Подпёртая стулом дверь вреда не наделает.

Я повесил замок на сливной кран бака для воды, намотал глебов шланг на катушку, отнёс катушку в кладовку, повесил ключ от крана на гвоздик. Когда я закончил, Юсуп входную дверь глебова домика опечатал.

Я уже сел в машину да успел завести мотор, когда Юс-

уп сказал, что собрался навестить Хребтолома. Я вспомнил, что Хребтолома хотел навестить и я, чтобы надрать уши за то, что не предупредил о планах Ковылякина треснуть меня монтировкой по черепашке. Само собой, я покатил за Юсупом к Хребтолому.

*

*

Надрать уши Хребтолому я при Юсупе не смог. Зато смог поприсутствовать при допросе Хребтолома. Правда, увидеть, как Юсуп арестовал кровожадного злодея, мне не довелось.

На вопросы Юсупа Хребтолом отвечал нечто вроде “ничего не знаю, никого не видел, никого не убивал”.

Когда Хребтолом Юсупу надоел, Юсуп пригласил кинолога с собачкой. Кинолог дал собачке понюхать белые шорты из домика Глеба. Собачка понюхала шорты, обнюхала Хребтолома, сказала, что на шортах в домике Глеба топтался не Хребтолом. Затем собачка обошла дачу Хребтолома. Ни мобильника Глеба, ни глебова портмоне собачка не унюхала.

На том Юсуп с Хребтоломом и расстался. Я Хребтолому пообещал вернуться, потолковать за жизнь. Хребтолом за нами закрыл, до калитки провожать дорогих гостей не стал.

Я спросил Юсупа, не к матери ли Глеба Юсуп собрался ехать. Юсуп в ответ спросил, не собрался ли я напроситься в попутчики. Я сказал, что раз мне делать всё равно нечего, то почему бы и не прокатиться с Юсупом, не набраться опыта у

старшего товарища. Затем я пригласил Юсупа прокатиться в моём джипчике. Юсуп изрёк бранное слово в адрес моего подхалимажа, наказал своему шофёру ехать за моим джипчиком.

Когда я прижал педальку газа, Юсуп дал мне адрес глебова дома. Я откозырял. Юсуп хмыкнул, сказал, что у меня не получилось, нашёл в бардачке мою бутылку минералки для гостей, распечатал, приложился к горлышку.

Я спросил, почему Юсуп не хочет так же, как и Хребтолома, дать собачке вместе с шортами обнюхать и Вадика. Юсуп вопроса не ожидал, потому чуть не утонул в глотке воды. Когда откашлялся, сказал, что от кого-кого, а от меня такой глупости не ожидал. Затем добавил, что в последнее время я с глупостями зачастил, пора бы мне и на пенсию.

После пачки подначек Юсуп посерьёзней, пояснил, почему с пенсионным удостоверением я смотрелся бы лучше, чем с корочкой частного сыщика.

Я-то думал, что к Хребтолому Юсуп заглядывал в надежде поймать убийцу Глеба. Ан нет. Хребтолома Юсуп проверял для отчёта, для галочки, чтобы шеф за безделье не полоскал Юсупу мозги. Юсуп в виновность Хребтолома не верил. По мнению Юсупа, Хребтолом не из тех, кто способен на убийство. Хребтолом, тут Юсуп со мной согласился, для убийства трусоват. Отсутствие должной смелости у Хребтолома Юсуп заметил ещё утром, когда допрашивал Хребтолома по поводу алиби Вадика.

Кроме того, если бы даже собачка и сказала, что на шортах Глеба след от кроссовка оставил Хребтолом, то Хребтолом бы заявил, что на тех шортах танцевал, а Глеб танцевал рядом, на каком-нибудь свитере. Накурились, представили себя шаманами, и устроили ритуальный танец на тряпках.

Хребтолом и Глеб как-никак друзья. Если бы Юсуп запах и пальчики Хребтолома на даче Глеба и обнаружил, то доказал бы лишь, что Хребтолом заглядывал к Глебу в гости.

Если бы Юсуп спросил Хребтолома, мол, где был, гад, когда другану дали бутылкой по башке, Хребтолом сделал бы квадратные глаза и сказал, что заглянул к Глебу, чтобы сварганить на шортах танец накуренных шаманов. А после танцев Хребтолом ушёл. А потом к Глебу пришёл грабитель, ударил Глеба по черепу бутылкой, обыскал дом, прихватил мобильник и портмоне, и смылся.

Кто докажет, что дядька Некто не сидел в кустах и не ждал, пока Хребтолом дотанцует и уйдёт? Как только Хребтолом ушёл, грабитель убил Глеба, стёр отпечатки, и был таков.

Вот если бы на одежде Хребтолома Юсуп нашёл кровь Глеба... Такое счастье Юсуп отнёс в область фантастики. А без весомых улик адвокат Хребтолома стёр бы Юсупа в пыль.

С Вадиком дело обстояло веселее. Всё то, что Юсуп примерил к Хребтолому, подошло бы и Вадику, причём с точностью до слова. Вот только кому-кому, а Вадику убивать Гле-

ба невыгодно, потому как Глеб – это живое алиби Вадика. Зачем Вадику убивать своё алиби? Есть ли на свете глупость большая, чем пилить сук, на котором сидишь?

Юсуп, конечно, мог дать собачке обнюхать глебовы шорты и вадиковы кроссовки, и собачка могла сказать, что запахи совпадают, и Юсуп мог вцепиться в Вадика по всей строгости. Всё это было возможно. Только Вадик бы улыбнулся, Юсупа бы послал, и накатал бы заяву, что Юсуп Вадика преследует. На все юсуповы умности с запахом Вадика на шортах Вадик долдонил бы одно: “Я и Глеб на шортах танцевали польку”. При этом Вадик бы улыбался. А Юсуп сидел бы в луже.

Под конец речи Юсуп подытожил: до всего того, что рассказал Юсуп, мог бы додуматься и я, если бы включил мозги. Но мои опилки наверняка после встречи черепушки с монтировкой встряхнулись и легли не так как надо. До тех пор, пока я не верну опилки на место, Юсуп будет считать, что пенсионное удостоверение мне к лицу. Возразить Юсупу я не смог.

Я пересказал Юсупу мой утренний разговор с Глебом. Сказал, что поймал Глеба на вранье. Мол, доказать не могу, но уверен, что алиби Вадика липовое.

Юсуп помолчал, затем сказал, что в ране Самуилыча спецы нашли нити, отличные от нитей, из которых сплетена ткань того махрового банного халата, в котором я нашёл труп Самуилыча. Спецы допускают, что найденные нити до

смерти Самуилыча были частью махрового полотенца.

Другими словами, убийца Самуилыча использовал в качестве глушителя полотенце, а не одеяло или подушку. Осталось найти полотенце с дырками от выстрела, а дальше в дело вступит техника. Спецы сравнят волокна из раны Самуилыча с волокнами найденного полотенца, докажут, что именно то полотенце, и никакое другое, использовалось в качестве глушителя для стрельбы не по тарелочкам, а по Самуилычу. Затем спецы по частичкам кожи, что найдут в полотенце, установят, чьё полотенце.

На взгляд Юсупа, ничьим кроме как афониным полотенце оказаться не может, потому как Вадик сказал, что у него и Самуилыча одно полотенце на двоих, и то единственное полотенце не пропало.

Я спросил, почему Юсуп так огульно верит Вадику, ведь Вадик мог насчёт полотенца соврать. В ответ Юсуп спросил, почему бы не верить человеку, у которого подписанное тремя свидетелями алиби. Юсуп добавил, что если у меня есть на примете человек, которому можно верить больше, чем Вадику, то Юсуп готов с тем человеком поговорить при условии, что тот человек – на Афоня, сосед Самуилыча.

На мой вопрос, почему бы и не поверить Афоне, Юсуп разразился пламенной речью в защиту Юсупа-Которому-Шеф-Надерёт-Уши. Мол, шеф не поймёт, если Юсуп поверит человеку, чьи пальчики остались на ружье Самуилыча, и на чьих руках нашли следы пороховых газов, и кто точил

зуб на Самуилыча не один месяц, и кто на весь двор угрожал Самуилычу смертью.

В финале пламенной речи Юсуп улыбнулся, посмотрел на меня с издёвочкой.

– Ян, ты ж цепляешься к Вадику и выгораживаешь Афоню не за просто так, а? Афоня призвал тебя в защитнички?

Я кивнул. Юсуп хмыкнул.

– Ян, отдай человеку деньги и извинись. Ни черта ты с него не поимеешь. Афоня сядет. Как пить дать сядет. Ни один судья не поверит, что Афоня невиновен. С такими-то уликами, и не сесть! А к Вадику нет ни единой зацепки.

– У Вадика есть мотив. Квартиру деда можно продать за немалые копеечки.

– Если бы у нас сажали за наличие мотива, то я бы давно уже делал три месячных плана в день. С таким мотивом как у Вадика можно посадить полгорода.

– Юсуп, у Вадика алиби липовое.

– Хочешь, я тебе подкину пищу для мозгов? На ружье, кроме пальцев старика, нашли отпечатки старых перчаток типа тех, что для мытья посуды. Что ты сейчас скажешь, я догадываюсь.

– Значит, Вадик стрелял в перчатках.

– Я угадал. Другого ты сказать не мог. Отличные от “Вадик-убийца” версии есть?

– Вадик...

– Да уймись ты со своим Вадиком! Что, если твой Афоня

взял на дело перчатки, а затем их выбросил? Куда? Да бог его знает. В грузовик, который проезжал мимо. Ищи их теперь свищи.

– Но Вадик...

– Вадик, Вадик! Ян, а если Самуилыч в перчатках чистил-смазывал ружьё? Ведь мог, а?

– Зачем тогда ты сказал о перчатках?

– Я ж говорил: чтобы подкинуть тебе пищу для мозгов. Уж больно ты любишь хвататься за всякие мелочи, и выворачивать их так, как надо тебе.

– Приметы у перчаток есть? Хочу знать, что искать.

– На указательном пальце правой перчатки есть порез длиной в сантиметр. Удачи в поисках.

Я кивнул: мол, спасибо за сочувствие.

Я понял, что Юсуп за Афоню ухватился, и отпускать не собирался аж до самого суда. Оно и понятно, ведь в пользу Афони улик ноль, а вот против – навалом.

Я тряхнул головой. Юсуп спросил, не встряхиваю ли я опилки, чтобы упали как надо. Я сказал, что Юсуп угадал.

Юсуп как в воду глядел. Через секунду после встряхивания опилок перед глазами возникла картинка. Я увидел труп Самуилыча с дырищей в спине. С какой стати ко мне пришла та картинка, я не знаю, могу только догадываться. Наверняка картинка – плод висящего в подсознании вопроса: “Как найти Афоне оправдание?”. Как обычно, когда бьёшься над проблемой, и начинает казаться, что просвета уже не будет,

решение приходит вдруг и вроде бы из ниоткуда.

Раз уж сознание картинку мне подкинуло, я решил её рассмотреть. Я повертел картинку туда-сюда, прошёл по картинке внутренним взором вдоль и поперёк. В тот момент, когда я решил, что цена картинке “Труп Самуилыча с дырищей в спине” в лучшем случае ломаный грош, у меня, наконец, включились мозги.

Дальше мысль потекла сама. Я только запоминал то, что на-гора выдавало сознание.

Я вспомнил, как Афоня стрелял в потолок, когда я прибежал в квартиру Самуилыча на первый афонин выстрел. Афоня держал ружьё так, что затвор, из щелей которого при выстреле вылетает часть пороховых газов, находился рядом с афониным животом, а ствол смотрел вперёд-вверх, ведь Афоня стрелял в потолок по косо́й. В таком случае следы пороховых газов должны найтись кроме афониных рук ещё и на афониной майке, в районе живота.

Если верить доктору Юсупа, то перед тем, как застрелить, убийца стукнул Самуилыча по затылку, и после того удара Самуилыч потерял сознание. Стоять при потере сознания Самуилыч мог вряд ли, потому упал. Затем убийца приставил ствол к спине Самуилыча через полотенце-глушитель, выстрелил в упор.

Длина ствола у того ружья, из которого застрелен Самуилыч, от среза до затвора примерно шестьдесят сантиметров. Плюс высота тела Самуилыча около двадцати сантиметров,

ведь Самуилыч был чуть толще щепки. Итого, если приставить ружьё к спине лежащего Самуилыча, от пола до затвора насчитается около восьмидесяти сантиметров. Если допустить, что в Самуилыча стрелял не карлик, а амбал Афоня, то в момент выстрела затвор ружья должен бы находиться на уровне верхней части бедра Афони.

Потому, чтобы считать убийцей Афоню, нужно как минимум найти следы пороховых газов на афониных штанах, напротив которых должен был находиться затвор ружья. Ведь пороховые газы в момент выстрела вылетают в том числе и из щелей затвора, и продукты сгорания газов оседают на окружающих предметах.

В итоге, если следы пороховых газов найдутся только на афониной майке, то Афоня в лежащего Самуилыча не стрелял.

То, что выдало на-гора сознание, я прокрутил в памяти от начала до конца пару раз, проверил, ничего ли не упустил, затем посмотрел на Юсупа взглядом победителя.

– Юсуп, на одежде Афони следы пороховых газов нашли?

– Да. На правом боку майки, в районе живота.

– На штанах искали?

– Нет. Твои опилки говорят, что Афоня стрелял из-под колена? С какой стати искать на штанах?

Юсуп смотрел на меня как на экземпляр, на котором студенты изучают прогрессирующий дебилизм.

Я объяснил, зачем искать следы пороховых газов на шта-

нах Афони. Юсуп прикрыл глаза, с минуту помолчал, затем посмотрел на меня.

– Ян, невиновность Афони – это одно. Вина Вадика – другое. Допустим, что Афоня не виновен. Как ты докажешь вину Вадика?

– Я над этим работаю.

– Когда закончишь, не забудь результатами своего адского труда насмешить меня.

Я кивнул, сказал: “Приехали”, остановил машину. Юсуп не без удивления посмотрел на меня, затем на дом, возле которого я затормозил. Я сказал, что перед нами дом, адрес которого дал мне Юсуп, когда сел в мой джипчик, а если Юсуп заболтался и забыл, куда и зачем мы ехали, то так и быть, напомним: мы у дома Глеба, и приехали к глебовой матери, Нине Ивановне.

Юсуп буркнул: “Виноват, заработался”. Я спросил, кто достоин корочки пенсионера. Юсуп оставил вопрос без ответа, выбрался из машины, потопал к подъезду. Я зашагал следом.

*

*

Прокатиться на лифте не подфартило. Квартира Глеба располагалась на первом этаже. На всей лестничной клетке я насчитал только две двери, из чего заключил, что Глеб жил в квартире из пяти комнат. В моём районе все дома однотипные, запомнить планировку каждого дома проще простого.

К той двери, что слева от входа в подъезд, Юсуп подошёл

без раздумий, даже не взглянул на номер квартиры. В планировках наших домов Юсуп разбирается не хуже меня.

Юсуп утопил кнопку дверного звонка. Через целых полминуты из-за двери донёсся женский голос: “Кто там?”. Юсуп сказал: “Милиция”. Женщина сказала, чтобы милиция, которая шастает в восемь вечера по тёмным подъездам, просунула своё удостоверение в щель почтового ящика, что найдёт на двери. Юсуп повинувался. Через минуту дверь открылась.

Худенькая женщина, что сидела в инвалидной коляске, посмотрела на Юсупа, затем на фотографию, что на удостоверении, протянула удостоверение Юсупу.

– Я дура, да? Открыла дверь, и даже не проверила, а вдруг это удостоверение украли, и за дверью стоит бандит. Но я подумала, что раз мне звонил председатель, и говорил о краже на даче, то вполне нормально, что ко мне придут из милиции. Я много говорю, да?

Юсуп переступил с ноги на ногу.

– Нина Ивановна...

– Ну, что ж вы с порога вгоняете меня в старость! Какая я вам Нина Ивановна? Нина – это дело другое. Но Нина Ивановна... Я же ваша ровесница. И я пока что чувствую себя молодой. Я много говорю, да? Вы уж простите, что-то на меня нашло. Какое-то у меня состояние странное. Часов в пять как началось, так и не отпускает. Наверное, в то время нашу дачу и ограбили. Значит, я экстрасенс?

– Нина, ваш председатель вам рассказал не всё.

– Да вы входите, что ж вы на пороге-то...

Мы вошли, я прикрыл за нами дверь.

Затем Юсуп рассказал Нине то, что утаил председатель.

Нина Юсупа выслушала, улыбнулась дрожащими губами, спросила, что она теперь будет делать одна в пятикомнатной квартире. Затем Нина попросила отпустить её на пять минут, укатила в комнату. Юсуп и я остались стоять посреди коридора.

Нина вернулась с красными от слёз глазами и серым лицом, сказала: “Я сильная. Когда в двадцать два у тебя отказывают ноги, и ты остаёшься одна с грудничком на руках, то очень быстро учишься быть сильной”. Затем Нина провела гостей в комнату, усадила в кресла, сказала Юсупу: “Можете начинать”.

Юсуп отдал Нине ключи, которые я нашёл в кладовке глебовой дачи. Юсуп извинился за то, что лишний раз Нину побеспокоил насчёт ключей. Мол, Юсуп думал, что ключи от квартиры Глеба убийца забрал с собой, потому и попросил председателя позвонить, сказать, что ключи от квартиры могут быть у вора, а когда Юсуп нашёл ключи в кладовке, то понял, что убийца, по всей видимости, ключей от квартиры Глеба не нашёл.

Пока Юсуп говорил, Нина вертела ключи в руке, рассматривала, словно видела впервые. Когда Юсуп закончил, Нина сказала, что ключи, которые привёз Юсуп, не от квартиры

Нины. Ключи, что висели в кладовке на даче, наверняка от бака для воды, что стоит на соседском участке. Сосед иногда просил Глеба полить участок, потому и дал Глебу ключи от бака.

Юсуп сказал, что в таком случае ключи от квартиры Нины наверняка у убийцы Глеба, и у него же наверняка остался глебов мобильник, а в памяти трубки может быть записан адрес Глеба. Потому Юсуп посоветовал Нине сменить замки, причём резину не тянуть.

Я предложил, чтобы дело ускорить, сменить не замки целиком, а только вкладыши. На вопрос Нины, что такое “вкладыши”, я сказал, что вкладыш – это та часть замка, где скважина, в которую вставляют ключ. Если вкладыши заменить, то старые ключи к замку не подойдут. Нина сказала, что её помощника убили, и сменить вкладыши некому. Я сказал, что помогу.

Юсуп задал Нине набор стандартных вопросов для протокола. Нина ответила.

Интересного в ответах Нины я не нашёл. Глеб в обед, за несколько часов до смерти, приехал с дачи, сходил в магазин, принёс матери продуктов, принял душ, отправился на дачу. Настроение у Глеба было обычным, Нина ни нервозности, ни странного поведения за Глебом не заметила.

Кто и за что мог убить Глеба, Нина не имела ни малейшего понятия, ведь смертельными врагами Глеб обзавестись не успел. Кому надо убивать не бандита, а почти домашне-

го мальчика, доброго и хозяйственного, который всегда матери помогал и почти не шлялся по друзьям, Нина понять не могла.

В подтверждение доброты Глеба Нина напомнила о тех ключах, что я нашёл в кладовке глебовой дачи. Сказала, что Глеб безо всякой корысти помогал даже соседу по даче, считай чужому человеку. Глеб, когда сосед просил, поливал соседу участок, а ведь это не минутное дело.

Пару раз полить соседский участок Глеб забыл, так ругал себя на чём свет стоит. Чтобы Глеб себя лишний раз за забывчивость не ругал, Нина Глебу звонила и напоминала: мол, сегодня надо полить соседу участок. Последний раз Нина звонила Глебу с напоминанием о поливе за два часа до того, как Глеба убили.

Юсуп сказал, что Нине придётся съездить на опознание, и лучше это дело не откладывать. Нина сказала, что готова ехать хоть через минуту, потому как надежда умирает последней: вдруг Юсуп ошибся, и в морге не Глеб?

Я вызвался свозить Нину на опознание. Сказал, что у меня хоть и маленький, но джип, поместится и Нина, и кресло-каталка. Мне всё равно к Нине возвращаться, ведь надо сменить вкладыши в замках, так почему одним махом не помочь сразу двоим? Нине не придётся трястись в юсуповом “бобике”, а Юсупу не придётся гонять служебный “бобик” туда-сюда вместо того, чтобы работать.

Юсуп извинился за то, что на время поездки на опознание

оставить в квартире Нины охрану не сможет, потому как людей у Юсупа в обрез. Нина сказала, что брать-то в квартире особо нечего, потому надобность в охране мизерная, а если тот, кто украл глебовы ключи, в квартиру влезть таки успеет, то так тому и быть, значит, судьба.

Перед отъездом я рассмотрел вкладыши замков. Квартиру Нины от вора охраняли замки стандартные, ещё из тех, советских, когда на весь Союз было десять моделей врезных замков, и все вору знали их конструкцию до винтика.

От дома Нины я отъехал без четверти, обратно к дому подъехал ровно в девять. Морг от дома Нины в двух шагах, потому я успел и свозить Нину на опознание, и на обратном пути заехать за вкладышами в лавку “Всё для дома”, что работает до девяти.

В морге Нина держалась молодцом: ни истерики, ни потери сознания. Опознала Глеба, подписала протокол, без единой слезинки сидела в машине всю дорогу обратно. Лишь когда я выскочил на пару минут в лавку за вкладышами, да затем вернулся в машину, заметил, что глаза у Нины блестят.

Когда я открыл дверь в квартиру Нины, и начал вкатывать в коридор кресло-каталку с хозяйкой на борту, Нина подняла руку: мол, стоп! Я замер, вспомнил, что перед тем, как я отъехал от морга, Юсуп сказал, чтобы я был начеку, ведь с ключами от квартиры Нины разгуливает не кто-нибудь, а наверняка убийца.

Нина подняла взгляд на меня, кивнула в сторону лестнич-

ной клетки. Кивок Нины я понял как “Выкатывай меня отсюда, да шевели поршнями!”. Я повиновался.

*

*

Я без единого звука выкатил кресло с Ниной на лестничную клетку. Нина поманила меня пальцем. Я пригнулся, сложил ухо рупором. Нина зашептала тише, чем гремит лапками паук, когда носится по паутине.

– Ян, у меня в коридоре сквозняк. А я помню, что окна закрывала. Это привычка. У меня первый этаж, и решётки нет, потому когда ухожу, то окна проверяю. И при закрытых окнах у меня в коридоре не сквозит. Там кто-то есть.

Шептать тише паучьего шарканья я не умею, потому зашептал по-человечьи.

– Нина, сегодня для вас день... не обычный. Может, вы закрыть окна забыли?

– Нет. Я закрывала.

– Значит, со вкладышами я опоздал.

– Что теперь делать? Звонить в милицию?

– Успеем. Сейчас вернусь.

– А если не вернётесь?

– Тогда кричите караул.

Нина достала мобилку, набрала номер стражей порядка, положила палец на зелёную кнопку, шепнула: “Я готова. Теперь можете идти”, кивнула на дверь.

Я вошёл в квартиру, прикрыл за собой дверь, отругал се-

бя за расхлябанность. Надо было перед отъездом вставить между дверью и косяком волосинку. Тогда по приезде я бы знал, открывал ли дверь незванный гость, и если открывал, то первым вошёл бы я, а не вкатывал впереди себя Нину. Ведь незванный гость мог рвануть из квартиры напролом, через двери, и первой на его пути оказалась бы беспомощная Нина, и кто знает, как бы со своей дороги захотел убрать инвалидное кресло тот, которому терять нечего.

Каждая из пяти комнат удостоилась моего тщательного осмотра. Я заглянул в два шифоньера, под три кровати, за диван. Открывать кухонные шкафчики и заглядывать в антресоли стенки в поисках малогабаритного гостя Нины я счёл излишеством. Под конец осмотра я констатировал отсутствие человеческого присутствия во всех комнатах, кладовке, кухне, и на двух балконах.

Пока осматривал квартиру Нины, пытался понять, как два человека ухитрились жить в пяти комнатах и следить за порядком в столь немаленькой квартире, к тому же забитой вещами под завязку. Перед отъездом на опознание Нина сказала, что в квартире красть нечего. Я бы поспорил. Барахло Нины и Глеба даже шайка воров не унесла бы и за три визита. Чтобы всю квартиру только обшарить, надо было потратить полчаса.

Когда я добрался до кухонного балкона, то нашёл причину сквозняка, который насторожил Нину. Дверь на балкон была приоткрыта, окно балконного остекления распахнуто.

Я выглянул в окно, увидел пустой двор и сумерки. Кого я надеялся увидеть? Дурака, который махал бы транспарантом с надписью: “Эй, я здесь! Это я убил Глеба и влез в квартиру Нины!”, и подсвечивал мне дорогу фонариком?

Надеялся я на дурака с транспарантом или не надеялся, а ни дурака, ни транспаранта не заметил. Зато я заметил, что спрыгнуть с балкона Нины смог бы и ребёнок. Я с такой высоты прыгал в первом классе. Всё-таки первый этаж – не девятый, парашют не нужен.

Когда я вернулся к Нине, то застал Нину в куда большем спокойствии, чем оставил. Я доложил результат вылазки: мол, в квартире никого, балконное окно открыто. Нина кивнула, нажала на мобилке красную кнопку, попросила меня посторониться, покатила кресло в квартиру, от моей помощи отказалась.

Я сказал, что замена вкладышей много времени не займёт, и что как только управлюсь, так сразу и уйду. Нина попросила меня не спешить, потому как всё равно меня не отпустит, пока не напоит хотя бы чаем.

Не успел я присесть возле дверей, чтобы посмотреть, какой инструмент мне понадобится для замены вкладышей, как из комнаты донёсся нервный смешок Нины. Затем Нина меня позвала.

Когда я подошёл, Нина указала на глиняную статуэтку кота, что стояла на стенке-горке.

– Ян, вы этого кота видите? За котом дверца, видите? Я ту

дверцу не открывала сто лет. В том шкафчике лежал новый плед, ещё в упаковке. Теперь, думаю, пледа там нет.

– С чего вы взяли?

– У этого кота красивейший пушистый хвост. Ради хвоста и покупала. Так вот, кота я всегда ставила мордой к стенке, хвостом ко мне. Теперь поняли?

– Кот стоит перед дверцей. Дверцу не откроешь, пока не уберёшь кота. Тот, кто дверцу таки открыл, и кота таки отодвинул, не знал, что ваш кот должен стоять к зрителю хвостом, а не как у всех, мордой. Потому, когда дверцу закрыл, и кота вернул на место, то поставил кота по-людски, мордой к зрителю.

– Вот и я о том же. Спорим, что в ящике моего нового пледа уже нет?

– Боюсь проспорить.

Нина жестом дала мне понять, что я могу открыть дверцу. Я открыл. Плед лежал на месте. Нина мотнула головой.

– Ян, я не дура. Кот стоял неправильно! Я его не трогала! Здесь кто-то рылся!

– Вполне возможно. Давайте пороемся и мы. Ставлю вам боевую задачу: проверить, всё ли в квартире на месте.

На осмотр квартиры у Нины ушло двадцать минут.

Нина заглядывала в каждый уголок, открывала каждый шкафчик. Куда добраться сама не могла, просила меня помочь. Пока ходил за Ниной, я думал, что если кто-то в квартире Нины и рылся, то за те пятнадцать минут, что мы с Ни-

ной ездили на опознание, обыскать здоровенную квартиру, забитую хламом под потолок, бедняга не успел бы, как бы ни старался.

Пока я думал, Нина осмотр квартиры завершила. Сказала, что деньги, украшения, и тому подобные ценные вещи, равно как и вещи ценой поменьше, на месте. Спросила, что же мог искать дядька Некто, если ценное не тронуто?

Я спросил, уверена ли Нина в том, что обыск таки был? Нина сказала, что уверена на все сто. Если и не всю квартиру, то по крайней мере несколько мест Некто обшарить успел. Правда, в тех местах Нина хранила подушки, одеяла, постельное, или, другими словами, малоценное.

Я озвучил первую же версию, что пришла на ум: когда я с Ниной вернулся с опознания, то застал дядьку Некто за поисками, причём обыскать Некто успел едва ли половину квартиры. Потому-то и вышел Некто не через дверь, как наверняка вошёл, а через окно. Услышал, как я отпираю дверной замок, да и сиганул с балкона. Благо Нина живёт на первом этаже. Вот и ответ, почему ценное не тронул: на нормальный обыск дядьке Некто попросту не хватило времени.

Моя версия Нину устроила. Я отправился менять вкладыши в дверях. Пока шёл по коридору, сказал, что как только вкладыши сменю, так сразу Нина может о незваных гостях с глебовыми ключами позабыть.

Я только-только успел извлечь из замка вкладыш, как ко мне подъехала Нина.

– Ян, вы думаете, что сюда приходил тот, кто... кто убил моего Глебушку?

– Может быть. Почти уверен.

– Почему ж тогда вы не звоните в милицию?

– Что-то украдено? Нет. Замки взломаны? Нет. Меня пошлют, и вы знаете куда. Если хотите, звоните.

– А я думала, что если ваш Юсуп нашёл бы здесь отпечатки пальцев того скота, который моего Глебушку...

– Сейчас каждый кто не дурак идёт на дело с пачкой одноразовых перчаток, которых в аптеках навалом, по рублю за кило. Вы думаете, что тот, кто убил Глеба, и не оставил ни единого отпечатка, будет разгуливать по вашей квартире и штамповать свои отпечатки где ни попадя?

– Тоже верно. Так мне в милицию не звонить?

– Если хотите – пожалуйста.

– Но вы бы не стали?

– Я бы не стал. Я не верю, что тот, кто стёр свои отпечатки на вашей даче, оставил их здесь.

– Наверное, вы правы.

Нина уехала в кухню, я продолжил менять вкладыши.

Через пять минут вкладыши я заменил, трижды проверил, как замки работают с новыми запчастями. Оба замка работали как надо.

Я зашёл на кухню, сказал Нине, что замки готовы, положил на стол две связки ключей от новых вкладышей. Нина сказала, чтобы я отстегнул себе с каждой связки по ключу.

Мол, замки новые, чёрт их знает, как будут работать, и если вдруг завтра Нина не сможет открыть дверь изнутри, то позвонит мне, я приеду и открою Нину снаружи. Я взял по ключу от каждого замка, сунул в карман.

Нина подала чай. Я почувствовал неловкость. Всё же меня обслуживала женщина на инвалидной коляске.

Чай выпили в полной тишине. Ни я, ни Нина не проронили ни слова.

Перед тем как уйти я спросил, есть ли кому помочь Нине с похоронами. Нина сказала, что у неё есть сестра, живёт в селе за триста километров. Нина сестре позвонила, пока я ходил в лавку за вкладышами. Сестра пообещала выехать первым же утренним автобусом.

Уже в дверях я дал Нине визитку, сказал, чтобы Нина не стеснялась, звонила мне, если понадобится машина куда-нибудь смотаться по поводу похорон. Нина меня поблагодарила, сказала, что управятся с сестрой сами.

Я попросил у Нины номер мобилки. Мол, на всякий пожарный, вдруг чего-нибудь захочу спросить насчёт Глеба. Нина номер продиктовала, я записал. Когда за мной закрывала, Нина поблагодарила меня за вкладыши. На прощание я посоветовал Нине закрыть оба замка на все три оборота ключа. На том мы и расстались. Нина к моему последнему совету прислушалась.

Когда забрался в джипчик и вставил ключ в замок зажигания, я вдруг почувствовал, что подустал. Я откинулся на

спинку, посидел с минуту в расслабухе.

Перед тем, как покатить домой, я позвонил Юсупу, рассказал о визите дядьки Некто в квартиру Нины. Юсуп спросил, станет ли Нина заявлять. Я сказал, что вряд ли. Юсуп сказал: “Ну и слава богу!”, добавил, что потерял бы два часа, а ни единого пальчика у Нины наверняка бы не нашёл. Затем Юсуп пожелал мне спокойной ночи и откланялся.

Я уже подъезжал к дому, когда позвонила Нина. Сказала, что позвонила девушке Глеба, Танюше, рассказала про смерть Глеба. Танюша захотела поговорить со мной. Потому Нина мне и позвонила, чтобы спросить, можно ли Танюше дать мой номер. Я сказал “Конечно!”. Нина сказала, чтобы я ждал звонка Танюши.

*

*

Ужинать на ночь глядя врачи не рекомендуют, а часы показывали без десяти десять. Потому я устроил лёгкий перекус. Танюша позвонила вовремя: я как раз вставал из-за стола.

Танюша начала с выкрутасов в стиле “я кое-что знаю, но связываться с милицией не хочу”. Минуты три я потратил на уговоры таки рассказать мне то, ради чего Танюша позвонила. Под конец Танюша вырвала у меня обещание “никому-никому и никогда-никогда” не говорить, от кого я узнал то, что узнал от Танюши.

Когда с формальностями уладили, Танюша рассказала,

что Глеб ожидал денег. Глеб сказал Танюше, чтобы покупала купальник. Мол, скоро рванём на море, и надолго. Откуда придут деньги, Глеб Танюше не сказал, хоть та и спрашивала. Сказал, что ждёт больших денег, и всё. Так и сказал: “Скоро у меня будут большие деньги”. Сумму не уточнил.

О больших деньгах Глеб рассказал Танюше по телефону, за час до того, как Глеба убили.

Танюша меня спросила, не думаю ли я, что Глеба убил тот, кто о деньгах Глеба прознал. Мол, Глеб деньги получить успел, но кто-то оказался сильнее. Я сказал, что Танюша наверняка от истины недалеко. Перед тем как повесить трубку, Танюша высказала надежду на то, что её информация поможет мне найти убийцу Глеба.

Первое, о чём я подумал, когда Танюша сказала о больших деньгах Глеба, это то, что деньги Глеб ждал от Вадика за липовое алиби.

С другой стороны, Глеб мог ожидать прихода денег откуда угодно, хоть от продажи конопли. К примеру, взял у Ковылякина пакет травки, да сбагрил подороже. Вот тебе и большие деньги. Покупай, подружка, купальник, едем на море.

После того, как я представил Глеба в роли наркоторговца, воображение немедля нарисовало идеальный сценарий убийства Глеба.

Я подумал, что когда Глеб товар сплавил, то денежки припрятал на даче где-нибудь в шифоньере, среди шмоток, ведь народ у нас считает, что лучшего места для хранения за-

начек, чем под стопкой трусов, не найти. На глебову беду домик обшарил свободный бомж “гуляю где хочу” дядька Некто, который только под стопками трусов и ищет, да денежки-то и нашёл.

Когда Глеб воришку поймал на горячем, то Некто двинул Глеба в живот, Глеб согнулся, и тогда гость стукнул Глеба по затылку бутылкой.

Затем Некто обшарил глебовы карманы, нашёл мобильник, портмоне, и ключи от глебовой квартиры. Дядька Некто – бомжи нынче технически подкованные – заглянул в память глебова телефона, нашёл глебов адрес, да и подумал, что раз у Глеба водятся такие деньжищи на даче, то почему бы не наведаться к Глебу в квартиру? Некто приехал по адресу, выждал, пока наступят хотя бы сумерки, чтобы в подъезде стемнело, да и влез в квартиру Нины.

Сперва дядьке Некто повезло: я отвёз Нину на опознавание, и квартира осталась без присмотра. Затем удача от дядьки Некто отвернулась: мы с Ниной вернулись быстрее, чем гость успел квартиру обшарить, потому дядьке Некто пришлось сигать с балкона.

Фантазировать я умею, этого добра у меня не отнять. Когда я понял, что воображение понесло меня не на шутку, я нашёл кнопку с надписью: “Стоп!”, утопил её и держал нажатой, пока мысли не устаканились.

Думать о том, кто, как и за что убил Глеба, я оставил Юсупу. Себе я поставил задачу узнать, связаны ли глебовы ожи-

дания больших денег с алиби Вадика. Если бы я сумел доказать, что Вадик пообещал Глебу за липовое алиби деньги, причём, со слов Танюши, большие, то Вадика гулять на свободе осталось бы считанные минуты. Правда, как доказать то, что я хотел, я не имел ни малейшего понятия. Но нет худа без добра: пусть и косвенное, но у меня появилось доказательство того, что Вадик мог пообещать Глебу деньги за липовое алиби.

Я решил пойти другим путём. Раз я не мог доказать липовость вадикова алиби, то я решил доказать Вадика вину. Правда, как доказать Вадика вину, я даже не догадывался.

Я поскрипел мозгами, искал, за что можно уцепиться, чтобы поймать Вадика. На ум пришли отпечатки перчаток, что юсуповы спецы нашли на ружье Самуилыча. Со слов Юсупа, на указательном пальце правой перчатки был порез длиной в сантиметр.

В том, что отпечатки на ружье оставили перчатки Самуилыча, я не сомневался. Кроме Самуилыча я не знал людей, что пользовались перчатками, у которых на пальце порез в целый сантиметр.

Перчатки для мытья посуды у Самуилыча были клеенные-переклеенные, живого места не сыщешь. Чтоб Самуилыч выбросил перчатки? Да ни в жисть! Перчатки Самуилыч выбрасывал лишь когда они начинали течь из-подо всех заплаток. А перед этим Самуилыч заклеивал дырки и порезы в перчатках медицинским лейкопластырем изнутри.

Когда пластырь уже не спасал, Самуилыч вырезал из верхней части перчаток кусок резины, затем наклеивал на дырку сверху. Пару раз Самуилыч даже приходил ко мне с рванными перчатками в руках и вселенской скорбью на лице, и просил в долг каплю резинового клея. Пока я ходил за клеем в кладовку, Самуилыч тараторил извинения и объяснения: мол, уже поздно, магазины закрыты, а посуду мыть не в чем.

Со слов Юсупа, отпечатки перчаток на ружье мог оставить Самуилыч, когда в перчатках чистил-смазывал ружьё. Крыть мне было нечем, разве что уверенностью, что отпечатки перчаток на ружье оставил Вадик, когда стрелял в Самуилыча.

И вот тут-то мне, наконец, повезло. Я вспомнил, что, когда я осматривал квартиру Самуилыча накануне, то латаных-перелатаных перчаток на кухне не видел. Ни на кухне, ни на балконной верёвке, ни в ванной.

Сперва я подумал, что сознание сыграло со мной злую шутку: выдало желаемое за действительное.

Тогда я решил проверить память свою памятью электронной. Я просмотрел на мобильнике все фотографии, что сделал в процессе осмотра квартиры Самуилыча. Перчаток, ни клеенных-переклеенных, ни новых, на снимках я не разглядел.

Я задался вопросом: куда делись перчатки?

Ответ напросился сам собой: перчатки, после того, как застрелил Самуилыча, выбросил Вадик.

Иначе, если в Самуилыча стрелял Афоня, то на кой чёрт

ему перчатки? Афоня и так знал, что на ружье наштамповал пальчиков на три срока. Это ж каким надо быть идиотом, чтобы напялить перчатки с целью не оставить отпечатков пальцев, и при этом своих прежних пальчиков с ружья не стереть!

Мало того, перчатки с маленькой ручки Самуилыча на лапищи Афони не налезли бы ни за что.

Я подытожил: Афоня в перчатках Самуилыча стрелять не мог.

Если всё-таки допустить, что Самуилыча убил Афоня, и стрелял при этом в перчатках, то Афоня принёс перчатки свои. Ради этого допущения я даже признал, что и у Афони, а не только у Самуилыча, могли быть перчатки с порезом длиной в сантиметр. Кто знает, вдруг Афоня тоже свои перчатки заклеивал по сто раз?

Если Афоня принёс перчатки свои, то где перчатки Самуилыча?

Оставался вариант номер три: Самуилыча убил не Афоня, не Вадик, а какой-нибудь дядька Некто.

Правда, версия с дядькой Некто в главной роли прихрамывала на обе ноги. Некто вошёл, стукнул Самуилыча, Самуилыч упал без сознания, и тут Некто отправился на кухню Самуилыча в поисках перчаток? Некто мог, конечно, прийти к Самуилычу добрым гостем, погутарить со стариком на кухне, увидеть перчатки, перед уходом Самуилыча стукнуть, вернуться на кухню за перчатками...

Мне дай волю, так я дофантазируюсь до зелёных человечков. Заумь – не та штука, которая помогает следствию. Иногда надо учитывать такие простые вещи, как мотив. У Вадика мотив я видел, у дядьки Некто – нет. Мало того, у меня были причины сомневаться в вадиковом алиби.

Когда я уже уверил себя в том, что стрелять в перчатках Самуилыча мог только Вадик, я подумал, что не мешало бы проверить мою память ещё разок. Всё же я обвинял человека в убийстве.

Я решил спросить у Вадика, на месте ли дедовы перчатки. Если рваные-клеенные перчатки Самуилыча оказались бы на месте, то убийца ими не пользовался, принёс свои, и тогда версию “убил Афоня” хоронить было рано.

*

*

Я звонил в дверь Вадика раз десять. Раз двадцать стучал. Затем я подумал, что если хозяина дома нет, то почему бы не посмотреть самому, есть ли в доме перчатки. Зачем лишний раз беспокоить хозяина?

Я смотался к себе, взял фонарик и дубликат ключа от замка Вадика, вернулся к дверям Вадика. Прежде чем аки вор влезть в чужой дом, я ещё раз постучал в дверь. В ответ я услышал тишину.

Через три секунды я запер за собой дверь изнутри квартиры Вадика, закрыл замок на столько оборотов, на сколько он был закрыт до моего вторжения – на два.

Для начала я открыл дверь на балкон и створки балконного остекления. Я избрал тактику того, кто обыскал квартиру Нины: решил, если что, выпрыгнуть в окно. У Вадика не первый этаж как у Нины, но и второй – это не третий. Убиться сложно.

В квартире я свет не включал, всё же хоть в этом не дурак. Мне хватало света от уличного фонаря, что стоял напротив окна Вадика. Фонарь освещал квартиру лучше, чем я мог бы желать. В те уголки квартиры, куда не доставал фонарь уличный, мне помогал заглянуть фонарик карманный с узким, но мощным лучом света.

Осмотр я уложил в десять минут. В ходе осмотра я не забывал фотографировать каждый уголок, в который заглядывал. Камере мобильного я подсвечивал фонариком.

В квартире Самуилыча за сутки почти ничего не изменилось. Разве что на полу, где лежал Самуилыч, я не увидел пятен крови, да в мойке вместо горы посуды я увидел только чашку с остатками чая.

Перчаток я не нашёл.

Осмотр я завершил на балконе. Когда я сделал последний снимок, мимо дома проехало нечто с дизельным движком. Может, то был микроавтобус, а может, легковушка. Как бы там ни было, а грохот дизеля заглушил самое на тот момент для меня важное: звук открываемого замка входной двери.

Я понял, что вляпался, когда сперва в коридоре, а через миг в кухне вспыхнул свет, и в дверном проёме кухни по-

явился Вадик. Я только и успел, что пригнуться. Я спрятался на балконе за тем куском стены, что под окном, которое выходит на балкон. О том, чтобы выпрыгнуть из балконного окна, не могло быть и речи: я бы попался мигом.

Я сидел спиной к кухонной стене, и в отражении балконного остекления видел Вадика в освещённой кухне как в цветном телевизоре. При этом я молился, чтобы Вадик в окно не вглядывался. Иначе Вадик меня наверняка бы заметил.

Вадик отрезал кусок хлеба, посолил, оторвал зубами ломоть, принялся жевать. Не прекращая перекуса, Вадик пошёл в коридор. Я увидел, как Вадик скинул обувь, открыл шкаф, что стоял в коридоре, сунул обувь в шкаф.

Дверцу шкафа Вадик закрыл, да видимо магнит с дверцей не дружил, потому как дверца со скрипом отворилась. Вадик матернулся, изрёк: “Когда ж ты, падла, начнёшь закрываться?!”, захлопнул дверцу с таким треском, что мне стало дверцу жалко. Дверца закрываться отказалась, снова со скрипом отворилась.

Вадик махнул на дверцу рукой, дожевал хлеб, пошёл в туалет. Куда пошёл Вадик, я бы не увидел, если бы дверца шкафа таки закрылась, как её просил Вадик. Но дверца осталась приоткрытой, а на дверце висело большое зеркало. Через то зеркало я увидел и весь коридор, и куда пошёл Вадик. Сказать, что видимость была великолепной, я не мог. Всё же я видел зеркало в отражении балконного остекления.

Или из-за того, что проголодался, или потому, что прида-

вило в туалет, но Вадик не заметил, что балконные окна открыты. Если бы пошёл закрывать...

Продолжать испытание судьбы я счёл излишеством. Потому я под шумок, пока Вадик наслаждался благами цивилизации, покинул балкон Вадика через окно. Понятное дело, я не издал ни звука.

Я спустился по решётке афониного балкона с ловкостью обезьяны, прыгнул на мягкую после ливня землю, метнулся к подъезду.

Когда вошёл в подъезд, я понял, что лопухнулся. Уличный фонарь, помогавший мне при осмотре квартиры Вадика, с тем же старанием осветил и меня, когда я спускался по решётке афониного балкона да нёсся в подъезд. А ну как зоркие соседи сообщили куда следует, что из квартиры Вадика выпрыгнул дядька Некто и побежал не куда-нибудь, а в подъезд? Ведь и дураку стало бы понятно, что Некто живёт моём подъезде.

Кому из жильцов подъезда припекло шарить по квартире Вадика? Следователю осталось задать этот вопрос Вадиду, и тот бы немедля ткнул пальцем в дверь моей квартиры. Кто на тот момент в нашем подъезде кроме меня искал компромат на Вадика в открытую, любыми путями?

Когда зашёл к себе, я услышал, что Вадик закрыл окно, через которое я выпрыгнул.

Несмотря на некоторое возбуждение от пережитого приключения, я почувствовал сонливость. Пока не заснул на хо-

ду, я нырнул в душ. Когда намылился, я в мыслях поблагодарил Афоню за чистоплотность. Собачье дерьмо Афоня с решётки таки убрал. Иначе, когда удирал от Вадика, впопыхах я мог вымазаться в дерьме по самые уши. Отмываться пришлось бы неделю.

Тёплый душ меня расслабил вконец. Я начал клевать носом прямо в ванне. Когда вышел из душа, я глянул на часы. Стрелки показывали половину одиннадцатого – для меня как для жаворонка время позднее. Я отправился на боковую.

Пока расстилал постель, я решил наутро спросить Вадика, куда подевались перчатки Самуилыча. Заснуть я себе не дал, пока не расписал предстоящую беседу с Вадиком по нотам. Пустить разговор на самотёк, и позволить Вадика выкрутиться? Да ни за какие коврижки!

*

*

Проснулся разбитый, захотел отнести себя в ремонт. Не мудрено – так получить по черепушке!

Я ощупал затылок. Шишка почти сошла, но не до конца. Я прекратил себя жалеть, приступил к тренировке.

Сеанс укрепления здоровья я закончил через час, когда каждый удар по груше начал отдаваться болью в шишке. Перед тем как пойти в душ, я услышал, как у Вадика открылось окно. Я оставил в памяти зарубку: “Вадик дома. Можно идти вопрошать о перчатках”.

После душа и завтрака я глянул на часы, подумал, что в

семь утра Юсуп уже не спит и ещё не на работе, но завтракает, потому, если я Юсупу позвоню, то скорее всего нарвусь на фразу типа: “Ты позвонил испортить мне аппетит?”. Но не позвонить я не мог, а звонить позже – терять драгоценное время.

Когда Юсуп снял трубку, я услышал, как Юсуп жуёт. Я прямо почувствовал запах жареного куриного окорочка – любимого завтрака Юсупа.

Первое, что я услышал, было: “Ян, я завтракаю. Решил испортить мне аппетит?”.

Я рассказал о больших деньгах, которые ожидал Глеб. Источник информации я утаил. Юсуп сказал, что информация ценная, но не настолько, чтобы Юсуп прыгал от радости.

Я спросил, не думает ли Юсуп, что деньги Глеб ждал от Вадика за липовое алиби.

Юсуп сказал, что думать только в одном направлении, как это делаю я, неразумно. Для сыщика прямолинейное устройство извилин вредно. Эх, изобрёл бы кто мозгоправную машинку! Юсуп купил бы мне её за любые деньги. Я сказал, что когда спрашиваю знакомых, не встречался ли им в продаже хоть завалящий мозгоправчик, предлагают купить нечто из разряда ледорубов. Юсуп пообещал купить мне ледоруб и попросил по мелочам не беспокоить.

В завершение разговора Юсуп с расстановкой проговорил: “На руках Афони следы пороха есть. Пальцы Афони на ружье есть. Мотив есть. Возможность была. Алиби у Афони

нет”. Затем Юсуп спросил, какого чёрта мне надо ещё, потребовал, чтобы я не перегибал палку, сообщил, что я со своей защитой клиента Юсупа по иногда достаю. Затем Юсуп повесил трубку.

Я спустился к Вадику, постучал.

Когда Вадик открыл, я сказал: “Привет!”, затем спросил, есть ли у Вадика перчатки для мытья посуды. Я сказал, что хочу отстирать с футболки пятно крови. Мол, порошок не берёт, а совать руки без перчаток в жидкий отбеливатель не хочу, потому как кожу разъест мигом.

В ответ на мою просьбу Вадик замялся.

– Ян, я... Перчатки?... С чего вы взяли, что они у меня есть?

– Твой дед недавно приходил ко мне за клеем, хотел на дырку в перчатке поставить заплатку. Вот я и подумал...

Вадик пожал плечами.

– Ян, я поищу. Раз вы говорите, что были, значит, надо поискать. Если найду, я вам принесу. Идёт?

Я кивнул. Когда Вадик закрыл дверь, и я шагнул прочь, я представил, как Вадик стоял за дверью и сочинял отмазку. Я расплылся в издевательской улыбочке.

Не успел я отойти и на два метра, как дверь Вадика отворилась.

– Ян, вы сказали...

Я обернулся. Вадик смотрел на меня с улыбкой смущённого врунишки, пойманного на мелкой лжи.

– Вы сказали, что дед приходил к вам за клеем, чтобы заклеить перчатки. Я те перчатки вспомнил. То ж были не перчатки, а сито. Старые-престарые, латаные-перелатаные. Я их выбросил. Там же латка сидела на заплатке, и штопкой погоняла. Зачем мне такие перчатки? Я их выбросил ещё вчера утром, когда наводил порядок. Только что вспомнил.

– Тогда понятно. А я-то думаю, почему я их не видел позавчера, когда был обыск.

– Не знаю. Тогда они ещё были.

– Где ж они лежали, что я их не заметил? На кухне я перчаток не видел. На балконе?

– Нет. На балконе они висят, только когда сохнут. Когда высыхают, то лежат в пенале, на нижней полке. Не знаю, как вы их не заметили.

– Наверное, лежали в самом дальнем углу, а я нагибаться да заглядывать ленюсь.

– Наверно. Это дед забросил так далеко. Он всегда всё кидал куда подальше.

Вадик вдруг встрепенулся, на лицо Вадика вскарабкалась гримаса марки “Не держите меня за дурачка!”.

– Ян, ведь вам перчатки не нужны, да? Через час открывается магазин, и вы могли бы перчатки купить. Вам так срочно понадобилось стирать футболку, что не могли подождать всего час до открытия магазина?

– Ты угадал.

– Угадал, как же! Вы хотели знать, есть у меня те перчатки

или нет. Они что, как-то связаны с... со смертью деда? Вы всё ещё пытаетесь выгородить Афоню?

– Попытка – не пытка.

– Больше ко мне не приходите, Ян. Хорошо?

Вадик захлопнул дверь. Я зашагал к себе.

По пути я задался вопросом: зачем Вадик с такими подробностями объяснил причину, по которой выбросил перчатки? Не проще ли было сказать: “Выбросил”, и всё? Ведь причину, по которой перчаткам пришло время отправиться в мусорный бак, я не спрашивал, а Вадик лез из кожи вон, лишь бы как можно правдоподобнее объяснить, почему перчатки исчезли. Зачем Вадиду эти выкрутасы? Не затем ли, что перчатки исчезли совсем по другой причине?

Дома я просмотрел на мобильнике снимки пенала, которые делал и в вечер смерти Самуилыча, и накануне, когда влез к Вадиду непрошеным гостем.

Ни на одной полке пенала перчаток я не увидел. На нижней полке стояла коробка от обуви, а в ней валялись одни только крышки для консервации, закаточный ключ да штопор. Перчатками на нижней полке не пахло. А ведь Вадик сказал: “Когда высыхают, то лежат в пенале, на нижней полке”.

Я выписал себе похвальную грамоту. Всё-таки у меня получилось одним выстрелом прихлопнуть двух ушастых: я узнал, что перчаток таки нет, и заодно поймал Вадика на вранье.

Осталось перчатки найти и отдать криминалистам, чтобы проверили перчатки на наличие следов пороховых газов и сверили отпечатки перчаток с теми отпечатками, что нашли на ружье. Если отпечатки совпадут и следы газов найдутся, то не помешает Вадика спросить, откуда на наружной поверхности перчаток взялись следы пороховых газов, а изнутри перчаток – частички кожи и следы пота с рук не только Самуилыча, но и Вадика.

Вадик, конечно, мог объяснить следы пороховых газов на перчатках тем, что Самуилыч стрелял с балкона в воздух всегда только в перчатках для мытья посуды, да вот только какой судья в этот бред поверит?

Для начала я решил выяснить, под каким соусом Вадик выбросил перчатки: как ненужную вещь в процессе наведения порядка в квартире, или же как улику в процессе замечания следов после того, как в перчатках застрелил Самуилыча.

В случае если Вадик перчатки выбросил таки “когда наводил порядок”, а не когда заметал следы, то выбросил вряд ли в проезжавший мимо грузовик, а наверняка в мусорный контейнер, что цветёт и пахнет под моим подъездом. Зачем Вадика тащить пакет мусора в какой-нибудь другой контейнер, что стоит за тридевять земель?

С другой стороны, в контейнер, что перед домом, выбрасывать перчатки после убийства Самуилыча Вадик бы не стал, а скорее всего бы сжёг. Ведь должен понимать, что сле-

дователь мог перерыть все контейнеры в радиусе трёх кварталов.

Как узнать, выбрасывал ли Вадик перчатки в контейнер, что благоухает перед моим подъездом? Смотраться на городскую свалку. Другого не дано.

Если бы я перчаток на свалке не нашёл, то мог бы спросить Вадика в лоб: где перчатки, в которых ты, гадёныш, стрелял в родного деда? После такого вопроса Вадик должен бы признаться во всех грехах, и накатать чистосердечное признание. Правда, оставалось каких-то несчастных девяносто девять процентов, что Вадик в ответ на такой вопрос меня бы послал, и подальше.

Если б я перчатки на свалке нашёл, то пришлось бы признать, что Вадик не соврал, и мне понадобилось бы выстраивать новую версию.

Прежде чем ехать на свалку, я решил заглянуть к Начальнику Мусоровозов, чтобы узнать, где разгружали машину, что чистила контейнер под моим подъездом.

Для полного счастья не помешало бы иметь образец запаха Самуилыча и Вадика. Ведь я собирался искать перчатки, в которых мыл посуду Самуилыч и мог стрелять Вадик.

Тут мне ещё раз повезло, и по-крупному: я увидел в окно, что Вадик вышел из дому, выбросил мусор, и потопал прочь.

Я бегом выскочил, вынул из мусорного бака голубой пакет, что выбросил Вадик, метнулся домой. Как я смотрелся со стороны, и что обо мне могли подумать соседи, меня то-

гда не волновало. Ведь мне обломился огромный кус удачи: я отхватил целый пакет с образцами запахов как минимум Вадика, и при этом не пришлось лезть в квартиру Вадика среди бела дня.

В голубом пакете я нашёл рыбы скелеты, луковую шелуху, свежие очистки от помидоров и огурцов, полбуханки чёрствого хлеба, два смятых бумажных пакета от виноградного сока, газету с телепрограммой на прошедшую неделю, да три пластинки пенопласта длиной в четверть метра, на которые были намотаны удочки-закидушки с пересохшей леской.

В общем, образцами запахов я затарился под самую крышу. Очистки помидоров и огурцов должны были сохранить запах Вадика, а газету с программой не мог не брать в руки Самуилыч.

Пакет с мусором Вадика я прихватил с собой, когда отправился к Начальнику Мусоровозов.

По пути я заглянул к ключеделу, дал парню снимок ключа от дачи Глеба, пять минут подождал, и уже с готовым ключом покатыл дальше.

*

*

В кабинет директора фирмы, которая занимается вывозом мусора, я вошёл через секунду после того, как постучал. Дождаться “Войдите!” я не стал, потому как директора я знал сто лет.

Когда вошёл в кабинет, то понял, что я не вовремя.

Я застал директора за трапезой. Лысый мужик уминал из литровой миски творог за обе щеки. За ушами аж трещало. Притом моего знакомого, которого я знал как директора городской свалки, лысый мужик мне вовсе не напоминал.

Мужик взглядом указал мне на стул, ладонью вытер губы, отставил литровую миску, спросил, чем может помочь. Я сел, учуял знакомый запах, но вспомнить, откуда запах мне знаком, я не смог. Затем я спросил, где Петрович, мой знакомый. Мужик сказал, что Петрович на пенсии, и если я хочу видеть Петровича, то могу сходить к Петровичу домой, а если я хочу видеть директора фирмы по вывозу мусора и по совместительству директора городской свалки, то он передо мной.

Я положил перед директором визитку, рассказал, кто я, попросил указать, где на свалке я могу найти мусор, который вывозили с моей улицы с утра понедельника.

В помощи директор мне отказал. Мол, работы выше крыши, не успевают, а тут надо выделить какому-то частному сыщику целый бульдозер и чуть не полдня. Я спросил, сколько нужно заплатить. Деньги лысого директора не заинтересовали. Директор сказал, чтобы я на свалку не совался, и пообещал спустить шкуру с меня и с того, чей бульдозер будет на меня работать.

После того как меня отшил, директор сказал: “Я вас больше не задерживаю”, вернулся к поеданию творога из литро-

вой миски.

Я вспомнил, что за запах учуял, когда вошёл в кабинет и сел на стул перед директором. То был запах “Антинакипи”. Некоторые бестолковые хозяйки – равно как и хозяйева – сыплют “Антинакипь” в стиралку не только в начале стирки, но и под конец, при полоскании, причём сыплют не без изрядной доли фанатизма. В итоге бельё после стирки отдаёт “Антинакипью”, а не морозной свежестью.

Директор весь сверкал, слепил белоснежным воротником. Я подумал, что жена директора старалась, стирала с утра до вечера, мужа на работу во вчерашней рубашке не отпускала. Причём, судя по запаху в кабинете, “Антинакипи” при стирке не жалела, сыпала в машинку вёдрами.

Я встал, направился к двери. По пути к выходу я увидел на стене фотографию коллектива городской свалки, где директор ещё не лыс, а с приличной шевелюрой. Надпись на снимке гласила, что коллектив свалки запечатлел себя на память за год до моей встречи с лысым директором. Другими словами, шевелюра директора превратилась в лысину всего за год.

Перед самым выходом мне на глаза попались две трёхлитровые банки со скисавшим молоком, что на широком подоконнике грелись на солнышке. В одной банке сыворотка от молока уже отделилась, в другой ещё нет.

Я подумал, что директор лопаёт творог литровыми мисками да пьёт простоквашу трёхлитровыми банками неспроста.

Был с волосами, и всего за год полысел. Для некоторых мужиков столь быстрое облысение – трагедия. Я подумал, что директор наверняка мечтал шевелюру вернуть, причём химию не признавал, отдавал предпочтение средствам народным.

В народе ходит рецепт от облысения: молоко закисли, подогрей, процеди через марлю, и ешь то, что осталось в марле, ведрами, и будет тебе коса до пола. Может, и правда. А может, и из разряда легенд вроде той, в которую верит моя соседка с шестым размером груди: “Ешь белокочанную капусту почаще, и скоро вместо лифчика будешь покупать сдвоенные авоськи с бретельками”.

В момент, когда я взялся за ручку двери, гениальная мысль прошибла мои мозги похлеще, чем капля лукового сока прошибает заложенный нос. Я подумал, что если “Антинакипь” применяется для смягчения воды, и если каждый из нас на три четверти состоит из той же воды, то почему бы не попробовать “Антинакипью” смягчить нрав несговорчивого директора городской свалки, хотя бы на три четверти. Логика у меня на высоте, каюсь.

Я вернулся к стулу, сел. Директор аккуратно доел творог, оставил пустую миску, поднял взгляд на меня. Я кивнул на миску с крошками творога.

- Творожком спасаем шевелюру?
- Угадал. Лысина у девок не в моде.
- Доктор прописал кушать побольше кальция?

– Угу. Только не магазинного. Там химия.

Я указал взглядом на банки со скисавшим молоком, что на подоконнике не жились в лучах утреннего солнца.

– Потому творожок делаем сами, а заодно банками хлещем простоквашу?

– Тебе, я думаю, пора идти. Спасибо, что напомнил про лысину. А то я уже начал забывать.

– Всегда пожалуйста.

– Чтоб я тебя больше не видел.

Я улыбнулся.

– Пока я не ушёл, разрешите вас спросить. Ту марлю, через которую вы оттягиваете творог, ваша жена стирает, или каждый раз использует новую?

– Думаю, что стирает. Ведь не напасёшься.

– Стирает руками или в машинке?

– Какая разница?

Я сказал, что если жена директора, чтобы сохранить нагреватель стиралки от накипи, пользуется “Антинакипью”, и всыпает этой заразы в машинку по полведра, то эта химия не выполаскивается, остаётся в белье. Если жена директора в машинке стирает и марлю, через которую затем отжимает скисшее молоко, чтобы получить творог, то в марле остаётся “Антинакип”. А что делает “Антинакип”? Смягчает воду, то есть борется с кальцием. Когда жена оттягивает творог через марлю, пропитанную “Антинакипью”, то получает творог с веществом, которое наверняка вымывает из ор-

ганизма кальций. Сначала выпадают волосы. Затем размягчаются кости.

Когда закончил речь, я подумал, что врать я мастак. Но чего не сделаешь ради следствия. Как пел один великий, следствие должно продолжаться.

Директор думал с минуту. Под конец раздумий почесал лысый затылок, глянул на мою визитку.

– Как вас... Ян? То, что вы сказали, это точно, Ян?

– Нет. Но проверить не мешает.

– Ну, я ей задам! Она со своей “Антинакипью” уже достала! Из-за неё ещё больше лысею! Ну, я ей...

– Она ж хотела как лучше.

– Вы это... Вы поезжайте на свалку, Ян. Спросите там Никифоровича, бульдозериста. Я ему позвоню. Он вам покажет, где свалили ваш мусор.

– По какому случаю такая щедрость?

– Думаю, что насчёт той клятой марли с “Антинакипью” вы правы. Если лысина уйдёт, я вам эту свалку перекопаю до дна, только скажите. Вы ко мне как к человеку, и я к вам тоже.

Я пожелал директору косы до пояса, вышел вон. По пути вон я думал, что вот так и рождаются слухи, и что я бы не удивился, если бы через недельку от очередного лысого услышал, что он теперь “Антинакип” в машинку не сыплет, ибо от “Антинакипи” выпадают волосы.

Пока директор не передумал, я прыгнул в джипчик, пока-

тил к знакомому кинологу.

Через полчаса я, кинолог и спаниель приехали на городскую свалку. Джипчик я оставил от дороги подальше, потому как огромные мусоровозы по той дороге носились как угорелые, не ровен час переехали бы мой маленький джипчик, и не заметили бы.

Перед тем, как на территорию свалки войти, мы с кинологом натянули комбезы, которые я прихватил на всякий пожарный. На лапы спаниеля кинолог натянул нечто вроде пинеток, чтобы псина не порезалась битым стеклом. Всё же свалка есть свалка.

Кроме битого стекла свалка встретила нас криками чаек, карканьем ворон, стайками бродячих псов, рёвом бульдозеров, горами мусора до неба и диким смрадом до выворачивания кишок наизнанку. Я даже засомневался, сможет ли наш четвероногий искатель что-либо унюхать кроме вонищи.

Бульдозериста Никифоровича я нашёл в третьем от начала поисков бульдозере.

Никифорович прокатил нас на бульдозере к куче мусора, что отличалась от других куч как две капли воды отличаются друг от друга. Я так и не понял, как Никифорович определил нужную нам кучу.

Никифорович сказал, что в той куче, перед которой мы стояли, свален мусор, который я искал. Никифорович пожелал мне удачи, сказал, что когда с верхним слоем мусора мы управимся, и до тех пор искомого не найдём, то надо свист-

нуть Никифоровича, и он бульдозером верхний слой снимет, чтобы мы могли поиски продолжить. Перед уходом Никифорович добавил: тот мусор, что под верхним слоем, свезён на кучу за неделю до того срока, который я указал, потому искать под верхним слоем – лишняя потеря времени.

Рылись мы почти час. Извозились как черти. Хорошо, что я прихватил с собой комбезы, и мы вовремя переоделись.

Я искал и давал обнюхать спаниелю содержимое голубых пакетов. Зачем терять время, рыться в чёрных да коричневых, когда Вадик выбрасывал мусор в голубых?

На сотом пакете я со счёта сбился. Примерно на середине второй сотни я разорвал пакет, в котором нашёл грязные газеты, пропахшие рыбой, в числе объедков два рыбьих скелета, да тряпки с пятнами, похожими на кровь.

Спаниель нюхнул содержимое пакета, гавкнул, сел рядом, завилял хвостом. Так псина показывала, что искомое найдено.

Я в пакете порылся, развернул пропахшие рыбой газеты, развернул тряпки. Перчатками для мытья посуды в пакете не пахло.

В том, что мы нашли пакет из квартиры Самуилыча, и именно тот пакет, что Вадик выбросил после смерти деда и уборки в квартире, я не сомневался. За несколько часов до смерти Самуилыч вернулся с рыбалки и разделявал рыбу, оттуда в пакете и грязные газеты, пропахшие рыбой. После смерти Самуилыча Вадик вымыл от дедовой крови пол в ко-

ридоре, оттуда в пакете и тряпки с пятнами, похожими на кровь.

Кроме того, не верить нюху спаниеля я не мог. Нюх той псины проверялся не одну сотню раз, и не дал ни одной осечки.

По дороге от свалки к дому кинолога я думал думу: “Куда же Вадик дел перчатки?”. Ведь когда сказал, что выбросил перчатки в процессе уборки квартиры, Вадик соврал, ясное дело. Мог сказать, что, мол, где перчатки, не знает. Но не сказал. Соврал. Почему?

А что Вадику оставалось делать? Ведь я Вадику дал понять, что перчатки были, и что я их ищу. Вадику врать пришлось. Ведь если перчатки были, то куда делись? Если перчатки выбросил Самуилыч, то почему не купил новые? Потому Вадик и ляпнул первое, что пришло в голову. Мол, выбросил после уборки в квартире. Наверняка понадеялся на то, что раз мусор из контейнера уже вывезли, то и следов перчаток на свалке не сыщешь.

В сухом остатке выходило, что перчаток не наблюдалось ни в квартире Самуилыча, ни на свалке. Что же тогда оставило отпечатки на ружье Самуилыча? Перчатки Афони? Зачем Афоне перчатки, когда на ружье остались афонины пальчики?

Я решил принять за безоговорочную истину то, что Вадик перчатки таки использовал, и использовал для убийства, и потому скрыл, куда перчатки подевал.

Осталось всего ничего: найти пропавшие перчатки. Задача поначалу показалась невыполнимой. Я утешил себя тем, что на свалке перчаток не нашёл, отчего круг поисков сузился. Правда, сузился всего-то до нескольких сотен мусорных баков, разбросанных по городу, или, другими словами, нескольких гектаров на городской свалке, которые надо обойти со спаниелем. Ну а если Вадик перчатки сжёт, то искать перчатки я мог до скончания века.

С такими невесёлыми мыслями я подкатил к дому кинолога. Через пять минут, когда кинолога со спаниелем выгрузил, за услугу расплатился, да отбил обоим земной поклон за то, что не отказались мараться на свалке, я вспомнил, что с утра забегался и напрочь позабыл о Нине.

Я набрал номер Нины. Хотел спросить, как ведут себя вкладыши: не заклинивают ли, не пришлось ли Нине вызывать спасателей, чтобы те вызволяли хозяйку из квартиры, надёжно запертой новыми, моей лёгкой рукой вставленными вкладышами. Заодно я хотел спросить, не нужна ли помощь с похоронами.

Нина на мой звонок не ответила.

Номер Нины я набирал трижды. Вместо голоса Нины я слушал длинные гудки.

Мне показалось неглупой идея Нину проведать. Я подумал, что если Нине стало плохо, и вызвать “скорую” некому, а на счету каждая секунда, то я не буду выглядеть идиотом, если утоплю педальку газа в пол, и пулей понесусь к Нине.

Так я и сделал.

По пути я набирал номер Нины раз десять. В ответ я слушал длинные гудки.

*

*

Когда подъехал к дому Нины, я бегом метнулся в подъезд. На бегу я набрал номер Нины в последний раз, на всякий пожарный: вдруг у человека всё в порядке, просто не мог взять трубку, а я успел развести панику.

На лестничной площадке я услышал, как в квартире Нины трезвонит телефон. Я вызов отменил. Телефон в квартире Нины замолчал. Я подумал: если у Нины всё в порядке, то почему не снимает трубку? Думал я секунды две. Затем я решил навестить к Нине в гости. Ключи от квартиры Нины, которые Нина дала мне накануне, лежали у меня в кармане, потому ломать голову, как попроситься к Нине в гости, мне не пришлось.

Дверь оказалась запертой только на один замок, и то лишь на автоматическую защёлку. Когда накануне я уходил от Нины, та заперла оба замка на три оборота ключа.

Нину искать по квартире не пришлось. Нина лежала посреди коридора. Рядом лежало кресло-каталка. Создавалось впечатление, что Нина потянулась за чем-то, что было сбоку, потеряла равновесие, опрокинулась вместе с креслом, а когда упала, то ударилась головой об кафельный пол. Не знаю, почему, но я подумал, что устели Нина коридор линолеумом,

и могла бы выжить.

Затем я подумал: с какой стати Нина упала? Двадцать лет не падала, и вдруг упала? И как можно упасть вместе с креслом-каталкой?

Я засёк время, когда обнаружил труп, занёс в память мобильного: “Труп Нины. 11.00”.

Я позвонил Юсупу, сказал, что нашёл Нину мёртвой, что в трагическую случайность не верю, и что из двух замков был заперт только один, и тот лишь на защёлку. Юсуп пообещал приехать через десять минут.

Я осмотрел труп. Нина умерла примерно в полночь, плюс-минус три часа. Нина могла умереть как сразу после моего отъезда, так и в три ночи. Когда трупу не полчаса, то точности от меня не дождёшься, я ж не врач.

Когда осмотр трупa и кресла я закончил, то наконец почувствовал сквозняк. Я вспомнил, как накануне Нина говорила, что сквозняк в коридоре – верный признак открытого окна.

Я достал из кармана одноразовые бахилы и перчатки, приделался. Затем я осмотрел квартиру. Попутно снимал на камеру мобильного всё, что просилось в объектив.

Окна и балконные двери, дверь в ванную и в туалет были распахнуты настежь. Вот и всё, чем отличался внешний вид квартиры Нины от того вида, который я запомнил накануне. Разве что глиняный кот стоял хвостом к стене, а не к зрителю, как любила Нина, да рядом с глиняным котом, на видном месте, в вазочке, лежали золотая цепочка и кольцо.

Всё, на что сподобились мои мозги после осмотра трупа и квартиры, так это на самое элементарное: Нину убил дядька Некто, тот, которого мы с Ниной спугнули, когда приехали с опоздания. После моего ухода Некто вернулся, и Нину убил. После убийства Нины Некто обыскал квартиру заново, причём ценности вроде золотой цепочки и мобилки дядьку Некто не интересовали. Зато ящик в стенке-горке, перед которым стоял глиняный кот с пушистым хвостом, дядьку Некто интересовал.

Зачем надо было отодвигать кота, как не для того, чтобы смочь открыть дверцу ящика? В том, что кота Некто убирал, я не сомневался. Ведь глиняный кот опять, как и накануне, когда мы с Ниной вернулись с опоздания, стоял хвостом к стене, как кота поставил бы любой. Некто не знал, что Нина покупала кота ради красивого хвоста, и ставила кота к зрителю хвостом. Потому Некто, когда возвращал кота на место, поставил статуэтку, как поставил бы и я: хвостом к стене.

Что дядьке Некто понадобилось в ящике, где лежал пусть и новый, в упаковке, но простой плед, я не понял. Если бы Некто хотел стырить плед, вопрос снялся бы сам собой. Но я в ящик заглянул. Плед лежал на месте.

Я включил мозги, чтобы понять логику дядьки Некто. Мозги зависли похлеще компа с глючной операционкой.

Чтобы мозги от чрезмерной натуги не задымились, я переключил внимание на то, что Некто постарался обыск скрыть. Иначе зачем вернул статуэтку кота на место после того, как

заглянул в ящик, дверцу которого охранял глиняный кот? Почему не оставил дверцу ящика открытой? Почему я не нашёл в квартире Нины ни единого вывернутого ящика, ни единой развороченной книжной полки, ничего, что напоминало бы стандартный обыск?

Зачем Некто хотел обыск скрыть? Понятное дело, для того, чтобы все подумали, будто Нина разбила голову без посторонней помощи. И никакого обыска, никаких незваных гостей.

Я решил, что окна и балконные двери, и двери в ванную и в туалет были распахнуты настежь не потому, что Некто в случае чего собирался покинуть квартиру Нины через окно, как накануне. Некто проветривал квартиру, чтобы убрать запах, который оставил. Другими словами, выветривал запаховые следы, чтобы на непрошенного гостя милицейская собака не унюхала и намёка.

Я ещё чуток поразмыслил, и родил очередную версию. Я решил, что вслед за тем, как накануне я от Нины ушёл, Некто в квартиру Нины вернулся. Наверняка, когда я возил Нину на опознание, Некто квартиру Нины недообыскал. Когда я с Ниной приехал, Некто выпрыгнул из окна, потому как услышал, что Нина вернулась не одна. Встречаться со спутником Нины дядька Некто не хотел, потому как мог ненароком получить в глаз. Зато когда я ушёл, то Нина осталась одна. Чего бояться инвалида?

Как Некто узнал, что я ушёл? Следил за подъездом, чего

уж проще. Как узнал, что тот, кто вышел из подъезда – это тот же, кто приехал с Ниной полчасом ранее? Следил за подъездом и тогда, когда увидел, что Нина уезжает со мной, и понял, что квартира наверняка пустая и можно влезть да порыться.

Во второй визит Некто обыскал квартиру ещё раз, заглянул во все ящики заново. Наверняка подумал, что хозяйка то, что он искал, могла переложить в другое место.

Без ответа остался малюсенький вопросец: как Некто открыл дверь Нины, если вкладыши в замках я заменил? Ведь ключи, что Некто прикарманил на даче Глеба, к новым вкладышам подходить не могли ну никак.

Отпереть оба замка отмычкой Некто успел бы вряд ли. Когда отпирал бы ещё первый, Нина бы услышала. На втором бы уже вызвала милицию.

Выходило, что дядьку Некто Нина знала, потому как дверь открыла и гостя впустила. Причём знала не один день, потому как впустила гостя на ночь глядя, ведь я ушёл от Нины примерно в половине десятого.

В пользу версии “дядька Некто Нину знал” говорило и то, что если Некто следил за подъездом и видел, как я выкатил Нину из дома перед отъездом на опознание, то, не зная Нину в лицо, Некто не мог знать, что я выкатил хозяйку именно той квартиры, в которую Некто собирался влезть.

Напросилась парочка вопросов. Что знакомец Нины дядька Некто искал настолько важное, если после первого обыска

ка вернулся со вторым? Что искал такого ценного, если ради этого убил Нину? Притом ни золотые цепочку да кольцо, ни мобилку, что лежали на самом виду, Некто не тронул.

Я подумал, что вольный бомж с дачи Глеба – читай случайный вор – убивать Нину стал бы вряд ли. Вольный бомж после того, как мы с Ниной его чуть не застукали, дорогу в стрёмную квартиру позабыл бы напрочь. Убить Нину мог тот, кому поиски чего-то архиважного припекли настолько, что ждать, когда квартира Нины освободится от Нины ещё раз, он не мог.

То, что Некто искал не что попало, а вещь конкретную, я решил считать доказанным ещё и потому, что Некто хотел скрыть не только обыск второй, когда убил Нину. Некто хотел скрыть ещё и обыск первый, тот, который устроил, пока мы с Ниной ездили на опознание. Ведь если бы не статуэтка кота, которую Некто поставил не так, как ставила Нина, то кто бы догадался, что обыск таки был?

В первый обыск Некто мог обшарить квартиру Нины пошустренькому, с порядком в квартире не церемониться, вывалить из шкафов вещи на пол, как на даче у Глеба. Ан нет, Некто тратил драгоценное время на обыск незаметный. Почему?

Ответ я нашёл один: Некто понимал, что если бы Нина вернулась раньше чем Некто успел бы квартиру обыскать, и если дядьке Некто пришлось бы сигать из окна, потому как Нина могла вернуться со мной, и если Нина застала бы

квартиру перерытой, то причину кавардака Нина определила бы в момент. Если Нина начала бы осматривать квартиру в поисках возможной пропажи, то могла наткнуться на то, что искал Некто, а Некто не хотел, чтобы то, что искал он, нашла Нина.

При этом Нина могла и не знать, что в её квартире хранится Нечто для дядьки Некто архиважное. Ведь Глеб мог принести Нечто с дачи домой, и Нине об этом не сказать. Потому и искал Некто сначала на даче у Глеба, а потом в квартире у Нины. На даче не нашёл, пришёл к Нине.

В качестве ответа на “Что мог искать дядька Некто?” я мог выдать и “Письмо с компроматом на президента”, и “Бриллиант ценой в миллион”, и “Неизвестную филателии марку”. Перебирать варианты я мог вечно, потому решил оставить мозголомку Юсупу, и вернуться к моим баранам, то есть к латаным-перелатаным перчаткам Самуилыча, которых я не нашёл ни в квартире Вадика, ни на городской свалке.

Я загрузил в мозги вопрос: “Куда Вадик мог спрятать перчатки?”. Затем я вспомнил, что кроме перчаток Вадик должен был спрятать ещё и полотенце-глушитель с кровью Самуилыча да с дырками, что остались после выстрела.

Ответ на поставленный вопрос мозги нашли быстрее чем я ожидал. Я подумал, что искать перчатки с полотенцем могу только я, потому как именно меня господь наградил тупостью, которой могло хватить на сотню-другую человек неразумных. Ведь надеяться на то, что перчатки и полотен-

це Вадик спрятал, мог только кретин. Вадику надо улики не прятать, а от них избавляться, да поскорее. К примеру, сжечь. Ведь что перчатки, что полотенце сгорят в минуту, только облей бензином и чиркни спичкой.

Я чуток приуныл. Если перчатки и полотенце Вадик сжёт, то я со своими версиями в пролёте как дурак на розовом вертолёте. Если перчаток я бы не нашёл, то с версией “Самуилыча убил Вадик” я мог попрощаться. Заодно я мог попрощаться и с Афоней, потому как если бы я вину Вадика не доказал, то я бы встретился с Афоней не раньше чем через несколько лет афониного отдыха на свежем воздухе таёжного лесоповала.

Среди опилок, которыми забита моя голова, шевельнулась мыслишка: “Разве кроме перчаток улик против Вадика нет?”. Как говорит Юсуп, улик всегда полно, только надо знать, где искать. Вдобавок Юсуп всегда говорит, что я в поисках улик круче неба, ибо отличаюсь болезненной способностью находить улики там, где их нет. Я решил Юсупа не разочаровывать, не лишать возможности лишний раз меня подначить, потому загрузил мозги задачей: “Найти ещё хотя бы одну улику против Вадика”.

Не успел я раскочегарить мозги на всю катушку, как позвонил Юсуп, перебил мне всю малину. Юсуп сказал, что задержится минут на десять. Словно в качестве бонуса за потерю моего драгоценного времени, под конец разговора Юсуп сказал, что его спецы, как ни старались, а следов порохо-

вых газов на штанах Афони не нашли. Я от радости чуть не подпрыгнул, хорошо, что Юсуп меня не видел.

Пока Юсуп не повесил трубку, я сказал, что хоть и скользкая, но для Афони отмазка нашлась. Юсуп сказал, что Афоня мог стрелять не стоя, а мог присесть, прижать ружьё к спине Самуилыча, приложить приклад к плечу, и выстрелить. Тогда следы пороховых газов будут как раз на афониной майке, где их и нашли, а не на штанах. Напоследок Юсуп добавил, что я прав: отмазка со штанами скользкая, и Афоне не поможет.

Что бы ни говорил Юсуп, а я решил, что раз на штанах Афони следов пороховых газов не нашли, то Афоня в Самуилыча не стрелял с вероятностью в девяносто девять процентов. Один процент я оставил на юсупово бредовое предположение “Афоня мог стрелять в приседе”. Это ж надо было до такого додуматься! Не убийство, а стрельба с приседаниями.

Затем я попытался припомнить, не полил ли я те шестерёнки, что ржавеют в моей голове, вместо машинного масла тормозной жидкостью. Не припомнил.

С чего вдруг я задумался о тормозухе? А о чём мне было думать? Ведь до меня дошло, что прошло уже полжизни, как я предложил Юсупу поискать следы пороховых газов на штанах Афони, а про штаны Вадика мои мозги хоть бы заикнулись!

Я решил, что дело в шляпе: Юсупу стоило только проверить штаны Вадика, и Афоню можно было отпускать. На ра-

достях я примерил к черепушке лавровый венок с надписью: “Лучшему сыщику всех времён и народов”.

Затем ушатом ледяной воды меня окатила противная мыслишка: “Что, если Вадик не такой круглый дурак, каким его выставил я, и штаны, равно как и майку, от следов пороховых газов защитил? Чем защитил? Да хоть надел рыбацкие сапоги да плащ Самуилыча”.

В следующий миг я уже заскрипел зубами, заиграл желваками – или что там делают крутые парни, когда злятся на свою тупость? – потому, что ни о сапогах, ни о плаще не подумал раньше, до того, как размечтался поймать Вадика за штаны.

На успел я наскрипеться зубами от души, как мои опилки подкинули мне идею из разряда тех, от осознания которых застываешь как счастливчик, что выиграл в лотерею миллион.

До меня дошло, почему на балконе Самуилыча у меня возникло ощущение “чего-то не хватает”, когда я осматривал балкон сразу после смерти Самуилыча. Мне не хватало рыбацких сапог и плащ-палатки.

Самуилыч, когда возвращался с рыбалки, всегда развешивал садок, сапоги и плащ на балконе, на верёвке для белья, чтобы просохли. Самуилыч мне жаловался, что воду сапоги пропускали как решето. Не мудрено, ведь сапоги у Самуилыча были под стать перчаткам: клеенные-переклеенные. Из-за того, что сапоги воду вечно пропускали, то и сушил

их Самуилыч не пять минут, а сутки, чтобы сапоги просохли изнутри. Я видал те сапоги и плащ на балконной верёвке Самуилыча не раз и не два.

В день своей смерти Самуилыч приехал с рыбалки, а значит, должен был развесить на балконе для просушки все рыбацкие прибабасы, включая сапоги и плащ. Значит, сапоги и плащ должны были висеть на балконе рядом с садком. В том-то и гвоздь программы, что, когда осматривал балкон сразу после смерти Самуилыча, то ни сапог, ни плаща я на балконе не видел.

Я просмотрел на мобильнике снимки, что я нащёлкал при первом осмотре квартиры Самуилыча. Я не ошибся. В кои-то веки моя память меня не подвела. На бельевой верёвке, что висела на балконе Самуилыча, сапог и плаща я не нашёл. Садок висел, а сапог и плаща я не увидел. Мало того, сапог и плаща я не нашёл, даже когда пролистал снимки со всей квартиры, а не только снимки с балкона. Не нашёл я сапог с плащом и на снимках, которые сделал, когда ночью влез к Вадику в квартиру аки вор.

Когда Самуилыч приехал с последней рыбалки и выгрузил из “Запорожца” рыбацкую дребедень, я видел и сапоги, и плащ. После рыбалки были, а через несколько часов, судя по снимкам, испарились? Явление полтергейста народу? Дурацкие шутки домового?

В проделки домового я бы поверил, да вроде из детсадовского возраста уже вырос. Потому я задался вопросом: по-

чему Вадик не заявил о пропаже сапог и плаща ни сразу, ни позже? При осмотре квартиры после смерти Самуилыча Юсуп попросил Вадика глянуть, всё ли на месте, не пропало ли чего. Вадик глянул. О пропаже не заявил. Не заметить пропажу столь крупных вещей как сапоги и плащ Вадик не мог, чай не булавка.

Через секунду я родил гениальную супер-пупер-версию. Согласно моей расчудесной версии Нину и Глеба убил Вадик. Почему дядьку Некто я переименовал в Вадика? Тут двумя словами не обойдёшься.

*

*

Я вспомнил, что когда в квартире Самуилыча Афоня стрелял в потолок, Вадика в квартире я не видел. Со слов Вадика, он с восьми вечера торчал на даче Глеба. Что, если Вадик торчал дома, а когда пришёл Афоня и началась пальба, Вадик спрятался? Где? Да хотя бы под кроватью. И всё слышал. И понял, что Афоня стрелял, а значит, держал ружьё в руках, и оставил на ружье пальчики.

Вадик знал, что ни я, ни Афоня под кровать не заглядывали, Вадика не видели, и потому Вадик смог сварганить себе алиби. Ведь о том, что во время потасовки Самуилыча с Афоней Вадик мог лежать под кроватью, мог знать только Самуилыч. Единственный возможный опровержитель липового алиби Вадика умер. Это ли не рай для убийцы?

Если Вадик во время потасовки Самуилыча и Афони ле-

жал под кроватью, то понятно, почему всё обернулось против Афони, и почему Самуилыч получил два заряда дроби в сердце именно в тот день, а не днём раньше или позже. Ведь Вадик видел, как Афоня стрелял, пусть и в потолок. Вадик был уверен, что ему достаточно скрыть своё присутствие в квартире и следы пороховых газов на своих руках, и подозреваемым номер один станет Афоня. Ведь на ружье Самуилыча остались афонины пальцы, а на руках Афони нашлись бы следы пороховых газов.

Если о существовании следов пороховых газов Вадик знал, и теми следами хотел Афоню подставить, то мог знать и то, что следы остаются не только на руках. Полагаться только на перчатки Вадик не мог. Потому Вадик и надел кроме перчаток плащ и сапоги.

Следующая мысль растёрла мои мозги в пыль: в момент потасовки Самуилыча с Афоней Вадик мог прятаться не только под кроватью. Вадик мог сидеть на балконе. Тогда Вадик видел всё действие целиком.

Когда я обнаружил труп Самуилыча, в коридоре горел свет. Тогда я подумал, что убийца стрелять в освещённом коридоре не побоялся, потому как знал, что коридор Самуилыча из окон не просматривается, и соседям из дома напротив ловить нечего даже с самым мощным биноклем. Юсуп предположил, что если квартира Афони под квартирой Самуилыча, то кому как не Афоне знать, что коридор Самуилыча с улицы через окна не просматривается. Ведь плани-

ровка афониной квартиры такая же, как и у Самуилыча.

Но и Вадик планировку квартиры Самуилыча знал не хуже Афони. Почему я не подумал об этом сразу, как только начал подозревать Вадика? Ответ ишу до сих пор.

На дверце шкафа, который стоял в коридоре Самуилыча, висело большое зеркало. Когда во время ночного визита к Вадiku я сидел на балконе и молился, в то зеркало я видел всё, что Вадик делал в коридоре. Видел я потому, что дверца шкафа с зеркалом была приоткрыта.

Я вспомнил, что и в момент потасовки-перепалки Самуилыча и Афони дверца шкафа была приоткрыта. Значит, Вадик – если сидел на балконе – в отражении балконных окон через зеркало, что на дверце шкафа, мог видеть всё, что творилось в коридоре в момент потасовки-перепалки. При этом Вадика ни я, ни Афоня не видели точно так же, как Вадик не видел меня, когда я сидел на балконе, и когда Вадик меня чуть не застукал во время ночного визита.

Соль в том, что на снимках, которые я нащёлкал во время осмотра квартиры сразу после смерти Самуилыча, дверца шкафа была закрыта. То есть Вадик мог стрелять без опасений, что его через окна увидят соседи из дома напротив.

В версии с балконом играло важную роль не только то, что Вадик потасовку-перестрелку видел, но и то, что Вадик после того, как участники потасовки разошлись по домам, слышал.

После стрельбы по потолку Самуилыча Афоня отправил-

ся к себе, затем пригласил меня. Мы поболтали, причём не шёпотом. Болтали не в комнате, не в коридоре, а на кухне, да ещё при открытых окнах. Если бы под балконом Афони стоял любитель подслушивать чужие разговоры, то мог слышать каждое наше слово. Звук, как известно, распространяется во все стороны. Кухонные беседы слышны не только под, но и над балконами.

Если в момент потасовки Вадик сидел на балконе, и затем балкон не покидал ещё минут десять, то мой с Афоней разговор при открытых окнах да при вечерней тишине Вадик мог слышать до единой буквы.

Не исключено, что подслушивал наш разговор на пару с Вадиком и Самуилыч, чтобы знать планы коварного Афони. Но дело не в Самуилыче. Если Вадик мой разговор с Афоней слышал, то знал, что, когда я от Афони ушёл, Афоня остался в квартире один и без свидетелей. Другими словами, если убить Самуилыча не мешкая, то алиби на момент убийства Самуилыча у Афони не будет.

Вадик это смекнул, и побежал убивать Самуилыча.

На горе Вадика Афоне позвонила дама сердца, Лора, и у Афони хватило ума излить свои любовные переживания не на кухне, чтобы слышало полдвора, а в комнате. Или Афоня болтал с Лорой в коридоре. Или в туалете. Во всяком случае там, где Вадик Афоню не слышал, и не знал, что у Афони на момент убийства Самуилыча есть хоть какое-никакое, а алиби.

Я собрал в кучу известные мне факты, добавил чуток фантазии, и получил картину трёх преступлений. Я прокрутил кино в голове, чтобы проверить, всё ли учёл.

В первых кадрах моей картины Вадик сидел на балконе и слушал мой с Афоней разговор. Затем Вадик услышал, что Самуилыч пошёл в туалет. Через пару секунд Вадик услышал, как я от Афони ушёл. Вадик снял с балконной бельевой верёвки перчатки для мытья посуды, сапоги, плащ. Надел. Если надевать сапоги и плащ на балконе, то Самуилыч, будучи в туалете, не услышит. На том же балконе в ящике для инструментов Вадик взял молоток, с бельевой верёвки снял банное полотенце, завернул молоток в полотенце. Вадик покинул балкон, вошёл в кухню, подошёл к коридорным дверям, спрятался за углом.

Самуилыч вышел из туалета, шагнул к ванной, чтобы вымыть руки, взялся за ручку за ручку ванной комнаты. При этом Самуилыч стоял к Вадику спиной.

Вадик вынырнул из-за угла, ударил Самуилыча по затылку молотком, обёрнутым в полотенце. Если бы шуршание плаща-дождевика Самуилыч и услышал, то повернуть голову на шорох успел бы вряд ли. Даже если бы Самуилыч мыть руки не пошёл, и увидел Вадика в защитном одеянии, и спросил, по какому случаю маскарад, то всё равно жить Самуилычу оставалось считанные секунды. Только и того, что получил бы молотком не по затылку, а по лбу.

Когда Самуилыч свалился без сознания, Вадик снял с ве-

шалки ружьё, – а ружьё Самуилыч зарядил “на Афоню” ещё при мне, – обернул срез ствола полотенцем, выстрелил деду в спину, ружьё бросил рядом.

В момент убийства Самуилыча я принимал “душ Шарко”, потому выстрелов не услышал бы, даже если бы Вадик стрелял без глушителя.

Вадик снял с себя защитный прикид, упаковал в новенький голубенький пакет для мусора. Молоток Вадик вернул в ящик для инструмента.

С момента убийства Самуилыча Вадиду надо поскорее ехать к Глебу, чтобы успеть подешёвке прикупить немного алиби.

Вадик вышел из квартиры, дверь закрыл, но на замок не запер, чтобы смог зайти я. Замок не автомат, при закрытии двери не запирается, только ключом. Проверни дверную ручку, и входи.

Мобильник Вадик оставил дома, чтобы не вычислили по трубке, что Вадик приехал на дачу Глеба вовсе не в восемь вечера.

Пакет, куда сунул сапоги, плащ, полотенце да перчатки, Вадик взял с собой, собрался сжечь.

К тому времени как Вадик после убийства Самуилыча покинул дом, уже порядком стемнело. Потому соседи наверняка Вадика не видели, что сыграло Вадиду на руку: Вадик мог не опасаться, что какой-нибудь сосед заявит, что видел Вадика в тот час, когда Вадик по легенде должен бы быть у

Глеба на даче.

Вадик успел отойти от дома, к примеру, с полквартиры, как Вадик в голову шибанула дельная мысль: мобильник-то Вадик оставил на столе! Дверь в квартиру открыта, а значит, тот же Афоня может зайти, увидеть труп Самуилыча, вызвать милицию, наткнуться на мобильник Вадика да и позвонить тому же Глебу в поисках Вадика.

Если бы тот же Афоня до Глеба дозвонился раньше, чем Вадик до дачи Глеба добрался, то Глеб бы сказал, что Вадика не видел. В итоге алиби у Глеба можно не покупать, ибо цена такому алиби грош, а других мест по продаже алиби Вадик наверняка не знал.

Возвращаться домой, чтобы мобильник запаролить, Вадик побоялся, потому как липовым алиби ещё не обзавёлся, а труп Самуилыча уже в наличии. А ну как кто-то – тот же Афоня – уже в квартиру Вадика заглянул, и труп Самуилыча обнаружил?

Потому у Вадика счёт пошёл на секунды.

Звонить Глебу из уличного автомата и договариваться об алиби Вадик не стал, не такой уж Вадик и круглый идиот. А ну как разговор подслушал бы случайный абонент, которого станция по ошибке подключила параллельно?

Потому Вадик и не сжёг пакет с компроматом сразу. Времени-то у Вадика было в обрез.

Если полотенце и можно облить бензином и сжечь за пару минут, то чтобы сжечь плащ из прорезиненной ткани, нуж-

но хотя бы минут пять. Сапоги, так те вообще будут гореть минут десять.

Да и где бы Вадик взял бензин? Чтобы всё облить бензином и бросить спичку, надо как минимум иметь бензин. Времени на покупку бензина, равно как и на сжегивание горючего из бензобака дедовского “Запорожца”, у Вадика было ноль. С пустой канистрой до заправки ещё надо добежать, да дожидаться своей очереди. Гараж Самуилыч сдавал, потому запасная канистра с бензином Вадика в гараже не ждала.

К тому же сжечь пакет Вадику попросту было негде.

Бросить пакет в мусорный контейнер, поджечь контейнер, и смыться Вадик не мог. А если жильцы, которым дым валит в окна, костерок погасят, да ненароком найдут то, что Вадик хотел сжечь?

К тому же сыщики захотят узнать, почему невдалеке от дома, где найден труп и не найдены перчатки и полотенце-глушитель, загорелся мусорный контейнер. Недогоревшие улики сыщики могут найти. Такое показывают по ящику через день.

Вдобавок в частном секторе, через который надо ехать на дачу Глеба, мусорных контейнеров нет. Туда раз в неделю приезжает мусоровоз, и частники выносят вёдра с мусором прямо к машине. На дачах мусорные контейнеры только возле домика управления. Там горящий контейнер потушит сторож, да недогоревшие улики опять-таки могут попасть к сыщикам. Рядом со сторожем ещё попробуй тот контейнер

подожги! Получишь из дробовика заряд соли в то самое место, на котором сидишь.

Зачем Вадику эти нервы? Проще отвезти пакет к Глебу на дачу, да там до поры до времени спрятать.

Вадик поймал такси, покатил на дачу Глеба. Дача в черте города, в Ракитной роще. На такси ехать пятнадцать минут. Можно было бы начать поиски таксиста, который Вадика подвозил, да только где ж взять столько времени? Только в одном таксопарке под две тысячи машин, и таких таксопарков в городе не меряно, ибо народ кредитных машин нахватался, возвращать кредит нечем, вот и подался весь город в таксисты. К тому же если о том, что подобрал клиента с бордюра и подвёз по пути на вызов из Ракитной рощи, таксист диспетчеру не сообщил, то того таксиста можно искать до второго пришествия.

На даче Глеба Вадик пакет спрятал. Где? Да хотя бы в баке с водой для полива участка. Бак Глеба стоял возле дороги, не в глубине участка, потому Вадик и смог бросить свёрток в бак, как только вошёл на глебов участок. Люк бака без замка, преград ни единой. Со слов председателя дачного кооператива, люк бака на замок не заперт потому, что старый замок Глеб спилил, а новый купить не удосужился, ведь Глеб почти всё время на участке, и бояться тех, кто захочет из бака воду вычерпать, нечего.

Пакет закрыт герметично, завязан на узел, иначе пакет в бак с водой Вадик бросил бы вряд ли. Ведь Вадик понимал,

что рано или поздно компромат надо сжечь, а мокрое придётся сушить, терять время. Я подумал, как хорошо, что пакет завязан, ведь так запах Вадика на компромате сохранится гораздо дольше.

Вадик пришёл в темноту, кореша наверняка сидели в домике Глеба, накуренные и оглушённые музычкой из бумбокса, потому ни увидеть, как Вадик бросает пакет в бак, ни услышать всплеска от падения пакета в воду не могли.

Глебу о пакете в баке Вадик не сказал. Ведь тогда пришлось бы говорить правду, а под это дело Глеб мог не подписаться. Под мокрухой подписываться...

По той же причине Вадик и не сжёг пакет на даче Глеба в кругу верных корешей. Вадик хотел компромат от корешей утаить. Если бы кореша поняли, что Самуилыча убил Вадик, то могли бы Вадика сдать или за молчание запросить денег раз в десять больше.

Вадик решил назавтра вывезти пакет на берег речки и сжечь, когда рядом не будет ни единой живой души, и дело с концом.

Почему не спрятал на любом другом участке, а спрятал именно на глебовом? Так ведь на дворе была ночь. Кто в темноте разглядит, что там да как на незнакомом участке? А ну как Вадик подумал, что пакет спрятал, а утром окажется, что положил на самое видное место? Или хозяин участка утром решит полезть именно в то место, где Вадик устроил схрон? Бак Глеба в этом отношении выглядит нычкой почти идеаль-

ной, ведь в бак заглядывают раз в сто лет.

На даче Вадик застал Глеба, Хребтолома и Ковылякина.

Вадик состряпал вид напуганного до смерти. Вадик рассказал корешам легенду. Наплёл какую-нибудь муть с окончанием вроде “деда убили, и могут спихнуть на меня, потому выручайте, други лепшие”, пообещал после продажи квартиры за липовое алиби заплатить. Лепшего друга вызволить из беды кореша согласились.

Вадик позвонил мне. Знал, что я сыщик, то есть начну расследование и вызову милицию, а не сделаю вид, будто заходил да трупа не заметил, как наверняка сделал бы каждый второй нормальный человек, который не хочет лишних проблем ни себе, ни своей семье. Кроме того, Вадик знал, что я разнимал Самуилыча и Афоню. Другими словами, мне есть кого подозревать – Афоню.

Знал Вадик и о том, что звонок Вадика подозрений у меня не вызовет, ведь и раньше случалось, что Вадик звонил мне и просил деда проведать.

На следующий день Нина позвонила Глебу, напомнила, чтобы вечером полил участок свой и не забыл полить участок соседа.

После того как солнце жарить перестало, Глеб решил полить участок сначала свой, затем соседский. Глеб подключил шланг к сливному крану бака, начал поливать участок, да вдруг вода из шланга течь перестала. Глеб заглянул в бак проверить, в чём дело, ведь по прикидкам Глеба в баке вода

ещё должна была быть.

Глеб увидел, что в баке плавал непустой пакет для мусора. Вадик ведь постарался, пакет завязал, потому пакет воды не набрался и не утонул. Патрубок сливного крана в глебовом баке для воды приварен не у самого дна, как делают неграмотные, а чуть выше, сантиметрах в пятнадцати-двадцати ото дна. Так делают, чтобы ржавчина, что собирается на дне бака, сливной кран изнутри не забивала. В какой-то момент пакет Вадика к патрубку крана подплыл, да к патрубку и прижался, чем и сыграл роль пробки да не дал воде орошать глебов участок.

Глеб изловчился, пакет из бака выудил, раскрыл, увидел перчатки, полотенце с кровью и дырками с опалёнными краями, плащ, сапоги. Глеб сообразил, что Вадик соврал, когда говорил, что Самуилыча не убивал, а только застал готовый труп. Иначе зачем Вадика прятать перчатки и остальные прибабасы, если по ним могут вычислить убийцу, и Вадика это спасёт?

Глеб понял, что за компромат на Вадика можно выторговать куда больше, чем за липовое алиби. Глеб решил пощипать Вадика по-взрослому. Глеб пакет перепрятал, а у Вадика в обмен на молчание решил попросить кучу денег. Потому Глеб и бросил поливочный шланг почти у дороги, ведь в глазах горел барыш от шантажа.

Глеб не удержался, позвонил подружке Танюше, сказал, что ждёт больших денег, наказал покупать купальник. Мол,

бабла ожидаю столько, что рванём, подруга, на море, и про-
валяемся на пляже до осени.

По телефону Глеб просить кучу денег у Вадика не стал. Понимал, что трубку Вадика могут прослушивать, потому как я сказал, что Вадика подозревают в убийстве Самуи-
ча.

Вадик приехал к Глебу вечером. Вадик не хотел доставать пакет из бака днём, чтобы Глеб видел. Вадик решил прийти якобы в гости, дожидаться темноты, по-тихому достать пакет из бака, отнести на берег речки, и сжечь.

Вадика ждал сюрприз: Глеб выставил Вадика счёт за мол-
чание. Говорить, куда перепрятал пакет с компроматом, Глеб отказался. Мол, или Вадик платит, или Глеб идёт в мили-
цию. Аппетит к шантажистам приходит во время еды, пото-
му Вадик решил Глеба убрать, а пакет найти позже. А может, Вадик понадеялся, что пакет там, куда его спрятал Глеб, и сгниёт. Ведь если спрятал, то случайный прохожий пакет не найдёт.

После убийства Глеба Вадик на всякий пожарный порыл-
ся у Глеба на даче, на участке. Пакета не нашёл. Зато Вадик нашёл ключи от квартиры Глеба, и подумал, что Глеб мог спрятать пакет не на даче, а в квартире.

Вадик глебову дачу покинул. Через полчаса следы Вадика с участка Глеба смыл ливень. Затем на дачу Глеба приехал я, нашёл труп Глеба. Конец второй серии.

Пока шли титры, я думал, куда Глеб мог перепрятать па-

кет. Не додумался.

В третьей серии фильма под названием “Вадик и три убийства” главный герой поехал к матери Глеба.

Вадик шлялся вокруг дома Нины, ломал голову, как бы забраться в квартиру Нины, до тех пор, пока к Нине не приехали я и Юсуп. Вадик дождался, когда мы с Ниной уехали на опознание, и влез к Нине в квартиру.

На беду Вадика мы с Ниной вернулись раньше, чем Вадик успел обыскать все пять комнат. Вадику пришлось прыгать с балкона. В итоге Вадик квартиру недообискал. Вряд ли Вадик был от такого фиаско в восторге. Если пакет найдёт Нина и позвонит в милицию...

Вадик от дома Нины не отходил, прятался где-нибудь за деревьями, держал мой джипчик в поле зрения.

Когда я от Нины уехал, Вадик вернулся квартиру Нины дообискать.

Открывать дверь глебовым ключом Вадик не пробовал, потому как Нина могла услышать, как кто-то тычет в замок ключом, и могла вызвать милицию. Вадик постучал в дверь, назваля, наплёл нечто вроде: “Я только что от дачников узнал, что Глеба убили. Какое несчастье! Примите мои соболезнования”. На такие слова Нина не отпереть не могла.

Не надо быть Гераклом, чтобы перевернуть кресло-каталку с инвалидом.

После убийства Нины Вадик квартиру Нины дообискал. Нашёл Вадик пакет с компроматом или нет, я на тот момент

не знал.

Зато я знал, что примерно во время смерти Нины Вадик дома перед телеком не сидел, попкорном не хрустел. Во время моего необъявленного визита к Вадиду накануне я Вадика дома не застал. Вадик пришёл домой, когда я уже заканчивал поиски перчаток.

Когда пошли финальные титры моего трёхсерийного фильма, я позвонил телефонисту, попросил узнать, где светился мобильник Вадика накануне с шести вечера до полуночи. Через минуту телефонист перезвонил, сказал, что мобильник Вадика провёл весь день в районе дома Вадика. Я решил, что Вадик, когда ходил на дело, мобильник оставлял дома в лучших традициях фильмов о бандитах. Потому я решил деньги на телефониста более не тратить, и о мобильнике Вадика позабыть.

Чтобы не бездельничать, я принялся ломать голову, как доказать всё то, что я понапридумывал. У Глеба Вадик не наследил, у Нины наверняка тоже. А если у Глеба и у Нины пальчики Вадика таки найдутся, то Вадик скажет, что был у Глеба в гостях за пять минут до его смерти, а убийца Глеба сидел в кустах и ждал, пока Вадик уйдёт. То же Вадик скажет и о смерти Нины. Мол, узнал о смерти Глеба от Хребтолома или Ковылякина, зашёл к Нине выразить соболезнования, а когда ушёл, Нина была жива.

Когда я понял, что без явных улик доказать вину Вадика не смогу, звякнул дверной звонок, и Юсуп гаркнул: “Ян, это

я! Открывай!”. Я представил, с каким удовольствием Юсуп разнесёт в пух и прах мою супер-пупер версию, поморщился, поплёлся открывать.

*

*

Юсупов врач сказал, что Нина умерла накануне вечером с девяти до одиннадцати. Убийством смерть Нины врач назвать не смог. Упала и ударилась головой, не более того.

Кинолог, как ни старался, а заставить собаку взять след так и не смог. Объяснил тем, что следов нет.

Криминалисты сказали, что в замки дядька Некто отмычку не совал.

Когда я указал на статуэтку кота как на доказательство обыска, Юсуп сказал, что даже юсупов шеф не заставит Юсупа поверить, что обычное положение глиняного кота – хвостом к зрителям.

Затем я услышал одну из любимейших фраз Юсупа: “Да меня шеф за такое убийство сожрёт с потрохами!”. Я понял, что Юсуп собрался списать смерть Нины на несчастный случай.

Тогда я ввёл в бой тяжёлую артиллерию: ударил по юсупову неверию моей стройной супер-пупер версией.

Юсуп меня выслушал, покрутил пальцем у виска, посоветовал посетить психолога, сказал, что моя версия ни к чёрту, и чтобы я угомонился. Юсуп добавил, что я могу Юсупу звонить не раньше чем найду плащ с сапогами, а до того я

имею полное право и почётную обязанность к Юсупу с бредом не лезть. Иначе мои звонки будут выглядеть не лучше, чем если бы я серпом да по юсуповым воздушным шарикам, надутым для первомайского парада.

Я подмахнул протокол допроса, пожелал Юсупу благополучно замять умышленное убийство ради красивой статистики, и откланялся.

Когда уселся в джипчик, я позвонил Вадику. Вадик снял трубку, прочистил горло кхеканием.

– Ян, вы же звоните не для того, чтобы...

– Вадик, где ты был вчера с девяти до одиннадцати вечера?

– У тёти Нины. Это мама Глеба.

– Что ты там делал?

– Мне позвонил кореш, сказал, что Глеба убили. Ну, я и пошёл тётю Нину проведать. Может, чего надо помочь. Жалко всё-таки. А что случилось?

– Нину убили.

– Да вы что?! Не может быть!

– Где ты был вчера вечером с четырёх до шести?

– Это допрос? Хотите узнать, где я был, когда убили Глеба? Только не спрашивайте меня, откуда я знаю, когда Глеба убили. Об этом знают все дачи.

– И где ты был, когда убили Глеба?

– В четыре я был у Глеба. Где-то в полпятого ушёл. Что, не получилось, Ян? Хотели повесить на меня, кроме деда,

ещё и Глеба, и тётю Нину? Вы вообще нормальный? С чего вы на меня взъелись?

– С того, что ты мне всё время врёшь, Вадик. Ты сказал, что перчатки деда выбросил, верно?

– Да.

– Твой пакет мусора я нашёл. Перчаток там нет.

– Лезть в мой мусор вы не имеете права! Это вторжение в частную жизнь!

– На свалке я имею право лезть куда захочу. Кстати, куда подевались дедовы рыбацкие сапожки и плащик, а? Почему я их в твоей квартире не видел? Испарились?

– Откуда мне знать? Наверное дед их выбросил, когда был на рыбалке. Ведь старьё.

– Вадик, я видел как твой дед выгружал из машины и сапоги, и плащ, когда приехал с рыбалки.

– Хм... Тогда их украли вы, когда нашли деда.

– Что ты споёшь, когда я их найду?

– Ищите, Ян. Бог в помощь.

Вадик повесил трубку.

Казалось бы, чего там думать? Тебе суют под нос улики, всё чин чинарём. Признавайся, и дело с концом. Ан нет, Вадик продолжил гнуть своё: “Я невиновен!”.

Вот только зачем невиновному врать? Вадик наверняка заготовил отмазку “Сапоги и плащ я выбросил, потому как старьё”, но понял, что если я на свалке не нашёл перчаток, то я не нашёл на свалке и сапог с плащом. В спешке Вадик

сочинил отмазку новую: “дед их выбросил, когда был на рыбалке”. Не скажу, что у Вадика получилось очень уж мастерски. Ляпнул что попало. И попался на очередном вранье.

Насчёт того, где Вадик шлялся в момент смерти Глеба и Нины, я спрашивал, чтобы убедиться, что Вадик избрал именно ту тактику, которой только и мог вооружиться тот, кому надо объяснить свои следы, которые могли найти на месте преступления.

Осталось найти голубой пакет для мусора с компроматом на Вадика. Правда, я не знал, возымеют ли мои поиски смысл, ведь Вадик мог найти пакет в квартире Нины, после чего я мог найти лишь угольки.

В рукаве у меня осталось только липовое алиби Вадика. Я решил смотаться к корешам Вадика, чтобы расспросить пацанов с пристрастием, потому как терпение моё собиралось вот-вот закончиться. Перед тем как избивать липовых свидетелей до полусмерти, я решил рассказать горе-очевидцам мою супер-пупер версию в надежде, что те поймут серьёзность положения Вадика, одумаются, да врать ради своего же блага прекратят.

*

*

Когда я подкатил к даче Хребтолома и посигналил, то радушный хозяин на крыльцо не вышел, хлебом-солью меня не встретил.

Выламывать дверь не пришлось, потому как дверь в до-

мик Хребтолома оказалась незапертой. В домик я вошёл с предварительным “Есть кто дома?”. Как водится, мне ответила тишина. Я домик обошёл, хозяина не нашёл. Я покинул домик, остановился на крыльце, осмотрелся.

В пяти метрах от крыльца у стены дома стояла лестница, что вела на чердак.

Я подумал, что Хребтолом ещё издали заметил мой джипчик, да спрятался на чердаке. Я крикнул: “Спускайся, дружище! Бить не буду!”. В ответ я не услышал и звука. Я решил осмотреть чердак, направился к лестнице. Когда подошёл к лестнице, лезть на чердак я передумал.

Что мне было делать на чердаке, если Хребтолом лежал возле лестницы? Лежал и не дышал. Лежавшего у лестницы Хребтолома я не заметил с крыльца потому, что участок Хребтолома зарос сорняками по пояс. Вот в этих-то маскировочных зарослях Хребтолом и лежал. Прохожему с дороги труп Хребтолома не заметить ни за что.

Я накатал в записной книжке мобильного строчку: “Труп Хребтолома. 12.00”.

Затем я позвонил Юсупу, обрадовал очередным трупом. Юсуп сказал, что приедет, как только управится у Нины, и попросил организовать режим “всех впускать, никого не выпускать”.

Я призвал на помощь мои скудные познания в судебной медицине, осмотрел труп. Чего-то особенного, из ряда вон, я не заметил. Хребтолом выглядел как человек, примерно за

час – плюс-минус час – до моего приезда упавший с лестницы и свернувший себе шею.

Как известно, свернуть человеку шею может и ребёнок. Человека со свёрнутой шеей положить рядом с лестницей додумается каждый, кто смотрит сериалы про бандитов. Попробуй потом докажи, что человека убили. Человек упал с лестницы, кто докажет обратное?

Я поймал себя на мысли, что начал считать Хребтолома жертвой убийства, а не несчастного случая. Я решил, что у меня с головой таки непорядок, и что Юсуп прав: мне пора к доктору, потому как каждый труп я рассматриваю прежде всего с позиции криминала. А ведь что на первый взгляд, что на второй, Хребтолом умер от падения с лестницы.

И всё же я не мог отделаться от мысли об убийстве. Правда, я не мог себе даже представить, кому смерть Хребтолома была нужна. Разве что тому покупателю, которому картель наркоторговцев дачного пошиба в составе Хребтолома и Ковылякина должен был продать тот пакет конопли, что я сжёг в камине Ковылякина.

На моего любимого Вадика я напраслину не возводил. Уж Вадика-то да убивать свидетелей своего липового алиби... С другой стороны, убил же – пусть и только в моём воображении – Вадик Глеба, тоже свидетеля. Главное ведь в том, что важнее. В случае с Глебом Вадика было важнее найти пакет с компроматом. А в том, что пакет Вадик искал и у Хребтолома, я очень сомневался. Во всяком случае, в домике Хреб-

толома следов обыска я не заметил.

Я решил взять тайм-аут, подумал: “Пацан неудачно свалился с лестницы, а мне мерещится убийство. Баста!”, присел на крыльце в тени козырька, стал ждать Юсупа. Председателя дачного кооператива я вызывать не хотел, оставил эту честь Юсупу, а то председатель запомнил бы меня как предвестника несчастий, и повесил бы в будке охраны моё фото с подписью: “Не впускать!”.

Юсуп и его команда прибыли без четверти час. Команда Юсупа принялась за работу, Юсуп отвёл меня в сторону, начал с того, что рассказал, как сразу после моего ухода приехала сестра Нины. Ехала хоронить племянника, а тут... Еле откачали.

Затем Юсуп сказал, что подозрительного в квартире Нины не нашёл, потому на взгляд Юсупа смерть Нины убийством не считается. Кроме пальцев Глеба, Нины, Юсупа и моих в квартире Нины пальцев не нашли. Замки целы. Со слов сестры Нины пропаж в квартире ноль.

В завершение Юсуп спросил меня, генератора супер-пупер версий, к чему прицепиться Юсупу, чтобы смерть Нины записать в разряд умышленных убийств? Я пожал плечами. Что я мог сказать? Что Вадик натянул на руки перчатки, ноги облачил в бахилы? Так это Юсуп мог предположить и без меня, а на предположения судьи плюют.

Зато я Юсупа обрадовал: уверять в том, что Хребтолома убили, а не он сам сверзился с лестницы, я не стал. Мне по-

казалось, что от благодарности Юсуп чуть не прослезился.

Когда мы с Юсупом смерть Хребтолома обговорили, подошёл врач, сказал, что у Хребтолома свёрнута шея, и что Хребтолом вполне мог неудачно упасть с лестницы. Мол, убийством и не пахнет.

Вслед за врачом к Юсупу подошёл кинолог. Сказал, что собака след взяла, но потеряла на трассе, что ведёт в город.

Юсуп кинолога отпустил, сказал, что оставить след мог даже мой любимый злодей Вадик, но от этого несчастный случай убийством называться не станет. Вадик скажет, что приходил в гости, а когда уходил, то Хребтолом ещё выглядел живым и здоровым. А за то, что через минуту после ухода Вадика Хребтолом свалился с лестницы, Вадик не в ответе. Я с Юсупом согласился.

На том и порешили.

Когда отъезжал от участка Хребтолома, я вспомнил, что собирался покалякать с Хребтоломом и Ковылякиным насчёт липового алиби Вадика. Я направил джипчик к даче Ковылякина.

По приезде я посигналил, и лишь затем рассмотрел на входной двери Ковылякина навесной замок. Я Ковылякину позвонил. Ковылякин изволил на мой вызов трубку не снимать. Я глянул на часы, разглядел час дня, решил, что пора бы и пообедать. Ковылякина я оставил на закуску.

*

*

Я подъехал к родному подъезду, поставил машину позади серого китайского пикапа, который, гад, впёрся на моё место.

Я вышел из машины, пошёл к подъезду. Когда поднимался по ступенькам, я услышал, как завёлся мотор пикапа. В следующий миг я услышал глухой удар. Я обернулся. Пикап сдавал назад, и врезал моему джипчику по бамперу. Я натянул на лицо чрезмерно вежливую улыбку, зашагал к месту происшествия.

Пикап подался вперёд, остановился. Из пикапа выпрыгнул мужик размером с губернатора Калифорнии, развёл руками, состряпал улыбку в стиле “Виноват!”. Когда я подошёл, мужик пробормотал: “Извини, братан, не углядел”.

Я пригнулся, чтобы посмотреть, разбит ли мой бампер, и на какую сумму братан влетел, если бампер таки разбит.

Через миг я понял, что пригибаться в присутствии посторонних, особенно, если посторонние стоят сзади, чревато ударом по затылку.

Недоносок угодил мне кулачищем прямо по свежей шишке. Череп резанула боль похлеще той, что рвёт тебя на куски, когда стоматолог втыкает шпильку-штопор в здоровый нерв.

По пути к асфальту я сперва зашиб колено, затем плечо, да под конец приложился виском к бордюру.

Мгновение в глазах царила темень, украшенная роём звёздочек, затем звездочки пропали, осталась темень.

Я услышал, как открылась дверь пикапа и ко мне подошёл

некто, судя по шагам в два раза легче того, кто огрел меня по черепушке. Легковес сказал: “От Вадика отвали. Понял?”. Я попытался кивнуть. Мой собеседник сказал: “Вот и ладненько! Будь здоров!”. Затем легковес вернулся в пикап, тяжело-вес пнул меня в бок, а я изволил на секунду отключиться.

Когда очнулся, то услышал, как пикап выкатывал из двора. Я порылся в памяти, но номера пикапа не откопал. Зато по звуку я определил, что пикап покинул мой двор через тот выезд, через который я езжу на заправку. Если ехать по той дороге к ближайшему перекрёстку, то как ни крути, а мимо заправки проехать придётся. Другими словами, пикап не мог не попасть в поле зрения камер, что понатыкали заправщики на территории заправки не знаю зачем.

Я уселся в джипчик, минут пять приходил в себя после удара по затылку, тошноту унял леденцом, затем покатил на заправку. Я понадеялся на то, что камеры на заправке смогут номер пикапа различить.

На заправке я попросил за пять баксов показать мне записи камер наблюдения. Записи мне показали за десять. Торгаш из меня не ахти.

Как я и предполагал, камеры заправки серый пикап засекли. Мало того, водила пикапа на моё счастье решил заправиться. Пикап остановился аккуратно напротив камеры. Не различить госномер пикапа мог бы только слепой. Я щёлкнул номер пикапа на камеру мобильного.

Я позвонил Юсупу, продиктовал номер, цвет и марку пи-

капа, попросил раздобыть порт приписки обидчиков. Через пять минут Юсуп перезвонил, сообщил паспортные данные владельца пикапа.

Я поехал в гости к владельцу пикапа. Через десять минут я постучал в дверь того, кому сходу собрался заехать в нос. Дверь мне не открыли.

Зато отворилась дверь соседская. На пороге возникла древняя старушенция, наверняка ровесница крейсера “Аврора”, спросила, что мне надобно от её соседа Романа, в дверь которого я ломился с таким грохотом, что старушенция чуть не оглохла. Я сказал, что я из милиции, ищу Романа по подозрению в наезде на пешехода, показал старушенции липовое удостоверение, где я старлей, и должность у меня Главный Следователь России. Старушенция сказала, что Романа давно пора проучить, потому как музыку, гад, слушает до полуночи, и мешает соседям спать. А найду я Романа в зале игровых автоматов, где Роман большой начальник. Координаты зала старушенция сообщила мне шёпотом.

Через четверть часа я подъехал к залу игровых автоматов. У входа в зал стоял серый китайский пикап. Таблички с надписью: “На этом пикапе ездят те, кто дал сыщику Янову по черепу” я под лобовым стеклом пикапа не разглядел.

Я вошёл в зал. В дальнем углу зала я заметил дверь с табличкой: “Администрация”. Когда я вошёл в кабинет администрации, передо мной нарисовался мужик размером с губернатора Калифорнии, водила серого пикапа. Такого амба-

ла стукнуть – это не мошь прихлопнуть резинкой от трусов. И всё же я стукнул. Пока амбал вспоминал как дышать, а подошёл к стройному смазливому красавцу, что сидел за столом и не улыбался.

В мозгах у меня звучал голос легковеса, который мне приказал от Вадика отвалить. Я спросил смазливого красавца: “Как тебя зовут?”. Красавец ответил: “Рома”. Голоса Ромы и легковеса совпали. Затем Рома изобразил грозный рык, выдал: “А ну, пошёл отсюда!”.

Я выдернул Рому из-за стола, встряхнул. Рома улыбнулся глазами: мол, меня на эту пушку не возьмёшь. Тогда я взял мизинец Ромы на излом. Рома из красавца превратился в сутулого вислоухого уродца, принялся глотать воздух как тот карась, что с утра сохнет на прилавке.

Я спросил Рому, за какой шиш мне перепало по свежей шишке. Голос Ромы на грозный рык походить перестал, стал сладким как тот чай, который получится, если не сахар всыпать в чашку, а чай влить в сахарницу, полную сахару.

Рома рассказал, что Вадик проиграл в игровых автоматах три тысячи баксов. Проигрывал и раньше, но суммы в десять раз меньшие, и всегда отдавал. С последним долгом Вадик затянул. Рома сказал Вадиду, что если через месяц долг не вернётся, то Вадиду придётся купить абонемент в реанимацию. Вадик пообещал долг вернуть. Вскоре у Вадика убили деда. Вадик сказал, что как только квартиру продаст, так долг и вернёт. За час до того, как я получил кулаком по све-

жей шишке, Вадик позвонил Роме и сказал, что я хочу навесить на Вадика левое убийство. Мол, Вадик не убивал, а я, чтобы спасти убийцу настоящего, каждую улику вешаю не убийце, а бедному и несчастному Вадику. Вадик попросил у Ромы помощи. Рома рассудил: если Вадика благодаря мне посадят, то долг Роме не вернётся, а значит, надо попросить меня от Вадика отвалить.

Перед тем как Рому отпустить, я отвесил красавцу для профилактики увесистую оплеуху. Затем я пнул водилу серого пикапа, пожелал парням обходить мой дом десятой дорогой, и отбыл восвояси.

По дороге к джипчику я праздновал удачу: у Вадика появился жирный мотив. Мотив у Вадика был и раньше: квартира Самуилыча. Но с таким мотивом можно жить годами, и не обидеть даже мухи. Такой мотив чуть не у каждого второго. А вот неслабый долг кредитору, который надо вернуть через месяц и на годы не растянешь, заставил Вадика подсуетиться. Это ли не жирный мотив? На такой мотив не сможет закрыть глаза даже Юсуп.

Я покатыл домой.

Я собирался принять душ, переодеться, а то после встречи с асфальтом моя одёжка выглядела не так уж и презентабельно. К тому же часы показывали половину третьего, а желудок требовал хоть и запоздалого, но обеда.

*

*

Вроде бы уже и научен, а ума у меня таки не хватило, чтобы при входе в подъезд в первую очередь посмотреть в тёмный угол, что за шахтой лифта. Надо будет по свободе туда повесить лампочку, и чтоб горела круглые сутки.

Ковылякина я узнал по сопению. Жаль, что узнал уже после того, как Ковылякин размахнулся, и начал опускаться на мою черепушку тот ломик, который я позже у Ковылякина отобрал и до сих пор храню как напоминание о своей безопасности.

Ковылякин не поскупился, ломик взял подлиннее, чтобы хватило и одного удара.

Чересчур длинный ломик меня и спас, потому как основной удар пришёлся по верхнему срезу дверной рамы. Затем ломик таки соскользнул на мою черепушку, и я почувствовал, что улетаю.

Летел я аж целый длиннющий миг. Пока летел, успел подумать, что бить меня по голове вошло в моду. Вот она, жизнь частного сыщика: тебя бьют монтировкой по голове, причём по десять раз на дню, а ты не горюй.

Ещё в полёте, когда от бетонного пола до моего носа оставалось целых полметра, я услышал, как на первый этаж спустился лифт.

Затем я шмякнулся об пол. Через миг открылись дверцы лифта. Из лифта вышла соседка с шестого, с доbermanом на длинном поводке. Доберман, как обычно, был без намордника. В другой раз я бы посмотрел на соседку косо за то, что

плюёт на других и выводит здоровенную псину без намордника, но после встречи моей шишки с ломиком Ковылякина увидеть милую мордашку добермана я был просто счастлив. Не выйди из лифта доберман, думаю, что Ковылякин промашку бы исправил, и второй удар ломиком отправил бы меня на небеса. А так Ковылякин схватил ноги в руки и дал дёру.

Соседка принялась было причитать, мол, человека убили, да я зашевелился. Соседка спросила, не вызвать ли “скорую”. Я промычал: “Нет, спасибо”, поднялся на четвереньки, мотнул головой, взвыл от боли в затылке так, что доберман отпрыгнул и поджал обрубок хвоста.

Тут я взбесился. Такое бывает. Когда тебе дают монтировкой по башке, а затем дважды разминают свежую шишку, начинаешь съезжать с катушек.

Бешенство придало сил. Я вскочил, вылетел из подъезда, заметил в полуквартале от дома сверкающие пятки Ковылякина, прыгнул в джипчик, помчался следом. Когда до Ковылякина оставалось метров двадцать, тот свернул в соседний двор. Я пронёсся джипчиком по газону, затормозил, бросил машину открытой, полетел вслед за обидчиком.

Ковылякин выдохся на выезде из двора. Остановился, развернулся, схватил ломик обеими руками, замахнулся, крикнул: “Не подходи, убью!”. Такие приветствия я слышу чуть не каждую неделю, потому я как бежал к Ковылякину, так бежать и продолжил. Приостановился лишь в двух

метрах от Ковылякина, подобрал ногу, да так сходу и влетел обеими ногами в грудь Грозного-Парня-С-Ломиком. Ковылякин гикнул, отлетел метра на три. Ломик задел меня по руке, но в запале стычки я боли не почувствовал.

Я схватил Ковылякина за шкирку, подхватил ломик, потащил трофеи к машине.

Ковылякин пришёл в себя уже у машины, когда я связывал герою ноги скотчем. Ковылякин замычал. Я залепил рот спикера скотчем. Затем я связал Ковылякину руки, привязал к ногам. Под конец я запихнул добычу в багажник. Ломик я положил в салон.

Я покатил к дачному кооперативу “Ракитная роща”, чтобы на даче у Ковылякина поболтать с трофеем без свидетелей. Я надеялся, что те, кто видел нас с Ковылякиным из окон, в милицию по поводу похищения человека не позвонят, и мой джипчик не опишут.

В дороге я позвонил Юсупу. Сказал, что еду к Ковылякину, и могу с Юсупом поспорить, что когда приеду, то найду на даче труп Ковылякина, потому как Вадик наверняка после Хребтолома захотел убить и Ковылякина. Юсуп сказал, чтобы я лечился. Я повесил трубку. Ответ Юсупа меня не интересовал. Я хотел нагнать на Ковылякина страху. Ковылякин лежал в багажнике, и мой разговор с Юсупом слышал. Я надеялся на то, что Ковылякин наложит в штаны, ведь я предупредил казённого следователя, что могу найти труп Ковылякина.

Когда я приехал на дачу Ковылякина и трофей выгрузил, Ковылякин смотрел на меня как приговорённый на палача.

Дверь в домик Ковылякина я открыл ломиком. Затем втащил Ковылякина, уложил посреди комнатки, ухватился за ломик обеими руками, замахнулся. От беззвучного ора вены не шее Ковылякина вздулись. Я треснул ломиком по полу рядом с лицом Ковылякина. Ломик проломил доску пола. Я сказал: “Второй раз бахну не по полу, а по твоей башке”, затем снял со рта Ковылякина скотч.

Ковылякин заскулил: “Вы... вы меня... убьёте?”. Я не ответил, лишь посмотрел на Ковылякина спецвзглядом. Этот взгляд я тренировал именно для таких вот случаев, когда дрейфливому лопуху надо втюхать уверенность в серьёзности моих намерений, да чтоб до мокрых штанов.

После моего вопроса-приказа “Я тебя слушаю” Ковылякин тараторил скороговоркой минут пять, и всё по делу.

Если передать монолог Ковылякина в двух словах, то отоварить меня ломиком по затылку Ковылякина нанял Вадик.

Вадик сказал Ковылякину, что вадиков кредитор Рома позвонил и сказал, что приструнить меня не получилось. Рома оказался размазнёй, да выложил мне всё про долги Вадика. Если я расскажу о вадиковых долгах Юсупу, то Юсуп посмотрит на дело об убийстве Самуилыча по-другому, начнёт ковыряться где не надо, а там может докопаться и до липового алиби. Мол, кредитор Рома про долги Вадика Юсупу может и не сказать, а если меня грохнуть, то про долги Юсуп

не узнает наверняка. Потому чем быстрее Ковылякин меня упокоит навеки, тем Вадику лучше.

К тому же, если я до липового алиби таки докопаюсь, а к этому всё и идёт, то убийство Самуилыча свалят на Вадика, а если Вадика посадят, то Ковылякин денег за липовое алиби не получит.

Без тех денег, которые Вадик пообещал за липовое алиби, Ковылякин труп, потому как Ковылякину кровь из носу надо возвращать долг за тот пакет конопли, что я изволил сжечь в камине. Покупатель того пакета конопли шутить не станет, и если Ковылякин двойной аванс не вернёт, то Ковылякину перепадёт куда больше, чем от частного сыщика. Частный сыщик хоть как-то, но закон чтит, а тот, кто покупает коноплю, может о законе и не слыхивать, зато способов убийства может знать миллион.

Что до алиби, то оно у Вадика таки липовое. Когда Вадик приехал на дачу Глеба, то рассказал, что вышел во двор курнуть перед сном косячок. Когда Вадик вернулся, нашёл труп деда. Вадик испугался, что Вадика как наркошу повяжут в момент, и убийство Самуилыча спихнут на юного травокура. Мол, внучок застрелил деда по накурке. Не мудрено, внучок ведь под кайфом. О том, что на ружье нет отпечатков, Вадик сообразил, да подумал, что убийство всё равно повесят на Вадика, потому как скажут, что стрелял в перчатках, потому пальчиков на ружье и нет.

Хоть Вадик и курнул-то всего чуток, чтобы спалось с

мультиками, но следователь засёк бы сразу. Накуренный ты или нет, парни в погонах вычисляють с одного взгляда.

Я сказал, что не видел по Вадику, чтобы он был накуренный, когда Вадик приехал с дачи Глеба. Ковылякин сказал, что Вадик курнул совсем чуть, потому через час успел протрезветь. Ковылякин и сам-то не заметил, что Вадик был накуренный. Но не потому не заметил, что Вадик был трезвый, а потому, что и сам со товарищи к приходу Вадика был уже изрядно покуривший, а потому плохо понимавший, накуренный Вадик или нет.

Алиби у Вадика нет, потому как был дома, а накуренная морда в наличии. На кого следователю подумать, как не на Вадика? И мотив тут как тут: квартира в наследство. Если к тому же докопаются до вадиковых долгов, то камера Вадику обеспечена.

Деда не вернёшь, а так можно дедову квартирку – что в центре и дорогая – продать, купить на окраине почти такую же квартиру, и на разницу в цене квартир расплатиться с долгами.

Вадик попросил корешей сказать следователю, что Вадик прибыл на дачу в восемь вечера. Пообещал по тысяче долларов каждому. Мол, лучше продать квартиру и заплатить три тысячи, чем гнить на зоне ни за что.

На том Ковылякин замолчал и посмотрел на меня как побитая собака на парня с дубинкой.

Когда я убедился, что алиби Вадика таки липовое, то по-

думал, что Вадик мог убить Хребтолома за шантаж. Почему Хребтолом не мог попросить у Вадика тысяч десять? Ведь Хребтолом знал, что алиби купленное, а значит, могло быть липовым, так почему не рискнуть? Хребтолом решил получить с Вадика поболее, чем обещанная жалкая тысяча долларов, ведь Хребтолом не мог не знать, что с продажи дедовой квартиры Вадику обломится много-много зелёных тысяч.

Следом меня посетила мысль покруче: что, если Вадик убил Хребтолома как свидетеля липового алиби? А если бы Глеб, Хребтолом и Ковылякин уехали неизвестно куда? Показания есть? Есть. Подписаны? Подписаны. Что надо ещё? Доказать, что алиби липовое, следователь не сможет. На бумаге Вадик с алиби. На всех допросах, на расписках Вадик с железным алиби.

Я решил, что Ковылякина ждала участь Хребтолома. Тем более что Ковылякина Вадик нанял меня укокошить. Зачем Вадику такой свидетель?

Ковылякин заскулил: мол, дяденька, отпусти.

Я Ковылякина от скотча освободил, сказал, чтобы уматывал подобру-поздорову, потому как Вадику такой опасный свидетель не нужен. Заодно я объяснил Ковылякину, чем он так опасен Вадику. Ковылякин улыбнулся, сказал, что я наверное с мозгами не дружу, раз подумал такое на лучшего кореша Вадика. Уматывать Ковылякин не собирался.

Я пожал плечами, прихватил с собой ломик Ковылякина, вышел на крыльцо.

Я стоял и думал, что делать. Думал, и при этом рассматривал проржавевший бак для воды, что стоял на участке Ковылякина. Я смотрел на бак не потому, что бак меня интересовал, а чтобы хоть куда-нибудь приткнуть взгляд.

Думаю, именно потому, что я смотрел на бак, а не в небо, до меня и дошло, куда Глеб мог перепрятать пакет с компроматом на Вадика.

Я вспомнил, как Нина сказала, что ключи, которые я нашёл в кладовке, от бака соседа. Я подумал: а почему бы Глебу не спрятать пакет Вадика в баке соседа?

Интересно, что бы было, если бы на крыльце Ковылякина я смотрел таки в небо, а не на бак?

Я хлопнул себя по лбу, побежал к джипчику. На ходу я крикнул Ковылякину: “Ты бы спрятался, орёл! Вадик уже считай в розыске. Жить тебе осталось недолго”.

Я прыгнул в джипчик, покатыл на дачу глебова соседа.

Бак для воды, что стоял на соседнем с дачей Глеба участке, охранялся некрепким на вид замком с силуминовым корпусом да зарослями малины, что обступили бак с трёх сторон.

Я сбил замок ломиком Ковылякина. Корпус замка хоть и силуминовый, а лопнул аж на третьем ударе. Грохот я устроил на весь кооператив “Ракитная роща”. Думал, сбегутся все соседи с четырёх ближайших улиц. Не сбежались. Отличное место для убийства. Ни одного свидетеля.

Голубой пакет для мусора, набитый чем-то до объёма де-

сятилитрового ведра, плавал в самом дальнем углу бака. Пакет плавал почти у самого дна, потому как воды в баке было не больше четверти метра. Длинной палки, чтобы подтянуть пакет к себе, рядом с баком я не нашёл, потому скинул мокасины и носки, подкатил брюки, и влез в узкий люк. У меня хватило ума оставить замок на баке, рядом с люком.

Когда я добрался до пакета, то взял его в руки нежнее, чем юннат берёт бабочку. Я не удержался, сказал: “Ну, Вадик, теперь ты попал по-взрослому!”.

Я услышал шаги. Пока я соображал, что к чему, крышка люка захлопнулась, и я услышал, как в проушину люка со скрежетом вошла дужка того замка, который я разбил и оставил рядом с люком на баке.

Я матернулся. Стальная крышка люка стального бака заперта на стальную дужку замка. Прощай, жизнь.

Затем я услышал, как Некто ломиком Ковылякина принялся сбивать замок с водомера. По сопению я узнал Вадика.

Вадик замок с водомера сбил, открыл кран. Из подающего патрубка в бак с напором хлынула вода. Я не обрадовался. В стенке бака была всего лишь одна маленькая дырочка, почти под самым верхом. Если бы бак наполнился водой, то та дырочка меня бы не спасла, потому как вода в бак поступала быстрее, чем через ту дырочку вода могла вытечь.

Я решил позвонить Юсупу, чтоб ехал друга вызволять из беды. В стальном баке мобильник показал мне кукиш той шкалой, где обычно зашкаливает уровень сигнала.

Я подумал, что Вадик всё сделал правильно. Зачем ждать, пока я вылезу из бака с пакетом? А вдруг я дал бы Вадику по мозгам? А вот если залить водицей бак по самый люк, глядишь, я и утопну.

Бак заполнялся быстрее, чем я соображал, как из бака выбраться. Давление воды было такое, что как я ни старался, как ни пыхтел, а заткнуть патрубков, из которого хлестала вода, не смог. Силёнок не хватило. Не смог заткнуть патрубок ни ладонью, ни затычкой, которую скрутил из футболки. Только зря угробил футболку.

Затем я вспомнил о дырочке, что светилась в стенке бака под самым потолком. Сквозь дырочку я увидел заросли малины. Я понадеялся на то, что Вадик в малину не полезет и мой воздуховод не заметит.

Я достал из кармана шариковую ручку, выбросил стержень, отломил узкий конец корпуса ручки. Получилась трубка. Я обмотал трубку носовым платком так, чтобы трубка с платком по диаметру подходила к дырочке в стенке бака. Затем я без единого шороха вставил трубку в дырочку. Получился хоть и малоэффективный, но воздуховод, через который можно было дышать. Дышать с частотой вдох-выдох в тридцать секунд я умею. Моего дыхания не услышишь и с полуметра.

Когда я с воздуховодом покончил, а воды в бак набралось мне по пояс, я предложил Вадику договориться. Сказал, что в обмен на мою жизнь предлагаю пакет с компроматом на

Вадика.

Вадик отмолчался.

И то верно. Зачем Вадика со мной договариваться, если можно подождать, пока я утону?

Раз уж Вадик договариваться отказался, я попытался понять, как Вадик меня выследил.

Через минуту я решил, что Вадик сидел в кустах поблизости от дачи Ковылякина, да поджидал лучшего кореша, а тут с Ковылякиным заявился я. Зачем Вадик ждал Ковылякина? Если Ковылякин заказ Вадика выполнил, и меня таки прибил, то Ковылякин Вадика больше не нужен. Потому Вадик пришёл Ковылякина убрать.

Когда со связанным Ковылякиным приехал я, Вадик из укрытия не вышел, не дурак. Затем Вадик услышал, как я крикнул Ковылякину, что Вадика я уже почти определил в розыск. Вадик решил узнать, что такого опасного для Вадика я узнал и почему мой джипчик покотился к даче Глеба. Пока я сбивал замок, Вадик заросшими участками пробрался за мной, увидел, как я влез в бак, и услышал моё “Вадик, ты попал!”. Надо будет как-нибудь подрезать себе язык.

Когда воды в баке набралось мне по глаза, и дышать носом, прижатым к потолку бака, мне стало не с руки, я присосался к своему воздуховоду.

Дышал я длинными – в полминуты – вдохами, и такими же выдохами. Иначе, если бы дышал как спринтер на стометровке, то Вадик мой воздуховод вычислил бы по шипению

вдыхаемого-выдыхаемого воздуха.

Перед тем как изобразить агонию я, чтобы смотрелось по-натуральнее, кричал, звал на помощь, колотил в стенки бака ногами и руками. В общем, я поорал, побулькал. Иначе Вадик мог заподозрить неладное.

Я затих. Я хотел, когда Вадик откроет люк проведать утопленника, вынырнуть из глубин бака аки водяной, да ухватить Вадика за ухо.

Вода была холодная, я чуть не начал дрожать всем телом и стучать зубами. Я услышал, как вода добралась до щели между крышкой люка и баком, начала стекать на землю. Когда сидишь под водой, то слышишь всё до единого звука.

Через пять минут моего молчания Вадик решил таки подающий кран закрыть. Затем Вадик влез на бак, взялся за дужку замка. Я приготовился хватать Вадика за ухо.

Я услышал звук мотора. Так тарахтит “Москвич”. Вадик затих. Наверняка прислушивался. Через пару-тройку секунд “Москвич” затормозил. Насколько я понял по звуку, “Москвич” затормозил напротив того участка, где Вадик решил меня утопить.

В следующий миг я услышал, как Вадик спрыгнул с бака и ретировался. Затем я услышал, как по участку прошёл некто, по шагам не Вадик, и тогда я постучал по стенке бака.

Я стучал до тех пор, пока Некто не взобрался на бак и не открыл люк. Тогда я вынырнул, и нос к носу столкнулся с мордатым мужиком.

Я думал, что у мужика будет три инфаркта подряд, настолько ошалелым был у мужика взгляд.

Мужик габаритами и формами походил дирижабль. Как он вскарабкался на бак, до сих пор для меня загадка. Я понял, почему Вадик слинял с резвостью гончей. С таким бегемотом шутки плохи. Ненароком задавит.

Дирижабль спросил: “Ты кто?”. Я назваля частным сыщиком Яном Яновым, протянул мокрую визитку. Я добавил, что расследую смерть Глеба. Дирижабль назваля глебовым соседом. Своё имя дирижабль забыл.

Я выбрался из бака, объяснил, что сбил с бака замок ради следствия и что ущерб возмещу. Сосед Глеба сказал, что возмещать ущерб не надо, потому как приехал с новыми замками, чтобы заменить ими старые.

Сосед Глеба добавил, что услышал про убийство Глеба, и что услышал, будто с дачи Глеба пропали какие-то ключи, вот и приехал, чтобы на всякий пожарный сменить замки на баке. Всё-таки от соседского бака у Глеба был комплект ключей. Звонить матери Глеба в такой момент да спрашивать о ключах сосед счёл некорректным. Всё это глебов сосед выпалил одним предложением.

Я выудил из бака пакет с компроматом на Вадика, сказал, что пакет – важнейшая улика в деле Глеба, что за пакетом-то я в бак и полез, и тогда-то меня злодей и запер. Глебов сосед закивал, спросил, не надо ли вызвать милицию. Я сказал, что пока рано.

Я рассмотрел трофей. Сквозь тонкую плёнку пакета я увидел грубую ткань, похожую на ткань плащ-палатки. Пакет я решил не раскрывать, чтобы не выветрились запахи Вадика.

Растереться грубым полотенцем да поваляться на солнышке, – всё же я просидел чётр знает сколько в ледяной воде из артезианской скважины, – я хотел, само собой, да меня ждал Ковылякин. Потому я решил в мокрых штанах в джипчик не лезть, и для разогрева подняться к даче Ковылякина бегом.

Что я забыл у Ковылякина? Я решил, что после панихиды по мне Вадик захочет Ковылякина – последнего свидетеля липового алиби – убрать, да поскорее. Тогда останется алиби Вадика на трёх подписанных бумажках, и липовым такое алиби назвать будет сложно. Чуть погодя Вадик наверняка собирался вернуться к баку, слить воду, отобрать у моего трупа пакет с компроматом, да устроить пионерский костёр.

*

*

Когда я вошёл в домик Ковылякина, и нос к носу столкнулся с Вадиком, то глаза у Вадика стали такими большими, будто я показал казённую путёвку в Магадан.

Вадик рванул к выходу, по пути нарвался на мой кулак, свалился. Я оттащил Вадика к стене, затем подошёл к Ковылякину, что лежал на полу весь в крови.

Перед тем как отключиться, Ковылякин попросил защиты и сказал, Вадик лучшего кореша пытал и требовал при-

знать, кому ещё кроме меня Ковылякин говорил про липовое алиби Вадика.

Мой мобильник намок в баке, потому я вытащил мобильник из кармана Ковылякина, вызвал Юсупа, попросил захватить с собой доктора для Ковылякина, наручники для Вадика, и медаль для меня.

Затем я присел рядом с Вадиком, надавал бойцу по щекам, привёл в чувство, показал Вадиду пакет, что я выловил из бака.

Вадик хмыкнул.

– Ян, я вам ничего не скажу. Я требую адвоката.

– Скажешь адвокату, что дед застрелился?